

Индекс 54916

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит два раза в год
2014, № 1 (8)

Учредитель
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Редколлегия:

Алексеев А.Н., д.и.н. (гл. редактор); *Андреева Т.Е.*, к.ф.н.; *Антонов Е.П.*, к.и.н.;
Боякова С.И., д.и.н. (зам. гл. редактора); *Буцева Ж.В.*, к.ф.н.; *Варламов А.Н.*, д.ф.н.;
Винокурова Д.М., к. социолог. н.; *Данилова Н.И.*, д.ф.н.;
Ефремов Н.Н., д.ф.н. (отв. секретарь); *Жукова Л.Н.*, к.и.н.; *Игнатьева В.Б.*, к.и.н.;
Ларионова А.С., д.иск.; *Попова Н.И.*, к.ф.н. (зам. гл. редактора);
Романова Е.Н., д.и.н.; *Романова Л.Н.*, к.ф.н.; *Слепцов П.А.*, д.ф.н.

Редакторы: *Е.Ф. Молотков, Н.И. Дегтярева*
Английский текст *О.Н. Кочмар*
Верстка *А.А. Строева*
Обложка *А.И. Харитонов*

ISSN 2218-1644

© ИГИиПМНС СО РАН,
2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

<i>Захарова Т.В.</i> Из истории якутского алфавита	5
<i>Павлов А.А.</i> Якутская духовная семинария — первое среднее учебное заведение Якутии	11
<i>Юрганова И.И.</i> Государственно-церковные отношения в советской Якутии: коллективы православных верующих	15
<i>Федоров В.И.</i> Политика военного коммунизма в Якутии	19
<i>Сулейманов А.А.</i> Трансформация системы международного научного сотрудничества в Арктике на рубеже 80–90-х гг. XX в.	24
<i>Ушницкий В.В.</i> Дауры: новые этнографические материалы	30

Социология

<i>Аверина Ю.Н.</i> «Идиш-культура» в общественной жизни Еврейской автономной области	34
<i>Волкова Н.В.</i> Формирование лояльности персонала организации: роль трудовых приоритетов работников	37
<i>Позднякова Т.В.</i> Кадровая политика организации: анализ основных теоретико-методологических подходов	43
<i>Терентьева М.А.</i> Оценка трудового потенциала Республики Коми в сравнении с северными регионами России	51
<i>Стыров М.М.</i> Этические и гуманитарные аспекты современных экономических процессов	57

Философия

<i>Винокуров В.В.</i> Об особенностях якутской философии	66
--	----

Филологические науки

<i>Шамина Л.А.</i> О перспективе в тувинском языке	73
<i>Николаева Т.Н.</i> Формула сравнения как форма описания внешности героя (на материале якутского олонхо «Ала-Булкун»)	79
<i>Николаева А.М.</i> Экспрессивные средства в якутском эпическом тексте	83
<i>Кириллина М.А.</i> Жанрово-стилевое своеобразие комедий Н.Д. Неустроева	88
<i>Илларионов В.В.</i> Н.С. Горохов: первые записи олонхо и их перевод на русский язык (к изучению верхоянской эпической традиции)	93
<i>Ларионова А.С.</i> История становления якутской музыкальной фольклористики	98
<i>Мазай Л.Ю.</i> Музыкально-поэтический язык тахпаха	104

Путевые заметки исследователя

<i>Васильев В.Е.</i> Петроглиф близ перевала Бакиркичан и его интерпретация в свете этнографических сведений о «шайтанах»	108
<i>Ушницкий В.В.</i> Поездки в тюркские республики Южной Сибири: впечатления этнографа ..	111

Информация

<i>Кузьмина А.А.</i> Всероссийская научно-практическая конференция «Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра: фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности»	117
Сведения об авторах	120
Правила оформления рукописей.....	122

CONTENTS

Historical sciences

<i>Zakharova T.V.</i> From the history of the Yakut alphabet	5
<i>Pavlov A.A.</i> The Yakut religious seminary was the first secondary educational institution in Yakutia	11
<i>Yurganova I.I.</i> State-church relations in the Soviet Yakutia: the groups of Orthodox believers	15
<i>Fedorov V.I.</i> The policy of war communism in Yakutia	19
<i>Suleymanov A.A.</i> The transformation of the international scientific cooperation system in the Arctic at the turn of 80–90 th years of XX century	24
<i>Ushnitskiy V.V.</i> Daur: new ethnographic materials	30

Sociology

<i>Averina Yu.N.</i> «Yiddish-culture» in public life of Jewish Autonomous region	34
<i>Volkova N.V.</i> Formation of personnel organization loyalty: the role of employees labor priorities	37
<i>Pozdnyakova T.V.</i> Personnel policy of the organization: analysis major theoretical and methodological approaches	43
<i>Terentieva M.A.</i> Evaluation of the labour potential in the Komi Republic in comparison with the Russian northern regions	51
<i>Styrov M.M.</i> Ethical and humanitarian aspects of modern economic processes	57

Philosophy

<i>Vinokurov V.V.</i> Peculiarities of the Yakut philosophy	66
---	----

Philological sciences

<i>Shamina L.A.</i> About prospective in the Tuvan language	73
<i>Nikolaeva T.N.</i> Comparison as a form of description of the hero's appearance (based on the Yakut epic Olonkho «Ala-Bulkun»)	79
<i>Nikolaeva A.M.</i> Expressive means in the epic text	83
<i>Kirillina M.A.</i> Genre and stylistic originality of N.D. Neustroyev's comedies	88
<i>Illarionov V.V.</i> N.S.Gorokhov: the first notes Olonkho and their translation into Russian (to the study of the Verkhoyansk epic tradition)	93
<i>Larionova A.S.</i> History of the formation of the Yakut musical folklore	98
<i>Mazai L.Yu.</i> Musical and poetic language takhpakha	104

Travel notes

<i>Vasiliev V.E.</i> Petroglyph near the pass Bakirkoy and its interpretation in the light of ethnographic information about the «shaitans»	108
<i>Ushnitskiy V.V.</i> Trips to the South Siberia: the experience of the ethnographer	111

Information

<i>Kuzmina A.A.</i> All-Russian scientific-practical conference «Indigenous peoples of the North-Western Yakutia and Taimyr: folk heritage and problems of ethno-cultural identity»	117
Information about authors	121

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 033.23:811.512.157(091)

Т.В. Захарова

Из истории якутского алфавита

В статье на основании введения в научный оборот новых источников опровергается устоявшееся мнение, что приведенный в книге «Сокращённый катехизис... на якутском языке» (1819) алфавит является первым якутским алфавитом, прослеживается процесс изучения истории возникновения письменности у якутов и выясняется, когда исследователи стали принимать алфавит русского языка, опубликованный перед текстом «Сокращённого катехизиса...» в 1819 г., за первый алфавит якутского языка.

Ключевые слова: якутская письменность, этапы формирования, якутский алфавит, история изучения.

Вопрос о том, когда был создан первый якутский алфавит, не считается дискуссионным в современной якутской историографии. В одной из последних опубликованных работ, посвященных вопросу, авторитетнейший учёный Ф.Г. Сафронов изложил распространённое мнение, что первый якутский алфавит появился в 1819 г. вместе с первой якутской книгой «Сокращённый катехизис...» [Сафронов, Иванов, 1992, с. 55].

Однако новые источники опровергают давно устоявшуюся точку зрения. В Российском государственном историческом архиве (РГИА), в фондах Синода, в делах канцелярии обер-прокурора (ф. 797), обнаружено дело под названием «О напечатании переведённого на якутский язык русского катехизиса». В нём хранится подлинник доношения Иркутского епископа Михаила, датированного 22 мая 1818 г. и адресованного министру Духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну [РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 9095. Л. 1–1 об.]. В доношении излагается просьба исходатайствовать дозволение напечатать в Иркутской губернской типографии переведённый на якутский язык христианский катехизис. Вот что сказано о предполагаемом издании: «...весьма полезно будет напечатать оный перевод русскими литераторами вместе с русскою азбукою для употребления безграмотных якутов. Они по сей учебной книжке с удовольствием и легко могут уразу-

меть истины христианской веры, в коей ещё не довольно утверждены, а паче научиться разбирать и читать русские книги. <...> Для этого ... прошу ... исходатайствовать мне ... дозволение напечатать означенного Катехизиса на первый раз один перевод якутский российскими буквами и с российской азбукой ...» [Там же, л. 1–1 об.]

В научный оборот книговедами введены некоторые документы из дела «Указ о напечатании и переведении на якутский язык катехизиса и переписка о рассылке таковых...» [ГАИО, д. 2405]. В деле хранится документ – указ из Иркутской консистории, где давалась инструкция, как использовать переводную книгу: «Чтобы ... священно- и церковнослужители приложили попечение ... к возбуждению в своих прихожанах ... ревностной охоты обучаться читать по табличке, на 3-й странице сей книжки напечатанной. [Нужно будет] показать: а) наименование букв <...> в) склады, то есть как буквы гласные, на табличке в середине напечатанные, с согласными, тут по сторонам напечатанными, одним разом произносить...» [ГАИО, л. 11-11 об.]

Таким образом, из приведённых выше документов совершенно точно явствует, что в книге воспроизведён алфавит русского языка, а не первый якутский алфавит, как было принято думать раньше.

Новая информация, достоверность которой бесспорна, позволяет уточнить датировку соз-

дания первого алфавита, и, следовательно, отнести начало письменности якутского народа к 1851 г., когда академиком О.Н. Бётлингом был опубликован алфавит (в труде «*Über die Sprache der Jakuten*» («О языке якутов»); СПб., 1851).

Казалось бы, так ли это важно, в 1819 г. или тридцатью годами позже был создан алфавит. Между тем датировка возникновения первого алфавита — это определение эпохи в истории бесписьменного народа, поскольку, по словам известного исследователя письменности Г. Люльфинга [1981, с. 14], «история письма — это история культуры». Неверная датировка каждого из этапов создания и развития письменности и форм литературного языка влечёт за собой, в конечном счёте, неверное, неточное понимание хода истории.

Необходимо напомнить, что алфавит — это азбука, упорядоченная определённым образом система графических знаков, изображающих отдельные звуковые элементы языка и таким образом передающих звуковой облик языка [Книга, 1999, с. 30–31]. Можно привести также определение термина «азбука»: совокупность букв, принятых в данной письменности, располагаемых в установленном порядке.

Цель данной статьи — выяснить, как шёл процесс изучения проблемы и когда, на каком этапе сложилось представление о том, что в книге «Сокращённый катехизис...», изданной в 1819 г., был напечатан первый якутский алфавит.

Прежде чем сделать историографический обзор, необходимо представить то самое издание, в котором, по устоявшемуся мнению, помещён первый якутский алфавит. Полное название издания (приведено на обложке, которая считается 1-й страницей): *Сокращенный / катехизис, / Для обучения юношества / Православному закону Христианскому, / переведенный / на якутский язык / с приложением на переди/ таблиц для складов и чтения / гражданской печати**. На 3-й странице приведена «Таблица для складов и чтения гражданской печати», в которой приведено 32 буквы и некоторые слоги, расположенные в четыре столбца следующим образом:

Бб			Сс
Вв	Аа	ай	Тт
Гг	Ее	ей	Фф
Дд	Ии Ии	ий	Хх
Жж	Оо	ой	Цц

Зз	Уу	уй	Чч
Кк	Ыы	ый	Шш
Лл	Ьь	ьй	Щщ
Мм	Юю	юй	Өө
Нн	Яя	яй	Ъъ
Пп			Ьь
Рр			

В русском дореволюционном алфавите, как известно, содержится 33 буквы. В таблице, приведённой в якутском катехизисе, отсутствует буква ижица (как видится, её пропуск — ошибка наборщика; издание вообще отличается большим количеством опечаток).

На с. 4-й — «Знаки надстрочные и строчные» (ударение, запятая, двоеточие, точка, вопросительный, удивительный и пр.), а также «Числа римские и гражданские» — то есть римские числа и соответствующие им арабские числа (от одного до тысячи, две тысячи, десять тысяч, сто тысяч). После этого, со с. 5-й, начинается текст катехизиса. Оглавление отсутствует, название частей и глав выделено шрифтом в тексте.

Одно из первых упоминаний о «Сокращённом катехизисе» (втором его издании 1821 г.) найдено в указанном выше труде О.Н. Бётлинга «*Über die Sprache der Jakuten*». Немецкий и русский филолог-индолог во введении к своей работе привёл список использованных им источников, среди них «Краткий катехизис, отпечатанный в Иркутске в 1821 г. 2-м изданием. ... Титульный лист, объяснение букв и первый лист текста сильно истёрты» [Бётлингк, 1989, с. 55–56.]. Таким образом, приведённую «Таблицу...» учёный назвал «объяснение букв», что близко к термину «азбука». Других комментариев по поводу «Таблицы...» или анализа объяснения букв автор не дал. А вот о качестве перевода написал подробно: «С самого начала не очень правильный перевод обезображен к тому же массой типографских опечаток. Обозначение букв[в тексте] в высшей степени неудовлетворительно и непоследовательно» [Там же]. Таким образом, автору этих строк не понятно, принял ли живший в Петербурге академик приведённую в книге «Таблицу...» за якутский алфавит или нет. Важно, что Бётлингк не стал сопоставлять «объяснение букв» перед текстом с опытом применения их в тексте.

Дальнейшая историография вопроса относится к советскому времени, когда в первые годы советской власти в республике начина-

* Описание сделано по экземпляру, хранящемуся в библиотеке Иркутского государственного университета.

ся активное языковое строительство. Так, в учебных заведениях Якутии вводятся занятия на якутском языке (постановление Якутского губернского отдела народного образования от 1920 г. «О введении в учебных заведениях занятий на якутском языке в первых группах с якутскими детьми» [Винокурова, 2005]), затем принимается программа якутизация органов власти. Эти мероприятия потребовали реформ в области якутской письменности. В феврале 1924 г. постановлением Президиума ЯЦИК с целью научной разработки якутской транскрипции и языка был создан Совет якутской письменности и стал широко обсуждаться вопрос об усовершенствовании алфавита и транскрипции, разработанных С.А. Новгородовым (1892–1924). С 1935 г. начал работу Научно-исследовательский институт языка и культуры при СНК ЯАССР (ныне ИГИИПМНС СО РАН), который был призван «...создать и разработать алфавит, орфографию, пунктуацию, терминологию и учебные пособия по якутскому языку» [Дешериев, 1958, с. 119]. Целью этих мероприятий было расширение общественных и культурных функций якутского языка, формирование и развитие его литературных форм [Слепцов, 2008, с. 75].

Одно из первых упоминаний о миссионерских опытах найдено в записях создателя одного из вариантов якутского алфавита С.А. Новгородова, который писал следующее: «Ещё до появления на свет академической транскрипции отцы-миссионеры Русской православной церкви ... издавали церковные книги в переводе на инородческие языки. При этом прибегали, во-первых, к кириллице и, во-вторых, к русской гражданской азбуке с очень незначительными изменениями. Само собой разумеется, что научная точность в передаче звуков почти совсем отсутствует в трудах благочестивых отцов» [Новгородов, 1978, с. 64] (работа написана в 1921 г.).

Ряд работ был опубликован в 1930-е гг. С.Н. Донским (вторым) (1895–1938); в период учёбы в аспирантуре Центрального научно-исследовательского института национальностей при Наркомпросе РСФСР (в 1932 г.) он писал: «До прихода русских завоевателей якуты были народом бесписьменным. <...> Миссионеры православной церкви ... делают первые попытки создания письменности на якутском языке. ... Книги издавались на транскрипциях, основанных на церковно-славянском и русском алфавитах. ... В 1821 г. ... было напечатано второе издание сокращённого катехи-

зиса на якутском языке на гражданском алфавите, совершенно не приспособленном к фонетическим особенностям якутского языка. В результате катехизис был передан на совершенно исковерканном якутском языке. ... Дмитрий Хитров первый из миссионеров сделал попытку несколько приспособить русский алфавит к особенностям якутского языка» [Донской, 1932, с. 35].

Председатель названного выше Совета якутской письменности и созданного в 1928 г. Комитета якутской письменности П.А. Ойунский (1893–1939) считал: «Первой книгой, вышедшей на якутском языке в 1921 г. ... был катехизис [имеется ввиду второе издание «Сокращённого катехизиса»]. Он был издан на русском гражданском алфавите» [Ойунский, 1934, с. 137].

Системное изучение истории возникновения письменности у якутов началось в упомянутом выше Научно-исследовательском институте языка и культуры при СНК ЯАССР, первым директором которого стал Платон Алексеевич Ойунский.

Для того чтобы картина формирования представлений о первом якутском алфавите была полной, привлечены не только опубликованные работы учёных, но и рукописи из фонда Научно-исследовательского института.

Предположительно в 1938 г. историк В.Н. Чемезов составил справку «Из истории якутского алфавита» (хранится в деле «Материалы о переходе якутской письменности на якутский алфавит и установление орфографии») [Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 29. Л. 26]. Василий Назарович писал, что первые алфавиты были миссионерскими. По мнению автора, в 1812 г. был издан алфавит епископа Михаила Бурдукова на славянской основе (имеется в виду первая известная книга на якутском языке «Молитвы. Символ веры и заповеди Божии», которая исследователями не найдена и, по-видимому, утрачена); в 1819 — алфавит священника А. Винокурова на русской гражданской основе (автор ошибся, переводчиком издания 1819-го г. был Г. Попов).

Годом позже, в 1939, П.П. Барашков [Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 39], будущий специалист по фонетике и диалектологии якутского языка, составил научный отчёт по теме «Краткий очерк истории якутского языка». Пётр Петрович впервые дал периодизацию процесса развития якутской письменности. Первый период, на взгляд учёного, охватывает время с 1819 по 1917 гг. Не делая сносок на источники, автор

указал: «Один из первых алфавитов составил живший в Якутии священник Анемподист Винокуров». Таким образом, исследователь неправильно привёл фамилию автора перевода, повторив ошибочное мнение В.Н. Чемезова, и указал неправильное название книги: «Катехизис в вопросах и ответах» вместо «Сокращённый катехизис». Алфавит А. Винокурова, по мнению автора отчёта, «... состоял из ... знаков, взятых в основном из русского алфавита и русской гражданской графики. Отступление от русского алфавита заключается в том, что к начертаниям гласных звуков прибавляется «й»». Последнее относится к сочетаниям гласных, представленных в 3-й колонке приведённой выше «Таблицы для складов и чтения» «Сокращённого катехизиса». Автор сделал попытку разобраться в системе письма, применённого во втором издании катехизиса. Изучив текст катехизиса, Пётр Петрович выявил, какие сочетания букв алфавита обозначают специфические звуки якутского языка, указал на непоследовательность применения букв и сочетаний букв для обозначения одного звука. «Так были запутаны гласные звуки, но ещё большей путанице подверглись согласные звуки. Большие недостатки имеет алфавит ещё и в отношении графики и в отношении передачи слов». Итогом наблюдений учёного стал вывод о том, что «алфавит этот никакой пользы делу развития письменности не принёс» [Там же, л. 6, 8].

П.П. Барашков продолжил изучение темы и в 1945 г. составил отчет «Развитие якутского алфавита (исторический очерк)» [Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 150]. Учёный повторил тезис о появлении первого якутского алфавита в 1819 г. Были уточнены наблюдения о несоответствиях между русским гражданским алфавитом и алфавитом 1819 г.: «К начертаниям гласных звуков прибавляется «й» — ай, ей, ий, ий, ой, ый, эй, юй, яй». Как видится, учёный решил, что приведённые в 3-м столбце слоги — это обозначение звуков. Кроме этого в Приложении была дана сводная таблица, в которой указаны названия алфавитов: алфавит Г. Попова, алфавит О.Н. Бётлингга, алфавит Д. Хитрова, Казанский алфавит, алфавит С.А. Новгорова и т.д. Обращает на себя внимание, что в работе отражены поиски точных данных об авторе перевода «Сокращённого катехизиса» 1819 года, Пётр Петрович писал, что на книге «... не было обозначено имя приводчика, поэтому возникали споры даже среди церковников» [Барашков. 1946]. Как следует из ссылки, П.П. Барашков к тому времени нашёл в журнале «Якутские епар-

хиальные ведомости» статью С. Парышева, в начале XX в. писавшего о книге «Сокращённый катехизис» [Парышев, 1900]. В 1946 г. Пётр Петрович в местной газете «Социалистическая Якутия» опубликовал статью, где повторил тезис о появлении якутского алфавита в 1819 г. «Таким образом, — писал учёный, — якутский алфавит с момента своего возникновения (1819 г.) и до Октябрьской Социалистической революции (1917 г.) в течение столетия зарождается и развивается на основе русского алфавита» [Барашков, 1946].

Обращает на себя внимание, что в 1942 г. И.И. Барашков в соавторстве с А.П. Окладниковым опубликовал работу «Древняя письменность якутов», где, противореча показанным выше работам, прямо указал: «До бётлингковского академического алфавита (середина XIX века) у якутов алфавитного письма действительно не было» [Барашков, 1953, с. 35].

В 1944 г. под грифом Научно-исследовательского института языка, литературы и истории ЯАССР вышло юбилейное издание «Культура, искусство и здравоохранение ЯАССР за XX лет (1922–1942 гг.)». Автор опубликованной работы Г.П. Башарин в главе «Изучение Якутии. Рост печати» написал: «В дореволюционной Якутии один за другим, начиная от алфавита священника Анемподиста Винокурова (Попова?) [так в тексте. — З.Т.]... появились 5 алфавитов» [Башарин, 1944, с. 36].

В 1945 г. сдал свой отчёт по теме «Основные моменты истории якутского письма (начертательное письмо)» П.В. Попов [Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 86]. Эта работа была опубликована в 1947 г. как приложение в книге Л.Н. Харитоновой [Попов, 1947]. В разделе «Алфавиты якутского языка» Пантелеймон Васильевич писал, что первый алфавит, автором которого был священник Григорий Попов, составитель «Сокращённого катехизиса», появился в 1819 г. «в виде приложения к изданному в то время катехизису на якутском языке» [Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 134], «вместе с катехизисом на якутском языке» [Попов, 1947, с. 287]. «Что касается азбуки, то она напечатана не в алфавитном порядке, а в разбивку на два столбца. ... Азбука Попова [названа] “Таблицей для складов и чтения гражданской печати”... <...> автор включает в свой “алфавит” также буквы из тех русских звуков, которых не было в якутском языке, как, например, ж, в, ц, щ, ь и одновременно с этим в таблицу букв для специфических звуков якутского языка не включает — дь, нь, ль ... Автор не предусматривает также

долгие гласные и дифтонги. Всё это в целом сильно снижает качество таблицы». Однако эти недостатки не помешали П.В. Попову оценить первый алфавит как положительное явление, послужившее «делу обучения грамоте якутов» [Попов, 1947, с. 288].

В том же 1945 г. было опубликовано исследование Е.И. Убрятовой «Очерки изучения якутского языка». Книга имеет три части. В первой рассказывается о первом этапе изучения якутского языка, когда происходило накопление фонетического материала. Особое место уделено изданиям миссионеров, которые «... служили существенным дополнением к фольклорным материалам и всякого рода записям устной речи якутов, на основе которых организовано было первоначальное изучение якутского языка» [Убрятова, 1945, с. 4]. Вторая часть работы была посвящена исследованиям, где даётся описание якутского языка (работы Е. Огородникова, О.Н. Бётлингга, Д. Хитрова и др.). В третьей рассказывалось о ссыльных (В. Худяков, В.М. Ионов, К.Э. Пекарский и др.) и их занятиях якутским языком. Обращает на себя внимание, что нигде в тексте Елизавета Ивановна не упомянула первый алфавит 1819-го г., однако в приложении к книге была приведена «Сводная таблица алфавитов якутского языка» (как в отчёте П.П. Барашкова за тот же 1945 г.), которая начиналась с так называемого алфавита 1819 г. (как автор указан «Г.Я. Попов, 1819»). Нет указаний на первый алфавит 1819 года и в последующих работах филолога; выявлено, что Убрятова употребляла косвенные выражения: «письменность на базе русской графики» [Убрятова, 1978, стлб. 1076]. В более поздней работе она писала: «Грамотные якуты [до революции] давно пользовались им [русским алфавитом] в личной переписке на родном языке. На русском алфавите издавались ... также переводы некоторых правительственных распоряжений и церковной литературы» [Убрятова, 1977, с. 114].

Обращает на себя внимание, что П.А. Слепцов, ведущий специалист по лексикологии, лексикографии и истории якутского языка, как и Е.И. Убрятова, в своих работах, опубликованных в конце 1980-х гг., не употребляет термин «первый якутский алфавит» применительно к «Таблице...», помещённой в «Сокращённом катехизисе» [Слепцов, 1986, с. 15–27].

В 1950-е гг. вышел ряд книг, в которых эта тема развивалась дальше. В 1953 г. П.П. Барашков опубликовал монографию «Звуковой состав якутского языка» [1953], где повторил сде-

ланные им наблюдения в предыдущих работах (1939, 1945 гг.): миссионерский алфавит 1819 года «... состоял из ... знаков, взятых в основном из русского алфавита. Отступление от русского алфавита заключается в том, что к начертаниям гласных звуков прибавляется “й”», автором первого перевода является Георгий Яковлевич Попов [Барашков, 1953, с. 82–83].

В «Очерках истории якутской советской литературы» [1955] авторы Г.М. Васильев и Г.У. Эргис связали начало якутской письменности с исследовательской деятельностью О.Н. Бётлингга. Авторы назвали его алфавит первым гражданском якутским алфавитом, получившим «...впоследствии название академического в отличие от параллельно существовавших миссионерских алфавитов» [Очерки..., 1955, с. 23]. Вышедший в 1957 г. второй том «Истории Якутской АССР» был посвящён Якутии от 1630-х гг. и до 1917 г. В главе «Культура во 2-й половине XVIII и 1-й половине XIX в.» (авторы М.М. Носов, В.Н. Чемезов, Г.У. Эргис) вообще нет сведений о миссионерских изданиях. Сказано только о О.Н. Бётлингке, который «... разработал на русской основе особый якутский алфавит. ... Так трудом Бётлингга было положено начало ... созданию якутской письменности» [История..., 1957, с. 262].

Следующий этап в развитии вопроса связан с исследованиями историка Ф.Г. Сафронова, который, опровергая мнение, что якуты до Октябрьской революции не имели письменности, на основе составленной им историографии темы [Сафронов, 1967] доказал широкой читательской аудитории (статьи печатались в местных литературно-художественных журналах) дореволюционное происхождение якутской письменности. Учёный писал следующее: «История буквенного якутского письма, в настоящем смысле этих слов, начинается с 1819 г., когда вышла первая книга на якутском языке. <...> На третьей странице был помещён алфавит, который и следует признать первым якутским алфавитом...» [Там же, 1967, с. 119].

Последующая историография вопроса повторяет результаты исследований (в сжатой и ёмкой форме представлены в статье Н.Е. Петрова) [1972]: «...первый якутский алфавит появился в 1819 г. вместе с якутским переводом “Сокращённого катехизиса”... Он представлял таблицу из четырёх колонок, где первая и четвёртая колонки заполнены согласными звуками в порядке русского алфавита, вторая — гласными, третья — сочетаниями й с гласными. Это было в целом примитивным

приспособлением русской азбуки для печатания якутского текста, не учитывавшем специфику якутского языка» [Петров, 1972, с. 208]. Эти выводы обнаружены в монографии [Исаев, 1979, с. 101], Энциклопедии Якутии [Алфавит..., с. 485], хронике [Якутия..., 2000, с. 13], в статьях, помещённых в якутских периодических изданиях [Якимов, 1992; Сурун Омолон, 2001], в том числе и на якутском языке [Шишигин, 1973, Тюнгорядов, 1976].

Таким образом, наблюдая процесс формирования представлений о первом якутском алфавите, нетрудно заметить, что первые советские исследователи (Новгородов, Донской, Ойунский) не использовали термин «алфавит» применительно к «Таблице...», приведённой в «Сокращённом катехизисе», но считали, что здесь русскую азбуку приспособляли к обозначению звуков якутского языка.

Привлечённый материал позволяет сделать вывод, что впервые «Таблицу...», приведённую в книге «Сокращённый катехизис», стали принимать за якутский алфавит в конце 1930-х гг. (Чемезов, Барашков, Попов). В ранних работах этого периода отмечается тенденция любое первое печатное издание на якутском языке считать первым якутским алфавитом (Чемезов); исследователи пытаются установить точное имя переводчика (Попов, Барашков). Примечательно, что специалисты-языковеды между тем были либо непоследовательны (Барашков), либо осторожны (Убрятова, Слепцов).

Новые источники позволяют утверждать, что среди общеизвестных этапов развития письменности якутского языка (записи устной речи, приспособление алфавита русского языка, создание оригинального алфавита якутского языка) существовал этап, когда для создания больших текстов на якутском языке использовали русский алфавит без попыток его приспособить к звукам якутской речи. И только опыт публикации и бытования этих текстов показал, что для точной передачи звукового строя якутского языка требуется создание специального алфавита.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Алфавит якутского языка // Энциклопедия Якутии. — Т. 1. — С. 485–486.
 Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 29.
 Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 39. На 34 л. *Барашков П.П.* Научный отчёт за 1939 г. «Краткий очерк истории якутского языка».
 Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 150. На 13 л. *Барашков П.П.* Научный отчёт за 1945 г. «Развитие якутского алфавита (исторический очерк)».

Архив ЯНЦ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 134. На 86 л. *Попов П.В.* Научный отчёт по теме «Основные моменты якутского письма (начертательное письмо)»

Барашков П.П. Среднеленские наскальные надписи // Окладников П.А., Барашков П.П. Древняя письменность якутов. — Якутск, 1942. — С. 26–38.

Барашков П.П. Звуковой состав якутского языка. — Якутск, 1953. — 97 с.

Барашков П.П. Развитие якутского алфавита: Исторический очерк // Соц. Якутия. — Якутск, 1946. — 18 мая. — С. 3.

Башарин Г.П. Культура, искусство и здравоохранение ЯАССР за XX лет (1922–1942). — Якутск, 1944. — 54 с.

Бётлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. В.И. Рассадина. — Новосибирск, 1989. — 646 с.

Винокурова Л.Е. С.Н.Донской-П и якутское общество: к 110-летию со дня рождения // Илин. — Якутск. — 2005. — № 4.

ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2405.

Дешериев Ю.Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. — М., 1958.

Донской С. По этапам якутской письменности // Революция и письменность. — 1932. — № 3 (13). — С. 33–50.

Исаев М.И. Языковое строительство в СССР: Процессы создания письменностей народов СССР. — М., 1979. — 351 с.

История Якутской АССР: в 3 т. — Т. 2. — М., 1957.

Книга: Энциклопедич. словарь. — М., 1999. — 796 с.

Льюлинг Г. У истоков алфавита. — М., 1981. — 108 с.

Новгородов С.А. По поводу поисков транскрипции для народов, не имеющих письменности // Новгородов С.А. Первые шаги якутской письменности. — М., 1978. — С. 64–66.

Ойунский П. К истории алфавитов в Якутии // Алфавит Октября. — М.; Л., 1934. — С. 136–142.

Очерки истории якутской советской литературы. — М., 1955. — 194 с.

Парышев С.Е. Заметки о первом якутском переводе Сокращённого катехизиса и обучении якутов русской грамоте // Якут. епархиальные ведомости. — Якутск, 1900. — № 24; 1901. — № 1, 3.

Петров Н.Е. Алфавит якутского языка // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. — М., 1972. — С. 208–224.

Попов П.В. Краткая история развития якутского письма // Харитонов Л.Н. Современный якутский язык: Фонетика и морфология. — Якутск, 1947. — С. 279–307.

РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 9095. Л. 1–1 об.

Сафронов Ф.Г. О дореволюционной якутской письменности // Полярная звезда. — Якутск, 1967. — № 6. — С. 117–121.

Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. — Якутск, 1992. — 80 с.

Слепцов П.А. О работе П.А.Ойунского «Якутский язык и пути его развития» — Якутск, 2008. — С. 67–75.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. — Новосибирск, 1986. — 260 с.

Сурун Омоллон. Оглядываясь с благодарностью: О памяти и памятных датах истории и культуры в Якутии // Якутия. — 2001. — 20 июня. — С. 3.

Тюнгюрядов З.Т. Первые книги на якутском языке // Хотугу сулус. — 1976. — № 4. — С. 95–102. — На якут.яз.

Убрятова Е.И. Изучение языков и создание письменности народов Сибири // Академия наук в Сибири. 1917–1957. — Новосибирск, 1977. — С. 107–121.

Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка. — Якутск, 1945. — 35 с.

Убрятова Е.И. Якутский язык // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. — М., 1978. — Стлб. 1076.

Шишигин Е. Первая книга на якутском языке // Кыым. — 1973. — 12 сент. — На якут.яз.

Якимов О.Д. Когда возникла письменность и печать у якутов // Советы Якутии. — 1992. — 13 февр. — С. 6.

Якутия. Хроника. Факты. События. — Якутск, 2000.

T.V. Zakharova

From the history of the Yakut alphabet

A new scientific resources refuted the former opinion that given in the book «Brief catechism in the Yakut language» (1819) the alphabet is the first Yakut alphabet, there is a process of studying the history of development of writing in the Yakuts.

Keywords: Yakut writing, stages of formation, the Yakut alphabet, history of the study.

УДК 271.2–75(571.56)

А.А. Павлов

Якутская духовная семинария — первое среднее учебное заведение Якутии

В статье рассматривается деятельность первого среднего образовательного учебного заведения, Якутской духовной семинарии. Автор, используя архивные материалы и имеющуюся литературу, показал прогрессивную роль Якутской духовной семинарии в культурном возрождении народов Северо-Востока России.

Ключевые слова: духовная семинария, Архиепископ Иннокентий, дневные слушатели, революционные события 1905–1906 гг., Губревком, учащиеся семинарии.

Православная церковь мыслила себя духовной наследницей Рима. С расширением границы Русского государства идея «православие и самодержавие» стала главной в деятельности церкви. Духовные наставники насаждали повсеместно мысль о главенствующей роли русского народа среди других народов и этнических групп. Поэтому духовные иерархи особое внимание уделяли подготовке церковных служителей, которые должны были заниматься «русификацией нерусских народов и патриотическим воспитанием народных масс».

Духовные семинарии являлись средними учебными заведениями и предназначались для подготовки кадров духовенства. Правительство поощряло открытие семинарий, императрица Анна Иоанновна своим указом запретила посвящать в сан лиц, не имеющих специального среднего образования.

В восточной части России подобное учреждение было открыто по настоянию преосвященного архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия (Вениаминов) в 1848 г. на острове Ситха. Для содержания

семинарии Святейший синод обещал выделять ежегодно по 7 тыс. руб. Сюда включались зарплата учителей, технического персонала, учебные и хозяйственные расходы, а также содержание пансиона. На строительство учебного корпуса и пансиона правление Российско-американской компании выделило 6 тыс. руб. [НА РС(Я). Ф. 283. Л. 7]. Вскоре архиепископ Иннокентий пришел к мнению, что Новоархангельская духовная семинария не обеспечивает подготовленными кадрами весь Северо-Восточный регион и решил перевести её с острова Ситха на материк. Синод 31 января 1858 г. удовлетворил просьбу епископа Камчатского Иннокентия о новом устройстве Камчатской епархии с учреждением двух викариатств: Якутского (в г. Якутске) и на острове Ситха (на Аляске). Согласно указу якутский викарий отныне стал именоваться епископом Якутским с подчинением викариатству округов: Якутского, Вилюйского, Олекминского, Верхоянского и Колымского. Кафедра Камчатского епископа была перенесена в Якутск. Сюда же переведена с острова Ситха духовная семинария, переименованная в Якутскую, она и стала в области первым очагом просвещения, дающим среднее образование. Первым ректором работал просветитель Дионисий (Д.В. Хитров). В семинарию в основном принимали детей священников и других церковных служащих. Но большинство священников за службу получали в год 250–300 руб. и не могли обучать своих детей за большую плату и, несмотря на строгое указание митрополита, предпочитали отдавать детей в гражданские учебные заведения. Каждый поступающий ученик обязан был представить справку о состоятельности родителей, заверенную старостами волостей и наследными князьями. Учеба в семинарии была платной. Например, инородец Сунтарского улуса Гавриил Савин внес 90 руб. за обучение сына с пансионом [Там же. Д. 1378. Л. 18].

Преосвященный Иннокентий составил проект учебной программы со сроками для двух первых классов по два, а для двух последних по три года обучения. Предусматривались в первом классе чтение по церковной печати, чистописание, краткий катехизис, нотное пение, первая часть арифметики, рисование. Во втором классе: русская грамматика, славянская (вкратце), всеобщая (вкратце) и русская география, пространный катехизис, практическое изучение церковного устава по богослужебным книгам, нотное пение, арифметика (продолжение первой части). В третьем классе: риторика,

гражданская история — всеобщая и русская, начала физики, учение о богослужебных книгах, Священное Писание, Библейская история, якутский язык, церковное пение. В четвертом классе: богословие догматическое, богословие нравственное, богословие пастырское, история церковная, история Российской церкви, общенародный лечебник, якутский язык, латинский язык по необходимости [Там же. Д. 680. Л. 4–5]. Как видно из программы, 75% учебных часов отводится изучению церковных предметов. Эта учебная программа действовала до 1906 г.; когда под влиянием Первой русской революции ввели литургию, гомилетику (раздел христианского богословия, рассматривающий вопросы теории и практики проповеднической деятельности), а в 5–6 классах — логику, психологию, дидактику. Объем часов церковных предметов остался на прежнем уровне.

В ночь на 21 января 1870 г. в здании Якутской духовной семинарии произошел пожар, уничтоживший здание, богатую библиотеку, аптеку, физический кабинет, всю документацию. Решили перевести семинарию в Благовещенск, а в Якутске оставить двухклассное училище с одним учителем, помощником и священника. Подлежали переезду 23 ученика. Расход переезда одного ученика составил 146 руб. с учетом транспортных расходов, питания, экипировки (пальто, кепка, сапоги, торбаса, постельное белье). Общий расход составил 2289 руб. В Благовещенск перевели троих учащихся, а в Иркутск 20 слушателей [Там же. Д. 473. Л. 21об.].

При семинарии существовало двухгодичное духовное училище. Учащиеся, закончившие училище имели право поступить в семинарию. Часто великовозрастных выпускников духовного училища направляли учителями в сельские церковно-приходские школы. При семинарии была «образцовая школа», где будущие учителя проходили практику. Большинство поступающих в семинарию приходило слабо подготовленными, не выдерживало экзамены. Поэтому решено было создать подготовительный класс. Принимали мальчиков в возрасте от 9 до 11 лет со знанием первоначальных молитв и основ чтения. Мальчики в возрасте от 10 до 12 лет, умеющие читать и писать по-русски и по-славянски, знающие два действия арифметики, общеупотребительные молитвы, Символ Веры и заповеди, могли поступить в первый класс духовного училища.

Плодотворно долгие годы преподавателями работали выпускники Московской и Казан-

ской академией С.М. Гербановский, С.М. Добротворский, Ф.А. Стуков (работали ректорами), И.А. Орнатов, С.Е. Парышев, И.В. Тихановский, П.П. Явловский, А.П. Бочковский, С.Н. Лебедев и др.

За учебу в семинарии иносословные (в том числе инородцы) платили по 49 руб., а в училище — 5 руб. [Якутия... 1900]. В основном дети якутов старались поступить в училище. После окончания учебы работали помощниками попов, псалтырщиками, наследными писарями.

Началось строительство новых зданий семинарии. Первое здание было построено в октябре 1870 г., второе — в 1871 г. К 1884 г. семинария имела 5 новых зданий. Надо заметить, что семинария была восстановлена усилиями и стараниями епископа Дионисия. Несмотря на трудности семинария вновь была открыта в 1884 г. при большом стечении народа. На открытии выступили якутский губернатор, городской голова, и.о. епископа Якутского и Вилюйского. В своей речи ректор Гербановский сказал, что «Якутская духовная семинария отличается от других семинарий, тем, что будет нести миссионерскую деятельность» [Якутия... 1887]. На содержание семинарии Синод отпустил всего 5679 руб. [НА РС(Я). Ф. 283и. Оп. 1. Д. 4737], что ставило существование семинарии в трудное положение. Начался добровольный сбор денег. Крупные суммы внесли купцы: А. Кушнарев, С. Идельгин, П. Кушнарев, П. Захаров и др. Один «добрый» саха подарил «на богоугодное дело» 350 пудов пшеницы. Многие саха из сельских мест привозили хлеб, мясо, рыбу и другие продукты. Купец Н.Д. Эверестов (Сэрбэкэ), кроме наличных денег, подарил библиотеке книги на сумму 262 руб. Городская дума решила выделить для духовной семинарии 33 десятины земли бесплатно [НА РС(Я). Ф. 165и].

В 1890 г. состоялся первый выпуск. Семинаристы получили свидетельства об окончании учебного заведения, где записывались год рождения, год поступления и завершения, итоги 23 экзаменов. Обязательно отмечалось поведение выпускника: «отлично», другой оценки не было.

Революционные события 1905–1907 гг. не обошли учащихся духовной семинарии. Некоторые из них участвовали в массовых мероприятиях политических ссыльных. Во время демонстрации «туманных картин», вечеров отдыха учащиеся открыто пели революционные песни, в классе стреляли из пистолета, заявля-

ли желание «идти освобождать из тюрьмы арестованных членов партии «Союз якутов», с разрешения ректора ставили не допущенные цензурой пьесы. Устроили вечер памяти «преданного анафеме» писателя Льва Толстого. После поражения первой русской революции ректор Стуков был снят с работы «за связи с политическими ссыльными и ослабление воспитательной работы». В знак протеста против снятия ректора Ф.А. Стукова, из духовной семинарии ушли А. Черных, Н. Амосов, М. Носов и др. [Якутия...].

Когда победила революция 1917 г., учащиеся открыто выступали за демократизацию учебно-воспитательной работы духовной семинарии, потребовали за счет сокращения церковных предметов увеличить часы светских предметов, свободного посещения церкви во внеурочное время, увольнения инспектора Николая Нифонтова. Ректор вынужден был выполнить большинство требований учащихся.

С установлением советской власти для семинарии наступили тяжелые времена. В первое полугодие 1920 г. губревком выделил всего 58708 руб. и бедным детям решил выдать по 125 руб. Выделенные деньги не покрывали расходов учебного заведения. Пришлось продать лошадей, некоторые здания и часть библиотеки. Пуд сена стоил 16 руб., сажень дров — 30 руб. [Архив ЯНЦ].

Решением губревкома преподавание церковных предметов было запрещено, что означало закрытие духовной семинарии. Все учебные и материальные ценности были переданы Наркомату просвещения. Библиотеку передали Якутскому губревкому. Некоторые преподаватели семинарии согласились работать в советских учебных заведениях.

Якутская духовная семинария просуществовала почти 60 лет. Она воспитала немало талантливых церковных служителей и общественно-политических деятелей. Д.Д. Попов, А.В. Охлопков, В.Н. Орлов, Ф.Г. Сивцев, П.В. Попов, юкагир А.И. Ковинин (репрессирован в 1937 г. за сокрытие сана) и др. работали священниками-миссионерами. Один из первых выпускников священник Г.Я. Попов составил якутский алфавит на основе кириллицы. Другой выпускник семинарии Д.А. Кочнев окончил юридический факультет Казанского университета; принимал участие в переводе катехизиса на якутский язык; был членом II Государственной думы от Забайкалья; с думской трибуны активно защищал интересы родного якутского народа.

Как ни парадоксально, но многие учащиеся семинарии участвовали в революционной борьбе, затем в установлении и упрочении советской власти: В.Н. Чепалов, С.А. Голованенко, Н. Амосов, Н. Молотиллов, И.С. Семенов и др. В.Н. Чепалов окончил Томский университет, получил специальность врача, активно участвовал в установлении советской власти. После падения советской власти в 1917 г. был арестован и брошен в тюрьму. Умер от тифа. Поэт Петр Черных назвал Сергея Голованенко «самым даровитым учеником семинарии». С.А. Голованенко окончил Казанский университет, стал научным работником, профессором, преподавал в медицинском институте. И.С. Семенов работал в ВЧК, затем председателем исполкомов в Мегино-Кангаласском, Булунском, Горном, Вилюйском районах, избирался делегатом V Всеякутского съезда Советов. Выпускник семинарии Г.Ф. Сивцев избирался делегатом III Всесоюзного съезда Советов. А.В. Давыдов работал наркомом финансов Якутской АССР, избирался делегатом IV Всеякутского съезда Советов. И.Н. Пряезников избирался делегатом I, II, III, IV и V Всеякутского съездов Советов, был выдвинут членом Совета Национальностей Верховного Совета СССР от Якутской АССР. И.В. Попов, П.В. Попов стали известными художниками, Г.А. Попов — первым профессиональным историком, П.Н. Сокольников — первым врачом из якутов, М.Н. Тимофеев-Терешкин — избирался головой улуса, позже стал известным писателем. Просвещению родного народа посвятили жизнь И.И. Винокуров, Ф.Г. Дьяконов, С.О. Онопров, П.А. Анисимов, Ф.Г. Корнилов, Е.К. Нестеров, А.Н. Явловский и др. Ф.Г. Дьяконов и П.А. Анисимов избирались делегатами I и II Всеякутского съездов Советов.

Один из лучших учеников духовной семинарии Г.С. Ефимов — юрист, активно боролся против диктатуры большевиков, был избран председателем ВЯОНУ. Эмигрировал в Китай-

скую республику, занимал руководящие должности на КВЖД, погиб в годы «культурной революции». И.Ф. Афанасьев в годы Гражданской войны был избран заместителем председателя ВЯОНУ, после амнистии работал в правительстве ЯАССР. П.Н. Гуляев работал в Якутии, Казахстане в качестве помощника М.К. Аммосова. Уроженец Среднеколымска юрист Г.Г. Колесов работал в советской системе, стал организатором культурно-просветительских обществ «Саха омок» и «Саха кэскилэ», публицист.

Из стен духовной семинарии вышли многие организаторы советской власти: С.Н. Донской II, В.Н. Леонтьев, Н.Е. Афанасьев работали наркомом просвещения, С.Н. Донской-I и И.Н. Винокуров — председателями правительства ЯАССР. К сожалению, большинство выпускников Якутской духовной семинарии в тридцатые годы были репрессированы советскими правоохранительными органами.

Основанная великим миссионером Сибири, святителем Иннокентием Якутская духовная семинария по праву считается первенцем подготовки церковных и гражданских кадров в Якутской области. Её воспитанники: священники, учителя — распространяли православие, поднимали культурный и духовный уровень населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 583. С. 23.
 НА РС(Я). Ф. 283. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
 Там же. Д. 1378. Л. 18.
 Там же. Д. 680. Л. 4–5.
 Там же. Д. 473. Л. 21об.
 Там же. Ф. 283и. Оп. 1. Д. 473. Л. 21.
 Якутские епархиальные ведомости. — 1887. — 16 апр.
 НА РС(Я). Ф. 165и. Оп. 1. Д. 2565. Л. 43, 43об.
 Якутия. 1632–1917. Хроника. Факты. События / сост. А.А. Калашников. — Якутск, 2000. — С. 293.
 Якутские епархиальные ведомости. — 1900. — 1 авг. — С. 190.

A.A. Pavlov

The Yakut religious seminary was the first secondary educational institution in Yakutia.

The article considers the activities of the first secondary educational institutions, the Yakut religious seminary. The author, using the archive materials and the available literature, showed a progressive role of the Yakut diocese in the cultural revival of the peoples in the North-East of Russia.

Keywords: religious seminary, Archbishop innocent, day students, the revolution of 1905-1906 years, provincial revolutionary Committee, seminary students.

И.И. Юрганова

Государственно-церковные отношения в советской Якутии: коллективы православных верующих

Рассматриваются условия возникновения и организационные начала деятельности коллективов верующих (религиозных обществ) в Якутии в условиях советской власти. Обосновывается возможность функционирования православных храмов в начале 1920-х гг., как в Якутске, так и в округах. Представлен список действующих храмов и служащих священников Вилюйского округа, приведены количественные данные о коллективах верующих Олекминского округа. Сделан вывод, что возникновение православных коллективов и обществ в Советском государстве было обусловлено, прежде всего, желанием власти упорядочить религиозную деятельность, поставив её под контроль государства.

Ключевые слова: православие, верующие, советская Якутия, религиозное общество, коллективы прихожан, устав религиозного общества, церковь, храмовое хозяйство, молитвенные здания, священник.

История Русской православной церкви советского периода — это, прежде всего, история гонений на веру. Антицерковная деятельность советской власти широко известна, но в основном только с внешней стороны. Объектом научных исследований были и остаются государственно-конфессиональные отношения. В то же время положение РПЦ на местах, и особенно в отдаленных, изначально инославных регионах, только в последние десятилетия открывается широкому кругу исследователей. Основной формой организации верующих, предусмотренной первыми нормативными актами советского законодательства, являлось религиозное общество или группа (коллектив) верующих. В декрете Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и инструкции Наркомата юстиции (30.08.1918) по осуществлению мероприятий декрета, разработанных без участия религиозных организаций, была ограничена деятельность религиозных структур, которые не имели права владения каким-либо имуществом (движимым и недвижимым); была запрещена благотворительная, просветительская, педагогическая деятельность, но верующие имели право объединяться в церковные и религиозные общества.

Основным фактом, определяющим хозяйственную деятельность подобных обществ, стал запрет их деятельности как юридического лица. Пунктом 12 декрета 1918 г. устанавливалось, что «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [Декреты СНК РСФСР..., 1926; Постановление

Наркомата юстиции..., 1926]. Все приобретенное ими имущество (например, построенные на пожертвования молитвенные здания, пожертвованные иконы, чаши и т.д.) принадлежало государству.

Некоторые, более подробные, разъяснения порядка деятельности религиозных общин содержались в Инструкции Народного комиссариата внутренних дел РСФСР от 15 апреля 1923 г. [Инструкция о порядке регистрации...]. Указывалось, что граждане РСФСР имеют право получать в пользование молитвенные дома и имущество для совершения религиозных обрядов, создавая группы по вероисповеданиям или организуя религиозные общества, регистрируемые в обязательном порядке в губернском или областном исполнительном комитете. Религиозное общество должно было иметь устав (к инструкции прилагался образец типового устава), учредителей, исполнительный орган и не менее пятидесяти членов (местных жителей, не ограниченных в правах судом). Отдельным пунктом отмечалось, что религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах (Декрет СНК РСФСР от 03.08.1922), но, тем не менее, не пользуются правами юридического лица, не имеют права собственности и права пользования субсидиями от государства.

Религиозные общины не имели права устанавливать материальные взносы. Единственным источником финансовой поддержки религиозной общины могли быть добровольные пожертвования верующих для отопления, ремонта, охраны зданий и оплаты труда причта.

Уже в июне 1923 г. Наркомат внутренних дел РСФСР ввел в действие обобщающую «Инструкцию по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства», где разъяснялись принципы взаимоотношений с религией и её служителями. Так, отмечалось, что расторжение договоров с верующими и закрытие храмов требуют «крайней осмотрительности» и должны быть «достаточно мотивированными», но, вместе с тем, «если в местности ощущался острый недостаток» в зданиях и помещениях, то здания храмов могли быть реквизированы [Инструкция по вопросам...]. Проведение служб и собраний, произнесение проповедей разрешалось без предварительного согласования и цензуры с условием только религиозной их наполняемости. Местной власти вменялось в обязанность обеспечение «спокойного и свободного отправления религиозных потребностей граждан».

Национализированные здания храмов передавались религиозным обществам, которые несли ответственность за их сохранность. Религиозное общество должно было пользоваться не более чем одним зданием культа.

В 1923 г. советское правительство, обеспокоенное антирелигиозным фанатизмом, вызвавшим ряд выступлений в защиту церквей, рассылает губкомам, обкомам, краевым комитетам, национальным ЦК и бюро ЦК секретное циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30 «Об отношении к религиозным организациям», [1997], подписанное И.В.Сталиным, в котором предлагалось обратить серьезное внимание на нарушения, допущенные в области антирелигиозной пропаганды и по отношению к верующим и их культам [Циркулярное письмо...]. Согласно письму запрещалось закрывать церкви и молитвенные дома без существенных причин, как например, отсутствие регистрации или неуплата налогов, производить аресты «религиозного характера», не связанные с контрреволюционными действиями служителей церкви и верующих.

В Якутии начиная с 1921 г. с разрешения властей стали создаваться общества, союзы и коллективы прихожан, население, используя легальные возможности, пыталось возродить религиозную жизнь. Здания храмов и храмовое хозяйство передавались местными властями коллективам верующих по актам с подробными описями, в которых описывался не только внешний вид храмового здания, его алтарь, церковная утварь (антиминсы, иконы, кресты, церковные сосуды, облачения и др.), но и все

иное имущество церкви, не относящееся к богослужебному инвентарю.

В г. Якутске коллективы верующих были созданы при всех градских храмах. Так, членами коллектива верующих Градо-Якутской Преображенской церкви стали известные в городе общественные деятели Н.Н. Москвин, Н.Н. Грибановский, И.А. Бердников, И.З. Березкин, И.А. Рубцов, А.А. Аверенский, А.В. Скрыбин, Н.И. Москвин, Н.Ф. Астраханцев и др., принявшие на основании договора с Якутским губревкомом в бессрочное пользование здания (каменное и деревянное) Якутской Градо-Преображенской церкви, с богослужебными предметами [НА РС(Я). Ф. 50и]. Члены коллектива должны были из своих средств проводить оплату всех текущих расходов по содержанию храмов и находящихся в них предметов: ремонту, отоплению, страхованию, охране, оплате долгов, налогов, местных обложений и т.п. Каменный Преображенский храм был оценен в 25350 руб., деревянный — в 3000 р., храмовое имущество — в 22 655р. 95 коп. [Там же. Л. 36–42].

В «Список граждан, работающих в религиозных организациях», составленный Якутской областной контрольной комиссией ВКП(б) в феврале 1925 г., включено 24 фамилии с указанием места работы, физиогномических особенностей и отношения к советской власти. Например, «Игумнов Иван Герасимович — старик, ярый контрреволюционер» или «Колесов Никита Устинович — молодой якут» [НА РС(Я). Ф. 5].

«Именной список совслужащих, состоящих в коллективах верующих разных церквей г. Якутска» содержит фамилии более сорока человек, занятых в различных отраслях советского аппарата, в том числе наркоматов просвещения (учителя), финансов (разносчик, помощник кассира), земледелия (заведующий отделом, завхоз), внутренних дел (управделами, счетовод), связи (механик, заведующий канцелярией), Госторга (счетовод). Очевидно, что в середине 1920-х гг. республиканское партийное руководство ещё допускало возможность трудоустройства представителей коллективов верующих, с учетом их грамотности и профессионального уровня.

Большую активность в организации православных коллективов верующих проявили жители Вилюйского округа. Православные коллективы округа разрабатывали уставы, основной целью которых являлось удовлетворение религиозных потребностей населения [НА РС(Я). Ф. 87...]. Уставы коллективов верующих

однотипны: членом общества по добровольному желанию мог стать христианин не моложе 18 лет, содержать и ремонтировать храмы должны были на средства добровольных пожертвований, так как, согласно уставам, членские взносы не предусматривались и было запрещено получать прибыль. Распорядительным органом коллективов и обществ верующих было правление, в число членов которого входил местный священник. Обязанностью правления являлось содержание и ремонт храма, обеспечение религиозных нужд прихожан и заведование церковным имуществом [НА РС(Я). Л. 2]. Высшим органом, согласно уставу, было общее собрание, предметом ведения которого являлось распределение доходов (добровольных пожертвований), избрание членов правления, приглашение и увольнение священников, контакты с местными органами управления и другие вопросы. Очевидно, что члены коллективов верующих надеялись, что их финансовое положение будет достаточным для оплаты труда священнослужителя и расходов по содержанию храмового здания.

Список священников Вилуйского округа, составленный в середине 1923 г., содержит упоминание о девятнадцати храмах, в двенадцати из которых ещё служили священники (таблица).

Церкви	Священники
Эльгятская Иоанно-Предтеченская	А.Седалищев
Кутанинская Благовещенская	И.Попов
Шейнская Георгиевская	Нет
Батамайская Казанская	В.Попов
Нюрбинская Николаевская	Поверенов
Кочайская Александро-Невская	Архангельский
Чукарская Иннокентьевская	Нет
Мегежекская Иннокентьевская	Габышев
Чаппандинская Вознесенская	И.И.Рожин
Таркайская Иннокентьевская	В.Мясоедов
Одейская Иоанно-Златоустовская	Никифоров
Средневилуйская Георгиевская	Нет
Мастахская Покровская	Нет
Пантелеймоновская в колонии прокаженных	Нет
Сунтарская Введенская	И.Г.Топорков
Тойбохойская Иннокентьевская	Нет
Крестяхская Трехсвятительская	М.Расторгуев
Билючанская Николаевская	Нет
Угулятская Походно-Благовещенская	Отметка «поп есть»

Примечание. НА РС(Я). Ф. 87. Оп. 1. Д. 97.

Таким образом, можно сделать вывод о достаточной сохранности вилуйских храмов к началу 1920-х гг. и их пригодности для проведения служб.

В некоторых уставах имеется упоминание о предоставлении верующим права обучаться и обучать религии частным образом и иметь духовную литературу, что противоречило государственной политике советской власти по отношению к религии, но тогда подобные отступления ещё допускались. В то же время во всех уставных документах православных обществ имеется указание на их подчиненность органам советской власти.

При передаче коллективам и обществам зданий храмов и церковного имущества составлялась, как упомянуто выше, его подробная опись, занимающая несколько листов. Так, согласно описи, в деревянной одноэтажной Мастахской Николаевской церкви в августе 1923 г. находился предалтарный иконостас с пятнадцатью иконами в серебряных ризах, а также церковная утварь, в том числе серебряные сосуды и дарохранительница, священнические облачения из парчи и шелка с серебряным кованым рисунком и т.д. [НА РС(Я). Д. 97. Л. 1–11]. «Оценочная опись имущества» Чаппандинской Вознесенской церкви включает здание храма (оценочная стоимость 400 р.), колокола (200 р.) и 26 пунктов церковной утвари на сумму 266 р. [Там же. Л. 19–20]. В описи имущества Таркайского храма имеются позолоченные и бронзовые лампы и паникадила; серебряное в бархатном переплете с позолотой чеканной работы Евангелие, серебряные кресты; бархатные, парчовые и атласные облачения. Интересно, что в некоторых церквях сохранились церковные капиталы, в том числе и советскими рублями, не конфискованные новой властью. Так, в Дюпсинском храме в 1921 г. хранилось 3300 руб. [Там же. Ф. 610...].

Кроме того, некоторые из описей вилуйских церквей были составлены в 1921 г., тогда как коллективы верующих в округе были образованы только в 1923 г. и, вероятно, что почти два года храмы действовали полуполюгально. При сверке описей в 1923 г. все предметы оказались на местах (кроме списанных в связи с ветхостью) [Там же. Ф. 1185...].

В г. Олекминске в начале 1920-х гг. действовал Союз православных христиан, который в 1923 г. был зарегистрирован в статусе религиозного общественного союза православных христиан [Там же. Ф. 952. Оп. 1...]. В уставе

общества, кроме обязательных типовых положений, предусматривались «заботы об обучении двоих детей Закону Божьему» [Там же. Л. 61]. Исторические источники дают возможность составить представление о социальном положении и общественном статусе и некоторых других характеристиках членов коллектива верующих Олекминского собора. В состав общества входило 97 членов, из них 81 мужчина и 16 женщин, большинство из которых проживало в г. Олекминске — 83. По социальному положению члены общества: бедняки — 68, середняки — 24, служащие — 5; по общественному статусу: 41 — домохозяйка, 7 — рабочие, 2 — частники, 2 — хлеборобы, учитель, столяр, кузнец, печник, фельдшер и др., т.е. представители разных профессий, из которых 14 обозначили себя как инородцы. Интересно, что коллектив верующих содержал не одного священника, а причт в целом: священника (И.И. Рождествен), диакона (И.И. Голомарев) и псаломщика (П.И. Петров), что свидетельствует о его возможностях, так как вилюйские общества верующих выражали согласие на оплату труда только одного священника.

Тогда же в 1923 г. было зарегистрировано религиозное общество при Нерюктяйской церкви — 461 член (священник И.Ф. Колодезников) [Там же. Л. 98–112]. На острове Кыллах действовал церковный совет (очевидно, как религиозное общество) в составе 17 членов, под председательством инородца С.Д. Копылова и секретаря священника В.В. Сучковского [Там же. Л. 85]. В начале 1924 г. Кыллахское православное христианское общество верующих Олекминского округа включало уже 171 члена [Там же. Л. 89–96]. Ещё более значительным было религиозное общество Берденской церкви — 483 члена [Там же. Л. 134–145].

Представители бывшего духовного сословия должны были платить все виды налогов (кроме промышленного). При муниципализации их церковного жилья они должны были быть обеспечены местными жилищными отделами помещениями для проживания. Они могли быть приняты на работу в советские учреждения, за исключением основных наркоматов, если не имели доходов от совершения религиозных обрядов.

Деятельность православных коллективов и обществ в Якутии продолжалась недолго: созданные в 1921–1924 гг., ограниченные жестким контролем советской власти, отсутствием единого руководства и недостаточностью финансовых средств они к концу 1925 г. фактически прекратили своё существование.

Возникновение обществ и коллективов было обусловлено, прежде всего, желанием власти упорядочить религиозную жизнь на местах, поставить её под контроль государства.

В конце двадцатых — тридцатых годы наблюдается деформация в государственно-церковных отношениях, формирование предпосылок которой начинается с подписанной в январе 1929 г. директивы, объявившей все церковные советы и другие органы конфессионального самоуправления легально действующими контрреволюционными организациями. В апреле 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято совместное постановление «О религиозных объединениях», ограничивающее все виды деятельности общин. Регулирование государственно-церковных отношений переходит от органов юстиции в компетенцию НКВД. В мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов внес изменения в Конституцию, в новой редакции которой уже упоминалась не только «свобода религиозного вероисповедания», но и антирелигиозная пропаганда. Декларируемое Конституцией 1936 г. равноправие всех граждан не допускало свободу религиозной пропаганды, а разрешала «свободу отправления религиозных культов и свободу антирелигиозной пропаганды». В этот период из руководящих документов центральных и местных органов власти, в том числе и Якутской АССР, исчезают замечания о перегибах в проведении антирелигиозной пропаганды. Происходит дегуманизация общества, когда духовно-нравственные ценности православия объявляются извращенным миропониманием, а его носители, духовенство и верующие, — классовыми врагами системы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (23.01.1918) // Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — М., 1926.

Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых. Постановление НКВД РСФСР 15.04.1923 // Там же.

Инструкция по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства. Постановление НКВД РСФСР от 19.06.1923 // Там же.

Национальный архив РС(Я). Ф. 5-п. Оп. 1. Д. 25. Л. 32; Л. 36–42; Ф. 5-п. Оп. 1. Д. 93; Ф. 87. Оп. 1. Д. 96. Л. 8; Л. 2; Д. 97. Л. 1–11; Л. 19–20; Ф. 610. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–6; Ф. 1185. Оп. 1. Д. 450; Ф. 952. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 57, 59, 61.

Постановление народного комиссариата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (24.08.1918) // Сборник узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — М., 1926.

Циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30 «Об отношении к религиозным организациям». 16 августа 1923 г. // Архивы Кремля. В 2-х кн. Кн. 1.: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. — М.; Новосибирск, 1997. — С. 414–418.

I.I. Yurganova

State-church relations in the Soviet Yakutia: the groups of Orthodox believers

The article is examined the conditions for the emergence and organizational principles of activity of the believers groups (religious communities) in Yakutia in the conditions of the Soviet regime. Substantiates the possibility of functioning Orthodox churches in the beginning of 1920, as in Yakutsk and districts. It presents a list of temples and servants of the priests in the Viluy district, quantitative data about groups of believers from Olyekminsk district. Concluded that the emergence of Orthodox groups and societies in the Soviet state was caused, first of all, the desire for power organize religious activities, putting it under the control of the state.

Keywords: Orthodox, believers, Soviet Yakutia, religious society, groups of parishioners, the statutes of a religious community, church, temple economy, the prayer of the building, the priest.

УДК 94(571.56)

В.И. Федоров

Политика военного коммунизма в Якутии

В статье рассматривается политика военного коммунизма, расколовшая крестьянство России на враждебные силы, особенности действия этой политики в Якутии, разорение крестьян под ее давлением и как результат — участие в повстанческом движении.

Ключевые слова: военный коммунизм, продразверстка, повстанчество, продналог, трудовая повинность, Лензолото, крестьянство, пролетариат.

II съезд Советов России, провозгласивший советскую власть, принял Декрет о земле, пронизанный идеей об укрупнении мелких крестьянских хозяйств путем передела земли помещиков и зажиточных крестьян. Затем III съезд Советов принял закон о социализации земель, в котором были рекомендованы фактически коммунистические формы хозяйствования: коммуны, колхозы, совхозы, товарищества. В то же время продолжало действовать Постановление Временного правительства от 25 марта 1917 г. об установлении государственной монополии на хлеб. Согласно этому постановлению, все зерно, за исключением необходимого для прокорма семьи крестьянина, подлежало сдаче государству по твердой цене. Такая политика изначально не отвечала интересам крестьянина, вынуждала его скрывать излишки зерна, т.е. срыгать государственные поставки. Во главе многих советов находились эсеры, которые самочинно отменяли государственную монополию на хлеб и разрешали свободную тор-

говлю. Все это создавало продовольственный кризис в крупных городах, промышленных центрах, угрожая голодом.

Совнарком России принимал чрезвычайные меры, в деревню направлялись специальные вооруженные продовольственные рабочие отряды для изъятия хлеба, численность которых к концу 1918 г. достигла 40 тыс. чел. В деревне из бедноты формировались чрезвычайные органы — комитеты бедноты (комбеды), действия которых по насильственному изъятию зерна у крестьян поддерживались беднейшими слоями населения. Так в деревне создавались условия для разжигания гражданского противостояния. Деятельность комитетов бедноты приобретала особую остроту в районах, производящих хлеб в большом объеме, вызывая крупные восстания крестьян (в Поволжье, на Дону, в Сибири, на Северном Кавказе). В Центральной России летом 1918 г. произошло не менее 130 выступлений против действий продотрядов и насильственного насаждения комбедов [История России..., 2010].

Летом 1918 г. разразился «июльский кризис». Левые эсеры в знак протеста против антикрестьянской продовольственной политики и разжигания гражданского противостояния среди крестьян, вышли из состава Совнаркома. Они требовали для выхода из продовольственного кризиса привлечь частный капитал, материально стимулировать держателей хлеба, ввести свободную торговлю хлебом. Ввиду этих острых классовых противоречий летом 1918 г. шаткий блок большевиков и левых эсеров окончательно распался [Там же].

Для развертывания задач социалистической революции остро не хватало финансовых средств. ВЦИК и СНК в начале ноября ввели 10-миллиардный революционный налог на имущие слои населения. Только с буржуазии Москвы и Петрограда предусматривалось взимание трети всей этой суммы, т.е. 3,5 миллиарда рублей [Кабанов, 1988]. По условиям обложения беднота в деревнях освобождалась от этого налога. Но это не всегда соблюдалось. По общинной традиции часто прибегали к уравнительной раскладке налогов. В результате не только середняцкие, но и бедняцкие хозяйства облагались этим налогом. Такие ошибки явились одной из главных причин, «если, по заключению комиссии ЦК РКП(б), не единственной главной причиной» сдачи Перми колчаковцам в 1918 г. [Сталин, 1954].

В связи с нарастанием Гражданской войны и сужением подконтрольной советской власти территории внутрисполитическое и экономическое положение страны резко ухудшилось, продовольственный кризис достиг необычайной остроты.

В этих условиях Декретом от 11 января 1919 г. была введена продразверстка как натуральная повинность в порядке принудительного отчуждения требуемого количества продуктов [Декреты..., 1968]. В.И. Ленин и его соратники представили продразверстку как военный союз между пролетариатом и крестьянством. Однако именно она, продразверстка, таила в себе опасность обострения отношений между ними, вытекавшую из неизбежного противоречия мелкого товарного производителя, с одной стороны, и потребителя, с другой.

Продразверстка, как мера принудительная, вызывала у значительной части крестьянства сопротивление собственника, стремление утаить размеры посевов, их урожайность, следовательно, объемы сборов, чтобы как-то уменьшить издержки этого вида налоговых поборов. Крестьянство было недовольно и тем, что не-

мало было случаев, когда изымались не только излишки, но и часть того, что полагалось оставлять ему по норме. А.Д. Цюрупа на X съезде партии признавал, что «все ошибались, и в иных случаях не докладывали, в других — перекладывали» [Десятый съезд..., 1963].

В годы Гражданской войны вводились трудовая, гужевая и конская повинности. Трудовые мобилизации являлись составной частью военно-коммунистической организации экономики Советского государства, хотя они возникали еще в период I мировой войны в условиях развала финансовой системы [Кабанов..., 1988, с. 190]. Основную тяжесть этого вида налога несли крестьяне со своими лошадьми.

Система общегосударственных натуральных налогов складывается, в основном, в течение 1919 г. 19 ноября того года был принят декрет «Об организации гужевого дела на местах», возлагавший на губисполкомы организацию товарных перевозок в пределах губернии [СУ, 1919, НА РС(Я), Ф. 54. Оп. 1. Д. 64]. Мобилизация трудовых ресурсов в дальнейшем была законодательно оформлена в декрете от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности», где Совнарком постановил осуществить «привлечение трудящегося населения к единовременному или периодическому выполнению, — независимо от постоянной работы по роду занятий, — различных видов трудовой повинности: топливной, сельскохозяйственной как для государственных, так и в известных случаях и для крестьянских хозяйств, строительной, дорожной, продовольственной, снеговой и гужевой, для борьбы с последствиями общественных бедствий и т.д.» [СУ, 1920]. Острота этого вопроса указывается в циркулярном письме ЦК РКП(б) «На борьбу с топливным кризисом», подписанном В.И. Лениным (13 ноября 1919 г.), где подчеркивалось: «Установить трудовые нормы и во что бы то ни стало добиваться их выполнения. Карать с беспощадной суровостью тех, кто, ... оказывается уклоняющимся от работ. Всякая поблажка, всякая слабость будут преступлением перед революцией» [Ленин].

Советская власть в Якутии вновь установилась только 15 декабря 1919 г., т.е. спустя более чем два года после Октябрьской революции. В течение этого периода действовали порядки Областного совета и власть адмирала Колчака, характер и содержание последней определялись условиями войны и её задачами.

По установлении советской власти в Якутии сразу начали действовать её законы. Воен-

но-революционный штаб, действовавший первое время от имени советской власти, в середине марта 1920 г. был повсеместно заменен революционными комитетами (ревкомы), сверху донизу. Ревкомы считались чрезвычайными органами власти в период Гражданской войны, и в Якутской области сразу приступили к осуществлению политики военного коммунизма, мотивированной крайней сложностью положения в крае.

Военно-революционный штаб с революционной жестокостью провел слом администрации Колчака, сопровождаемый расстрелом ведущих её руководителей, роспуском всего состава окружного суда и прокурорского надзора [Борьба за установление..., 1958], упразднены все земские учреждения, ликвидирована Якутская консистория и т.д. [Там же, с. 95–98]. Все эти ликвидированные и упраздненные органы свергнутой власти были заменены органами и учреждениями советского типа, кроме местных советов. Дело в том, что после ареста большинства членов Совета рабочих депутатов в марте 1918 г. и депортации известных деятелей советской власти в сентябре того же года в Иркутск Советы в Якутии не создавались. По этой причине после свержения Колчака политика советской власти проводилась революционно созданными ею органами – ревкомы. Вновь создаваемые Советы в 1920–1921 гг. в улусах и уездах по уровню зрелости и организованности не могли овладеть властью и правильно и успешно распоряжаться ею в интересах диктатуры пролетариата, как это понимали большевики. По этой причине они были заменены ревкомы.

Поскольку Якутия в течение 300 лет находилась в составе Российской империи и в рамках действия её законодательных и нормативных актов, то большевики во главе с В.И. Лениным считали само собой разумеющимся сохранение территориального пространства этой империи за Советским государством, следовательно, законы и правовые акты последнего были обязательны на всей его территории, в том числе и в Якутии. Согласно этой логике все законодательные и нормативные акты центральной советской власти правомерны и обязательны к исполнению с первых же дней после свержения администрации Колчака на всей территории Якутской области, хотя советов как таковых в ней еще не было.

Для укрепления диктатуры пролетариата первостепенное значение имел подрыв экономической мощи буржуазии путем насильствен-

ной экспроприации средств производства, т.е. национализации фабрик, заводов, транспортных средств, земли и другой собственности. Установившаяся в Якутии 1 июля 1918 г. советская власть не успела провести заметные мероприятия по реализации этой задачи, кроме наложения контрибуции в объеме 1,5 млн. руб. на богатые слои населения, введения монополии на торговлю пушниной, установления твердых цен на продовольствие, запрещения вывоза продуктов из города.

Ввиду падения этой власти 5 августа мероприятия остались не реализованными. Военно-политическая обстановка для советской власти к началу 1920 г. заметно улучшилась. Сибирь и Дальний Восток освободились от власти Колчака, повсеместно была восстановлена советская власть.

Оказавшись у власти, Военревштаб и Губревком немедленно приступили к национализации земли и частных промышленных предприятий. В феврале 1920 г. М.К. Аммосов, являвшийся уполномоченным Сибревкома по Якутской губернии, телеграфировал Якутскому военно-революционному штабу: «Поля Кушнарева, Аверинского, Юшманова, Монастырева, Барашкова, Афанасия Слепцова, Семена Егорова национализировать и засеять» [Бурнашова, 2011]. Кемпендяйские солеварни, Якутская электростанция, лесопильня, мельница, мыловаренное производство, мастерские и прочие объявлялись государственными. Областному союзу кооперативов и городскому потребобществу «Экономия» было передано все имущество и постройки торгового дома «Наследников Акапсина и Кушнарева». В собственность государства отошли также жилые дома, магазины, склады и имущество крупных торговых фирм, пароходы и несамоходные суда, принадлежавшие частным кампаниям и отдельным судовладельцам [История Якутской АССР, 1965]. Не национализированные предприятия были переданы под рабочий контроль (свинцовый рудник А.А. Семенова, пивоваренный завод Бертеля и др.). Для управления национализированными предприятиями в июне 1920 г. был создан Совет народного хозяйства (Совнархоз).

В соответствии с законом о социализации земли, принятым III Всероссийским съездом Советов, Якутский губземотдел 5 июля 1920 г. принял постановление, согласно которому все земли в Якутской области переходили в ведение губземотдела, «классная система» отменялась и провозглашался принцип уравнительного распределения покосной земли [Борьба за

установление..., 1961]. 20 октября 1920 г. было принято «Временное положение по применению в Якутской губернии закона о социалистическом землеустройстве». Однако реализация этих решений затянулась на долгие годы и окончательно решения были выполнены только в результате проведения земельной реформы 1929 г.

Продовольственное положение Якутии в условиях Гражданской войны в Центре и в Сибири было крайне тяжелым. Дефицит в хлебном балансе 1921 г. составил 448720 пудов [Гоголев, 1972]. Такой большой дефицит мог покрываться только путем сокращения нормы потребления для всех категорий населения губернии.

Для упорядочения снабжения сельскохозяйственными продуктами была введена продразверстка, согласно которой крестьянин обязан был сдавать все излишки хлеба и других сельскохозяйственных продуктов государству по твердой цене. Этими продуктами, особенно хлебом, Якутия никогда не самообеспечивалась. Несмотря на это летом 1920 г. все-таки была объявлена продовольственная продразверстка в размере 420 тыс. пуд. хлеба, что составляло около половины урожая 1920 г. К апрелю 1921 г. заготовки составили 141580 пуд. хлеба, или 33,7% к плану. 20 июня 1920 г. Якутский продкомитет, руководствуясь декретом СНК РСФСР от 23 марта 1920 г. о проведении мясной и масляной продразверстки, принял решение поставить по разверстке мяса 128 тыс. пудов и масла — 6500 пудов [Там же, с. 45]. Советская историография столь тяжеленную нагрузку на плечи разоренного населения края представила как революционный прорыв в поддержку пролетарской диктатуры и в 60–70-е гг. XX в. сообщала о добровольном выполнении спущенных сверху планов трудовым населением. Действительно, находясь в полуголодном и нищенском состоянии, оно уже к 15 октября 1920 г. по Якутскому и Вилюйскому уездам сдало 8428 голов скота (121457 пудов в убойном весе), 3261 пудов масла. Эти цифры показываются в два раза завышенными (16856 и 7822 соответственно) [Борьба за установление..., 1961, с. 45; Гоголев, 1972, с. 45]. Большая часть заготовленного мяса, рыбы, масла и живого скота отправлялись на Ленские прииски. В сентябре 1921 г. Бодайбинским золотым приискам было отгружено 31500 пудов мяса и рыбы, 3200 пудов масла. На работу на Ленских золотых приисках в 1920–1921 гг. было по натуральной повинности мобилизовано до 1000

рабочих из якутской бедноты и до 500 лошадей [История Якутской АССР, с. 46].

Продразверстка в России действовала с 1918 г., а в Якутии по установлении советской власти, с 1920 г., но она предотвратила надвигающийся голод на Ленских приисках и в г. Якутске. Скудные продовольственные и промышленные товары распределялись по карточной системе на основе классового признака. Рабочие и другие работающие обеспечивались полнотой, а нетрудовые элементы продовольственные карточки получали при условии выполнения закона о всеобщей трудовой повинности.

В условиях Якутии, наряду с продразверсткой, широко применялась трудовая повинность, особенно по заготовке дров для г. Якутска на зимний период. Например, председатель райревкома (Якутская область в то время была объявлена районом Иркутской губернии. — В.Ф.) М.К. Аммосов установил трудовую повинность для всего трудоспособного населения с 25 июня 1920 г. по выгрузке дров с плотов на берег до завершения этой работы [Красный Север, 1920]. Подобные мероприятия проводились ежегодно. Кроме того губревком принимал решения о введении трудовой повинности по заготовке и вывозке дров для отопления социальных объектов и госучреждений г. Якутска с указанием конкретных объемов работ. Например, Мегинская волость должна была на зиму 1920/21 гг. заготовить и привести в Якутск 8000 погонных сажень дров, Восточно-Кангаласская — 4000, Западно-Кангаласская — 8000, Намская — 100 погонных сажень дров; селения Никольское — 400, Владимирское — 100, Табага — 50, Тяхтюр — 150, Марха — 550 и Кильдямцы — 200 погонных сажень дров. Стоимость заготовки одной погонной сажени 100 руб., доставки одной сажени от 100 до 200 руб. в зависимости от расстояния [Ленинский коммунары, 1920].

Чтобы выяснить, какую нагрузку несет крестьянство одной волости, приводим данные по разверстке Западно-Кангаласской волости, которая получила задание разверстать 3706 пудов мяса, 436 пудов масла, 14600 пудов сена, 6000 сажень дров. Сверх этого подлежало разверстать 20000 бревен для нужд Батомских приисков. 6000 сажень дров разверстаны по 8 населям, в которых числилось 752 трудоспособных человека от 18 до 55 лет. На каждого из них приходилось 78 сажень дров [Ленинский коммунары, 1921], явно непосильный объем работы. Требуется дополнительная сила. Где взять? Вот

такая тяжесть навалилась на плечи якутского крестьянства в результате политики военного коммунизма.

Захватившим власть большевикам представлялось, что вот-вот наступит социализм и коммунизм, особенно в сельской местности. Остается только беднейшие слои населения объединить в коммуны, артели, колхозы, совхозы. В Центральной России такие хозяйства, основанные как коллективно-общественные формы труда и распределения, начали было создаваться, но помешала якобы развернувшаяся Гражданская война, затем в связи с введением НЭПа интерес к этому вопросу погас.

В Якутии по установлении Советской власти начали было организовывать совхозы, колхозы, артели, даже коммуны. Например, уже в марте 1920 г. был создан Мархинский зерноводческий совхоз. В нем было 4 рабочих, 5 борон, молотилка, соломорезка, маслобойка, 2 жнейки, 2 косилки, сеялка, несколько кос, серпов, повозок и т.д. Совхоз имел 25 десятин земли, 6 рабочих лошадей. В 1921 г. было засеяно 9 десятин [Гоголев, 1972, с. 55; НА РС(Я)]. Для маленького хозяйства с 4 рабочими оснащенность сельскохозяйственным инвентарем была неплохой, к тому же 6 рабочих лошадей, на каждую лошадь по 1,5 десятины пашни, т.е. работы по посеву на два дня. Постановлением губземотдела в ноябре 1921 г. совхоз объединился с коммуной «Братство» [Там же].

Совхоз «Качикатский» был организован 15 марта 1921 г. в имении крупного предпринимателя С.П. Барашкова. В совхозе было 46 наемных рабочих. В 1921 г. хозяйство засеяло 89 десятин, имело 227 десятин сенокосных угодий, 18 рабочих, 14 племенных лошадей, 13 племенных коров, 18 племенных быков, 61 голову другого рогатого скота. При ликвидации всей движимой и недвижимой собственности С.П. Барашкова, обвиненного и расстрелянного за участие в оросинском заговоре, совхоз получил электростанцию, паровую мельницу, лесопильный завод, полный комплект сельскохозяйственных машин (молотилки, веялки, косилки, плуги и т.д.), жилые дома, свинарники, скотные дворы, передвижные электрические двигатели и т.д. [Там же, л. 50–52]. Коллективные хозяйства, созданные на базе самодостаточных предпринимателей, имели неплохую техническую и материальную базу, но из-за отсутствия опыта организации коллективных работ были не эффективны.

По данным З.В. Гоголева [1972, с. 62], в 1921 г. было 32 коллективных хозяйства, в том числе 7 коммун, 18 артелей и 7 товариществ и сельхозобъединений. Все эти формы хозяйствования с первых дней создания нуждались в помощи, так как в подавляющем большинстве они объединяли бедные хозяйства, не имеющие возможности передать что-либо в коллективную собственность вновь создаваемых хозяйств, являющихся прообразом зарождающейся социалистической системы.

Относительно подобных хозяйств губернское земельное совещание, состоявшееся 15 января 1921 г., высказалось следующим образом: «Учитывая неподготовленность масс к коллективным сельским хозяйствам и вообще формам советского строительства, совещание считает необходимым в виде подготовительной работы приступить к организации производственных союзов батраков-хамначитов и, принимая во внимание поголовную неграмотность и несознательность населения и уклад жизни, а также невозможность организовать колхозы, рекомендовать привлечь население к общественной обработке покосов и хлебопахотных мест («Кытыгас») [НА РС(Я). Ф. 54. Оп. 1. Д. 64. Л. 3 об].

Во второй половине 1921 г. в Якутии по настояющему разразилась Гражданская война, переродившаяся здесь в повстанческое движение против советской власти и продолжавшаяся до середины 1923 г. На территории, занятой повстанческим движением, белыми и красными были разграблены вновь созданные хозяйственные образования и с переходом к новой экономической политике они или не восстановились, или разорялись. В развязывании гражданского противостояния крайне негативную роль сыграла политика классового расслоения губбюро РКП(б) и губревкома в условиях начавшейся новой экономической политики.

Политика военного коммунизма, особенно её составляющая — продразверстка, введенная и действовавшая в относительно спокойное для Якутии время — 1920 и первой половине 1921 г., легла тяжелым бременем на большинство якутского крестьянства и вела к его разорению, предопределив вступление его в повстанческое движение более озлобленным по отношению к советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. — Ч. 1, кн. 2. — Якутск, 1958. — С. 79.

Борьба за установление... — Ч. 2, кн. 1. — Якутск, 1961. — С. 26.

Бурнашова Н.И. Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980-е гг.). — М.: Изд-во МБА, 2011. — С. 188.

Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии. — Новосибирск: Наука, 1972. — С. 47.

Декреты Советской власти. — М., 1968. — Т. IV. — С. 292–294.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921. Стенографический отчет. — М., 1963. — С. 417.

История России с древнейших времен до наших дней: в 2 т. — Т. 2. — М.: Проспект, 2010. — С. 413.

История Якутской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 41.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. — М.: Наука, 1988. — С. 168.

Красный Север. — 1920. — 27 июня.

Ленин В.И. Полн. собр.соч. — Т. 39. — С. 307.

Ленский коммунары. — 1920. — 24 окт.

Там же. — 1921. — 12 янв.

НА РС(Я). Ф. р-54. Оп. 1. Д. 280. Л. 47-49.

Там же. Л. 50-52.

Там же. Д. 64. Л. 30б.

Сталин И.В. Соч. — Т. 4. — 1954. — С. 214–215.

СУ. — 1919. — № 42. — Ст. 404.

Там же. — 1920. — № 8. — Ст. 49.

V.I. Fedorov

The policy of war communism in Yakutia

The article considers the policy of war communism, which split the peasantry of Russia on the hostile forces, peculiarities of the action of this policy in Yakutia, the destruction of the peasants, as a result of participation in the rebel movement.

Keywords: war communism, food allotment, the insurgency, the food tax, labor service, Lenzoloto, the peasantry, the proletariat.

УДК: 001.83 [(470+571)+430](571.56)

А.А. Сулейманов

Трансформация системы международного научного сотрудничества в Арктике на рубеже 80–90-х годов XX века

В статье рассматриваются ключевые события, происходившие в период перехода от военно-политического противостояния к широкомасштабному сотрудничеству в Арктике и приведшие к формированию основ современной системы международной кооперации по научному изучению региона.

Ключевые слова: Арктика, международное научное сотрудничество, мурманские инициативы, Международный арктический научный комитет.

Важность международного научного сотрудничества в Арктике была отмечена еще в 70-х гг. XIX в. австрийским полярником К. Вейпрехтом. Именно по инициативе этого ученого в 1879 г. была основана Международная комиссия полярных исследований, организовавшая проведение Первого Международного полярного года (1882–1883 гг.). Тогда в Арктику были направлены 14 экспедиций из 11 стран, организованы полярные станции, в том числе и в Якутии — на острове Сагастыр в устье р. Лена.

Проводились метеорологические наблюдения, геомагнитные и геофизические исследования. Первый Международный полярный год, таким образом, стал первым опытом широкого международного сотрудничества по изучению региона.

Через пятьдесят лет, в 1932–1933 гг., состоялся Второй Международный полярный год, в работе которого приняли участие специалисты уже из 44 стран. Ими впервые была организована система сбора информации о природе

Арктики и ее влиянии на соседние регионы. В 1957–1958 гг. проходил Третий Международный полярный год (называемый также «Международный геофизический год»), в течение которого ученые из 67 государств проводили геофизические наблюдения и исследования по единой программе и методике. Однако основное внимание специалистов было сконцентрировано уже на изучении Антарктики.

Развитию же международного сотрудничества в Арктике препятствовала сложившаяся в мире после окончания Второй мировой войны геополитическая ситуация: регион оказался ареной противостояния Советского Союза и Соединенных Штатов. Обе страны с конца 1940-х развернули программу активного военного обустройства Арктики [Агранат]. Для отработки предполагаемых действий в случае войны пилоты СССР и США совершали беспосадочные перелеты к Северному полюсу, осуществлялись сквозные плавания атомных субмарин подо льдами Северного Ледовитого океана. Неудивительно, что в таких условиях каким-либо крупным международным проектам в Арктике, как например, планам по созданию международного научного комитета по арктическим и антарктическим исследованиям осуществиться было не суждено.

Лишь в 1970-е гг. в международном научном сотрудничестве в Арктике наметились определенные сдвиги, которые, с одной стороны, можно объяснить «процессами разрядки международной напряженности» [Котляков, Злотин, 1989, с. 122; Соколов, Котляков, 1989, с. 129], а с другой — общим повышением интереса к исследованиям региона [Шпайхер]. Интерес этот, прежде всего, был вызван наличием огромных запасов природных ресурсов и в особенности углеводородного сырья. Спрос на указанные ресурсы повышался, а разрабатываемые месторождения уже истощались, добыча же их в Арктике стала возможна в результате технологического прогресса. Так, в Северном море в 1971 г. началась эксплуатация месторождений газа норвежцами, в 1975 г. — месторождений нефти британцами. И если раньше исследования в регионе финансировались, в основном, военными ведомствами, то с конца 1960-х гг. — различными фирмами и гражданскими учреждениями [Шпайхер; Цигельницкий, 1988, с. 524–534].

Как результат, 70–80-е гг. XX в. в Арктике оказались отмечены осуществлением ряда крупных международных научно-исследовательских проектов: «AIDJEX», «FRAM», «YMER-80»,

«MIZEX» и «CEAREX», в рамках которых проводили совместные изыскания специалисты из научных учреждений Великобритании, Дании, Канады, Норвегии, США, Финляндии, Франции, ФРГ, Швеции и других стран мира.

В условиях «потепления» политического климата периода «разрядки» 1970-х гг. активизировались также связи советских ученых и их зарубежных коллег. Однако они ограничивались, как правило, рамками двухсторонних исследовательских проектов. В многосторонних же научных программах в Арктике специалисты из нашей страны, за редким исключением, участия не принимали.

В этом плане показательна экспедиция YMER-80, приуроченная к юбилею плавания шведского полярника Нильса Норденшельда к Северо-Восточному проходу в 1878–1880 гг. Дело в том, что Королевской Академией наук Швеции планировалось повторить путь «Веги», для чего оргкомитет мероприятия обратился ко всем странам, в водах которых намечалось осуществление проекта, с просьбой разрешить проведение необходимых научных изысканий в их 200-мильной экономической зоне. С соответствующим запросом шведская сторона обратилась и к Академии наук СССР в феврале 1977 г., предложив также принять активное участие в исследованиях вдоль евразийского побережья Северного Ледовитого океана. Однако, не получив в течение года от АН СССР ответа, организаторы экспедиции были вынуждены изменить свои планы и ограничиться проведением работ в районе между Землей Франца Иосифа на востоке и Гренландией на западе [Schytt V., 1983, p. 22–23].

Естественно, что в таких условиях о развитии широкомасштабного международного научного сотрудничества в Арктике не могло быть и речи.

Положение изменилось во второй половине 1980-х гг. Данный период, как известно, был ознаменован серьезными трансформациями в системе международных отношений — активизацией связей между СССР и западными странами, снижением напряженности в мире и, в конечном итоге, прекращением холодной войны.

В значительной мере произошедшие перемены обуславливались поворотом внешнеполитического курса Советского Союза, первыми вехами в котором стали саммиты в Женеве (1985 г.) и Рейкьявике (1986 г.), где были достигнуты договоренности о сокращении стратегических наступательных вооружений.

Логическим продолжением такого нового подхода к внешней политике СССР явилось выступление М.С. Горбачева в Мурманске в октябре 1987 г. (известное также как «мурманские инициативы»), с которым многие специалисты связывают начало нового этапа в развитии международного сотрудничества в Арктике [Котляков, Злотин, 1989, с. 122–125; Харлампьева, 2007, с. 70–81, Хейнинен, 2007, с. 206–224 и др.]. Так, финский исследователь Ласси Хейнинен [Там же, с. 207] считает, что мурманские инициативы дали «первый импульс современной системе межправительственного взаимодействия» в регионе.

В своей речи руководитель Советского Союза призвал все арктические страны к демилитаризации Севера (включая создание безъядерной зоны) и совместному освоению его ресурсов, выразил готовность открыть Северный морской путь для иностранных судов, а также предложил активизировать международное научное сотрудничество. М.С. Горбачев отметил «огромное общечеловеческое значение» исследования Арктики, необходимость обмена имеющимися знаниями, развития программ научных обменов и изучения этнических особенностей коренных народов. Он предложил и ряд конкретных действий: проведение в 1988 г. в СССР конференции приарктических государств по координации научных исследований в Арктике и создание международного арктического научного совета. Выступающий подчеркнул важность сотрудничества арктических государств в области экологии и, в частности, заявил о необходимости совместных мер по защите морской среды, разработке комплексного плана охраны окружающей среды, системы контроля за ее состоянием и радиационной безопасностью. Реализация этих предложений, по мнению М.С. Горбачева, должна была способствовать тому, чтобы в Арктике «образовалась подлинная зона мира и плодотворного взаимодействия» [Речь товарища Горбачева М.С., 1987].

Международная конференция по координации научных исследований в Арктике состоялась в декабре 1988 г. в Ленинграде. В ней приняли участие около 500 ученых из 15 стран мира (303 исследователя представляли СССР, остальные – Данию, Исландию, Канаду, Норвегию, США, Финляндию, Швецию, Великобританию, ГДР, Нидерланды, Польшу, Францию, ФРГ и Японию) [Arctic Research... Р. 1, 1990, с. 11].

Работа конференции проходила в шести секциях: 1) «Верхняя атмосфера и ближний космос: вариации в арктической ионосфере, магнитные процессы и северные сияния»; 2) «Наземные и морские экосистемы Арктики, их развитие и изменения, проблема сохранения генофонда»; 3) «Теплообмен между океаном и атмосферой и его роль в тепловом балансе Северного полушария; климат Арктики и его изменения»; 4) «Загрязнение окружающей среды Арктического региона и вопросы охраны природы полярной области»; 5) «Геологическое строение и геологическая история Арктики, современное и древнее оледенения, их влияние на климат и рельеф» и 6) «Социальноэкономические и культурные проблемы коренных народов Севера: возможности адаптации человека в Арктике и полярная медицина» [Там же, с. 11–12].

Как отмечает Д.А. Ширина [2007, с. 22], ведущее место на конференции заняло «обсуждение условий и направлений научных разысканий, требующих координации усилий международной научной общественности».

Действительно, на форуме прозвучали предложения как по расширению сотрудничества в рамках уже действующих проектов за счет участия в них советских ученых («Перенос энергии в системе Солнце – Земля», «Динамика авроральной зоны», «Изучение системы ионосфера-термосфера», Международная геосферно-биосферная программа, Программа глубоководного арктического бурения – проект «Нансен», в рамках которого работали специалисты из Канады, Норвегии и США, и международная экспедиция на шведском ледоколе «Уден» в Гренландское и Баренцево моря), так и по разработке и осуществлению новых (ГЕОКАСП – изучение полярного каспа, INTERMAGNET – система сбора геомагнитных данных, «Динамика процессов в полярной шапке», «Вертикальный перенос энергии, массы и химических элементов из верхних слоев атмосферы в нижние», проведение совместных советско-американо-канадских палеомагнитных и тектонических исследований Чукотки, Аляски и некоторых арктических островов).

Участники секции «Наземные и морские экосистемы» пришли к выводу о необходимости расширить сотрудничество при изучении антропогенного воздействия на биологические ресурсы и его влияния на состояние наземных, прибрежных и морских экосистем Арктики, выяснения уровня критических антропогенных нагрузок и осуществления согласованных при-

родоохранных мер. Так, Р.И. Злотин, А.А. Тишков и О.Н. Шубникова (СССР) в своем выступлении определили перспективные направления сотрудничества экологов Советского Союза и Норвегии по изучению Шпицбергена [Arctic Research... Р. 2., 1990, с. 149–154]. Д. Хопкинс (США) и А.В. Шер (СССР) сообщили о разработке советско-американской программы «Берингия». Программа предусматривала проведение совместных советско-американских исследований на Чукотке и западе Аляски для выяснения палеогеографических, палеоэкологических и палеоклиматических стадий развития этих территорий [Там же, с. 293–299].

Важным моментом конференции стало решение участников секции «Наземные и морские экосистемы» разработать международную программу по сохранению живой природы Арктики, которая включала бы определение методов и принципов экологического мониторинга, обоснование сети станций и биосферных обсерваторий для наблюдений, создание Красных книг флоры и фауны и планирование оптимальной циркумполярной сети особо охраняемых природных территорий [Arctic Research... Р. 1., 1990, с. 14]. В развитие этого решения уже в сентябре 1989 г. представители восьми приарктических стран (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, СССР, США, Финляндия и Швеция) встретились по инициативе правительства Финляндии в городе Рованиеми. Эта встреча положила начало хорошо известному «процессу Рованиеми», который объединил усилия политиков, общественных деятелей и ученых в деле охраны окружающей среды Арктики и привел, в том числе к учреждению Арктического совета.

Помимо секции «Наземные и морские экосистемы» проблемы экологии региона обсуждались на Ленинградской конференции также в ходе работы секции «Загрязнение окружающей среды и вопросы охраны природы». Среди приоритетных направлений сотрудничества ее участники назвали следующие: исследования загрязнения воздуха, вод и суши, процессов переноса и трансформации загрязнений; изучение экологических последствий разливов нефти, воздействий токсических веществ; оценка ассимиляционной емкости арктических экосистем. Также было запланировано осуществление совместных научных проектов по проблемам мониторинга и математического моделирования, оценки влияния на окружающую среду разработки и использования природных ре-

сурсов в Арктике и определения методов восстановления разрушенных арктических экосистем [Там же, с. 15].

Обращает на себя внимание активное участие в работе пятой («Геологическое строение и геологическая история Арктики, современное и древнее оледенения, их влияние на климат и рельеф») и шестой («Социальноэкономические и культурные проблемы коренных народов Севера: возможности адаптации человека в Арктике и полярная медицина») секций представителей научно-исследовательских учреждений Якутии. Так, с докладами выступили: В.А. Баландин, Е.А. Слагода, В.Б. Спектор (Институт мерзлотоведения СО АН СССР), В.С. Имаев, Б.М. Козьмин, Л.М. Парфенов (Институт геологии СО АН СССР), Ф.С. Донской, Е.Г. Егоров (Институт экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера СО АН СССР), Н.Г. Соломонов (Институт биологии СО АН СССР) и С.Н. Горохов (Якутский государственный университет).

В.Б. Спектор, В.А. Баландин и Е.А. Слагода в своем выступлении рассказали о проведенных недалеко от Тикси (Булунский район) исследованиях сейсмических процессов в условиях вечной мерзлоты, результаты которых позволили ученым выработать практические рекомендации, необходимые при организации добычи полезных ископаемых и сооружений промышленных предприятий в арктических районах Советского Союза [Arctic Research... Р. 2., 1990, с. 61–62]. Анализ сейсмических, а также геодинамических процессов на севере Якутии был посвящен также доклад В.С. Имаева, Б.М. Козьмина и Л.М. Парфенова [Arctic Research... Р. 1., 1990, с. 345–346].

Н.Г. Соломонов сообщил о последствиях антропогенного воздействия на традиционные отрасли хозяйства Якутской АССР: оленеводство, охоту, рыболовство и коневодство. По данным ученого, нерациональное использование оленьих пастбищ, интенсификация промышленного и транспортного освоения тундровой зоны привели к ее делихенизации (деградация лишайниковой тундры). Неконтролируемая охота на песцов обернулась катастрофическим снижением популяции этого зверя, а систематический перелов рыбы — к сокращению промысловых видов [Arctic Research... Р. 2., 1990, с. 362–363].

Тяжелую ситуацию, в которой оказались коренные народы арктических районов Советского Союза, отметили Е.Г. Егоров и Ф.С. Донской. Среди путей выхода из этой ситуации и

повышения уровня жизни аборигенных этносов Е.Г. Егоров назвал передачу им приоритетного права на использование природных ресурсов (реки, озера, леса и пастбища), развитие инфраструктуры и увеличение занятости [Там же, с. 338–339]. Ф.С. Донской предложил развивать международный обмен опытом и координацию научных исследований [Там же, с. 336–338].

С.Н. Горохов отметил важность участия университетов и средних специальных заведений в международном научном сотрудничестве, учитывая их потенциал и большое количество студентов и преподавателей, представляющих коренные народы Севера. В этой связи докладчик предложил развивать прямые связи между университетами арктических стран и сообщил о готовности Якутского государственного университета взаимодействовать с зарубежными коллегами в области гуманитарных наук. Исследователь назвал и возможные формы такого сотрудничества: проведение коллоквиумов и экспедиций, публикации результатов изысканий, обмен студентами и аспирантами, приглашение ученых для чтения лекций [Там же, с. 353–354].

В целом же, в рамках 6-й секции «Социоэкономические, культурные и медицинские проблемы» обсуждались технико- и эколого-экономические, методологические, а также долговременные перспективы хозяйственного развития Арктики. По итогам работы секции ее участники определили перспективные направления совместных исследований: изучение этнических корней циркумполярных культур и опыта коренных народов Севера в различных социальных системах, адаптации аборигенных этносов к изменениям природной и социальной среды; влияние экстремальных климатических условий на пришлое население [Arctic Research... Р. 1., 1990, с. 15].

В Заключительном документе конференции была подчеркнута необходимость укрепления «взаимовыгодного международного сотрудничества и координации деятельности ученых различных стран» при изучении природной среды, гидрометеорологических процессов, изменений климата, а также для освоения ресурсов, обеспечения «сбалансированного развития» Арктики и создания системы международной экологической безопасности [Там же, с. 13].

Проведение такого масштабного научного мероприятия, в котором участвовали специалисты из 15 стран, охватившем обширнейший

круг вопросов, безусловно, стало одним из важнейших моментов в международном научном сотрудничестве в Арктике, особенно для нашей страны. Ведь в ходе него советские ученые не только фактически были приглашены к участию в многосторонних интернациональных научных проектах, но и это может быть даже важнее, состоялось очное знакомство исследователей полярной зоны, давшее возможность наладить личные контакты. Если Мурманские инициативы можно считать началом современного периода международного сотрудничества в регионе, то Ленинградская конференция дала старт современному этапу кооперации его исследователей.

Форум в Ленинграде примечателен и тем, что в ходе его работы была одобрена идея создания международного комитета по арктическим исследованиям, который должен был координировать программы по естественным и общественным наукам, фундаментальные и прикладные изыскания в различных областях международного научного сотрудничества в Арктике.

Как уже было отмечено, планы по организации подобной структуры существовали еще в 1950-е гг. Тогда они предполагали создание комитета, действовавшего на обоих полюсах Земли. Однако если Антарктику ведущие державы мира согласились объявить демилитаризованной зоной, использовать ее исключительно в мирных целях [Договор об Антарктике..., 1961, с. 329] и в 1958 г. был учрежден Научный комитет по исследованию Антарктики, то в Арктике в виду ее важнейшего геополитического положения и противостояния двух военных блоков, такой орган смог появиться лишь по завершению холодной войны.

Документ об образовании Международного арктического научного комитета (МАНК) 28 августа 1990 г. в канадском поселке Резольют-Бей подписали представители научных организаций Дании, Исландии, Канады, Норвегии, СССР, США, Финляндии и Швеции. В учредительном акте было определено, что МАНК создан «для поощрения и облегчения международных консультаций и сотрудничества в области научных исследований Арктики» по всему спектру научных дисциплин: гуманитарных, социальных, естественных и технических [Founding Articles..., 1990, p. 4].

На настоящий момент в состав Комитета входят 19 стран (помимо выше названных это Великобритания, Германия, Италия, Испания, Китай, Нидерланды, Польша, Республика Ко-

рея, Франция, Швейцария и Япония). Представители национальных научных организаций от всех стран-членов входят в Совет МАНК (от России — председатель Президиума Архангельского научного центра Уральского отделения РАН, д.э.н. В.И. Павленко), который избирает президента и 4 вице-президентов в состав Исполнительного комитета. Совет собирается раз в год во время Недели арктической науки для выработки программы действий организации на ближайшие 12 месяцев. Местом проведения Недели в 2014 г. были выбраны Хельсинки. Исполнительный комитет руководит деятельностью МАНК между заседаниями Совета. Ранее членом Исполнительного комитета являлся также председатель Регионального совета. В последний, вплоть до решения о его расформировании в 2008 г., входили представители государственных организаций восьми приарктических стран (от России — Министерство природных ресурсов) [Letter of agreement ...]. Такая структура, по-видимому, являлась своеобразным компромиссом между позицией Соединенных Штатов и Советского Союза при создании МАНК. США тогда настаивали на включении в организацию всех желающих государств, занимающихся исследованием региона, а СССР выступал за исключительное участие в Комитете стран Арктики [7th report...].

Как бы то ни было, но МАНК действительно объединил под своей эгидой усилия ученых из разных стран мира по исследованию Арктики. Так, изыскания по программе BESIS (Bering Sea Impact Study, 1996–1999 гг.), призванной помочь определить общее влияние глобальных изменений климата на окружающую среду и население Арктики на примере района Берингова моря, проводили сотрудники научных учреждений Канады, Китая, России, Соединенных Штатов, Финляндии, Швеции и Японии. Причем среди российских ученых были специалисты из Якутии: В.Н. Макаров и М.Н. Григорьев (Институт мерзлотоведения СО РАН, Якутск), которые исследовали процессы разрушения берегов морей Лаптева и Восточно-Сибирского и произвели расчеты объемов веществ, поступающих в результате этой эрозии на шельф [Институт мерзлотоведения..., 1997, с. 37]. В прошедших же в минувшем году в Кракове мероприятиях в рамках очередной Недели арктической науки приняли участие около 400 специалистов из 25 стран мира [ASSW 2013...].

Таким образом, на рубеже 80-х–90-х гг. прошлого века система международного со-

трудничества в Арктике, а с ней и система интернациональной научной кооперации претерпела кардинальные изменения. Фактически на смену эпохе военного противостояния двух политических блоков пришло время энергичного развития международных связей, в значительной степени на многосторонней основе. В области научных исследований эти перемены выразились, во-первых, во включении советских, а затем российских ученых в уже действующие международные проекты с последующим активным участием специалистов из нашей страны в новых крупных международных программах, во-вторых, в создании специальной структуры (Международный арктический научный комитет), призванной содействовать развитию сотрудничества и координировать усилия исследователей Арктики. Важнейшей вехой в этом плане стала Международная конференция 1988 г. в Ленинграде, где были определены и основные направления международного сотрудничества по изучению региона. Особо следует отметить, что названная конференция была первым крупным международным научным мероприятием, посвященным непосредственно проблемам Арктики, на котором Якутия была представлена целой делегацией ученых.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агранат Г.А. Военное противостояние в Арктике (историко-географический очерк) // Все для учителя географии. URL: <http://geo.1september.ru/2003/07/3.htm> (дата обращения: 25.11.2006).

Договор об Антарктике // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1961. — № 31. — С. 329.

Институт мерзлотоведения им. академика П.И. Мельникова. Отчет о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 1997 г. // Текущий архив Института мерзлотоведения им. П.И. Мельникова СО РАН. — С. 37.

Котляков В.М., Злотин Р.И. Международное сотрудничество ученых // Известия АН СССР. Серия географическая. — 1989. — № 5. — С. 122.

Речь товарища Горбачева М.С. // Правда. — 1987. — 2 окт.

Соколов В.Е., Котляков В.М. Международное сотрудничество исследователей Арктики // Вестник АН СССР. — 1989. — № 8. — С. 129.

Харлампьева Н.К. Формирование транснациональной среды мировой политики в Арктическом регионе // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. — Т. 6.: Новые тенденции в мировой политике. — М.: МГИМО-У, 2007. — С. 70–81.

Хейнинен Л. Циркумполярные международные отношения и геополитика // Доклад о развитии человека в Арктике. Перевод с английского / Науч. ред. А.В. Головнев — Екатеринбург; Салехард: Этнографическое бюро, 2007. — С. 206–224.

Цигельницкий И.И. Исследования полярных областей за рубежом // Полярный круг, 1988. — М.: Мысль, 1988. — С. 524–534.

Ширина Д.А. Отчет НИР «Международное сотрудничество в Арктике 80-х–90-х годов XX в.». Якутск, 2007 // Текущий архив ИГИИПМНС СО РАН. — С. 22.

Шнайхер А.О. Исследования США в Арктическом бассейне // ИВК Информация. URL: <http://www.ivki.ru/kapustin/journal/shpayher.htm> (дата обращения: 09.01.2009).

Arctic Research: Advances and Prospects. Part 1. Proceedings of the Conference of Arctic and Nordic Countries on Coordination of Research in the Arctic, Leningrad, December 1988 / Под. общ. ред. В.Е. Соколова и В.М. Котлякова. — М.: Наука, 1990.

Arctic Research: Advances and Prospects. Part 2. Proceedings of the Conference of Arctic and Nordic Countries on Coordination of Research in the Arctic, Leningrad, December 1988 / Под. общ. ред. В.Е. Соколова и В.М. Котлякова. — М.: Наука, 1990.

ASSW 2013: The Arctic Hub-Regional and Global Perspectives // Scientific Committee on Antarctic Research. URL: http://www.scar.org/news/othernewsletters/IASC_Progress_Spring13.pdf (дата обращения: 01.02.2014).

Founding Articles for an International Arctic science committee. Final edition. August 1990 // Текущий архив ИГИИПМНС СО РАН.

7th report of the Standing Committee on Foreign Affairs and International Trade. Chapter 8 - Supporting scientific, educational and cultural cooperation in the Arctic // Parliament of Canada. URL: http://www.parl.gc.ca/35/Archives/committees352/fore/reports/07_1997-04/chap8e.html (дата обращения: 29.04.2008).

Letter of agreement between the International Arctic Social Science Association (IASSA) and International Arctic Science Committee (IASC) // International Arctic Science Committee. URL: http://www.iasc.info/files/MOU_LOA/IASC_IASSA.pdf (дата обращения: 01.02.2014).

Schytt V. Ymer-80: A Swedish expedition to the Arctic Ocean // The Geographical Journal. — Vol. 149 — No. 1 (Mar., 1983). — P. 22–23.

A.A. Suleymanov

The transformation of the international scientific cooperation system in the Arctic at the turn of 80–90th years of XX century.

This article examines the key events, which took place in the science during of the transition from a military-political opposition to the international cooperation in the Arctic. It was the period when the modern system bases of international cooperation on the Arctic region studying were laid.

Keywords: Arctic, international scientific cooperation, the Murmansk Initiative, Conference of Arctic countries on coordination of research in the Arctic (Leningrad, 1988), The International Arctic Science Committee.

УДК 39 (571.151)

В.В. Ушницкий

Дауры: новые этнографические материалы

Статья посвящена даурам — приамурскому народу, ныне живущему в Китае. Во время экспедиции во Внутреннюю Монголию летом 2013 г. автору удалось ознакомиться с культурой данного народа. Дауры считаются потомками киданей, занимались земледелием и садоводством. Дауры проникали на территорию Якутии, вступали в этнокультурные контакты с представителями народа саха. Предполагаемые связи саха с даурами отражаются в схожих этнонимах, национальных играх.

Ключевые слова: этнография, дауры, Китай, кидане, этнокультурные контакты, этногенез, Приамурье.

Постоянные миграции были свойственны большинству этносов Евразии вплоть до установления твердых границ между государствами. В ходе постоянных межплеменных войн

© В.В. Ушницкий, 2014 г.

одни племена вытесняли другие с прежних мест обитания. Возникновение сильных государств также приводило к миграции мелких племен с пограничных с ними территорий. Это следует учитывать всем исследователям этногенеза современных народов Сибири.

На территории Приамурья к приходу русских в середине XVII в. мирно проживал земледельческий народ дауры. Возникновение сильного Маньчжурского государства привело к походам маньчжурских войск в 40-х гг. XVII в. в Приамурье. Сильное сопротивление им оказал народ, обозначенный ими в хрониках под именем сахарча по маньчжурскому названию реки Амур — Сахалынь 'черная река'. Произошло массовое восстание дауров под руководством силача Бомбогора. Тогда еще дауры начали строить сильные укрепленные поселения — крепости. Они стали местом ожесточенных столкновений, когда из Ленского края, начали проникать отряды казаков и промышленников. Дауры оказались между двух огней. Если в Ленском крае русские под давлением царских указов старались шадить аборигенное население как потенциальных плательщиков ясака, то в благодатном Амурском крае, где можно было завести пашню, речь сразу шла о завоевании и покорении местного населения вплоть до полного истребления, чтобы самим занять эту территорию [Бахрушин, 1925]. Поэтому при малейшем сопротивлении казаки, по их словам, «рубил под пень», истребляли дауров и дючеров (чжурчжэней) огнестрельным и холодным оружием. А завоевали тогда Амур атаманы, отличившиеся при покорении якутских улусов, — письменный голова Василий Поярков и Ерофей Хабаров, первым из русских заведший пашню в Витиме, видимо, по примеру дауров, обитавших и в тех местах. Времена лихолетья надолго запечатлелись в исторической памяти дауров.

Впервые известие о даурах на Амуре сообщили якутские воеводы П. Головин и М. Глебов: «Живет... вверх по Витиму реке даурский князец именем Ботога с товарищами... по обе стороны Витима реки даурские конные многие люди, а бой де у них лучной, а язык де, государь, у них свой, с якутским и тунгусским не сходится» [Цыбенков, 2012, с. 46].

В итоге произошла небольшая пограничная война между маньчжурами, уже завоевавшими Китай и основавшими империю Цинь, и русскими отрядами, завершившаяся взятием крепости Албазин и её разрушением, пленением русского гарнизона. В итоге вплоть до середи-

ны XIX в. китайская граница проходила по Витиму. Якуты и эвенки, уходившие на промыслы на Амур и Шантарские острова, по существу, переходили китайскую границу. Поэтому в китайской географии Приамурье и Приморье принято именовать Внешней Маньчжурией, а провинцию Хэйлунцзян (Маньчжурия) — Внутренней. Однако Цины после ухода побежденных русских из края решили сделать Приамурье нейтральной, пограничной зоной и переселили единокровных баргутов, солонов, дючеров и дауров в Маньчжурию. Даурские воины стали одним из знаменитых войск Цинской империи. После исхода из Приамурья численность дауров — воинов с доспехами — 2709 чел., женщин и детей — 2964, всего 5673 чел. [Цыбенков, 2012, с. 77].

Интересна проблема происхождения дауров. По мнению наиболее авторитетных китайских [Хао Цилунь, 1999] и российских ученых [Цыбенков, 2009; Нестеров, 1996] была принята в качестве общепризнанной теория киданьского происхождения даурского народа. Это показательно, так как одно время была популярна гипотеза известного русского лингвиста В.М. Надеяева о киданьском происхождении и саха, построенная на созвучии имени прародителя народа Элэя с императором Елюем Даши, бежавшим с остатками киданьского войска в монгольские степи.

Киданьская (китайская) теория происхождения дауров нам представляется наиболее убедительной. Дело в том, что дауры народ со старыми земледельческими традициями, выращивали многие зерновые культуры, занимались садоводством и бахчеводством (выращивали яблоки, груши, арбузы и дыни, огурцы), свиноводством, разводили кур, сажали табак, получали вино из хлеба, одевались в хлопчатобумажные и шелковые одежды. Еще Г.В. Ксенофонов писал о возможной связи якутского слова догор — друг с именем дауров — дахур, дагур. По сведениям Б.О. Долгих [1960], небольшая колония дауров существовала в Амге и даже в Верхоянье. Таким образом, якутское население через дауров могло познакомиться с продуктами земледелия и садоводства задолго до прибытия русских культуртрегеров.

В Эвенкийском национальном хошуне есть даурский уезд. Там мы познакомились с даурами и небольшим даурским музеем при сельской администрации. Согласно информации Минды (54 года), сейчас дауры держат овец, лошадей, коз, коров. Рядом с даурским домом располагались кукурузные поля. Но как оказа-

лось, кукурузу выращивают для скота, сами не едят. Его отец, ныне 81-летний старик, раньше делал старинные телеги для продажи или обмена на скот. Сейчас Минды работает проверяющим сельхозугодий. По рассказам Минды, в даурской национальной борьбе борются на кушаках, бывают состязания по перетягиванию палки — мот тэтэбэ, но не часто, во время больших праздников. Когда Минды узнал, что у якутов тоже есть перетягивание палки, то подчеркнул, что дауры и якуты жили поблизости. Поэтому есть много схожего: национальные игры одинаковые, антропологически дауры и якуты тоже близки. Дауры также занимаются собирательством. Собирают для себя бруснику и черемуху [ПМА, информация от Минды].

Чжоу Энлай в 1954 г. подписал указ о признании дауров, солонов и ороحوнов в качестве отдельных народностей. Раньше их включали в состав монголов. Они вошли в список 56 народов Китая. В Даурском национальном хошуне АРВМ (Автономный район Внутренняя Монголия) проживает 450 тыс. чел., из них 70 тыс. дауров.

Многие дауры знают 14 поколений предков. Чапу — родословную книгу никому не показывают. Туда включены предки только по мужской линии. У шэнехенских бурят тоже есть такая книга. Женщины возмущаются запретом включать их в родословную книгу семьи. Приезжали японцы, проводили исследование крови. С монголами у дауров есть генетическое сходство [ПМА, информация от Баясунгха, хорчина].

Киданьская теория происхождения дауров опирается на этимологическую связь имени дауров с названием правящего рода киданей — Дахэ. В последнее время исследованиями китайских генетиков довольно убедительно доказана генетическая преемственность между даурами и киданями. Результаты показали близость ДНК киданей и дауров [Цыбенков, 2012, с. 20]. Из «Сокровенного сказания монголов» и «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина вытекает, что в начале XIII в. в Северном Китае было три сильных этнических коллектива, боровшихся за власть в регионе. Это чжурчжэни — создатели империи Цзинь, представители старой правящей династии Ляо — кидане и сами ханьцы — сторонники династии Мин. В этой борьбе монголоязычные кидане поддержали монголов Чингисхана. Видимо, тогда же, в XIII в., часть киданей мигрировала в Приамурье.

В последнее время в России только начали открывать занавес тайны над феноменом киданей — монголоязычного племени, покорившего огромный Китай и даже давшего ему свое имя [Пиков, 2007]. Так, российские археологи А.В. Харинский, Е.В. Ковычев летом 2013 г. участвовали в совместной китайско-монгольско-российской экспедиции, выявлявшей остатки киданьских городищ на территории трех стран. Ученые многих стран с помощью языка дауров бьются над расшифровкой большой киданьской письменности.

Поводом к выдвижению гипотезы о взаимосвязи этнонимов хор и даур, послужили источники, в которых этноним даур записан как *дахур/дахор* [Цыбенков, 2012, с. 43]. Бурятские исследователи многократно указывали сходство языка и культуры дауров и западных бурят. На этой основе даже выдвинута гипотеза о меркитском происхождении дауров [Цыбенков, 2012, с. 26].

Из даурских этнонимов наше внимание привлекли два названия их родов. Это род алдан, возможно их имя получила р. Алдан. Через Алдан и Амгу издревле существовала дорога на Амур. Напомним, что прародитель хоролорских родов Якутии Улуу Хоро, переселяясь верхом на быке через Алдан, Амгу и Таатту, дал им эти названия [Боло, 1994]. Напомним также, что в якутском фольклоре встречается словосочетание Кытат Хоро сирэ, эта страна находится далеко на юге, где птицы зимуют. Также в списке даурских родов мы обнаруживаем род Сангаар. Сангар это название административного центра Кобяйского района, данное слово воспроизводится от эвенкийского слова со значением дыра, отверстие. Маленькая группа дауров, ныне именуемая как род алдан, была зафиксирована русскими в 30-х гг. XVII в. на Алдане, в районе устья его притока — р. Амга [Долгих, 1958, с. 128]. На р. Алдан дауры ушли из бассейна р. Зея, вероятно, по тому же пути, по которому позже в Приамурье из Якутска прошел отряд В.Д.Пояркова, а впоследствии и якутские купцы [Цыбенков, 2012, с. 57].

Ряд элементов материальной и духовной культуры дауров свидетельствует об этнических контактах с саха. Так, среди национальных видов спорта огромной популярностью пользуется перетягивание палки. Есть также состязание *хужуу мэлжбэй*, где участники сидят друг против друга, упираясь ногами, руки лежат на ногах. Кушак со специальной ленточкой-отметкой, связанной в кольцо, набрасывается на шею игроков. По сигналу соревнующиеся на-

чинают тянуть, проигрывает тот, кого поднимают с земли или у кого сгибаются ноги в коленях [Цыбенков, 2012, с. 174]. Эту игру можно сравнить с якутской игрой кулун тардысы.

Командная борьба, когда на помост выходят по очереди противники противоборствующих команд, напоминает якутский хомуур хапсагай, также получивший широкую популярность в современное время. Популярностью пользуется и игра на варгане — муклене, аналогичном якутскому хомусу. Национальным видом спорта дауров является хоккей на траве, не случайно олимпийская команда Китая формируется из игроков данной национальности.

В отличие от других монгольских народов дауры занимаются рыболовством. Зимой — подледным ловом рыбы. На Амуре, по сведениям Р. Маака, длинный невод складывали на носилки, чтобы он не путался, переносили из воды в лодку, клали вместе с носилками на корму, и снова принимались ловить рыбу [Цыбенков, 2012, с. 104]. Так же поступают якуты во время зимней подледной рыбалки с помощью невода.

Из даурских терминов родства выделяются *ача* (отец) и *эвэ* (мать), сравнимые с тувинскими *ача* и *ие*, а также с якутскими *эһэ* (дед) и *эбэ* (бабушка). Из средств передвижения выделяются даурская повозка, деревянная лодка, сани. Отличительной чертой даурской повозки являлись очень высокие колеса [Цыбенков, 2012, с. 96].

Якутские филологи и этнографы, по моему мнению, должны изучать язык и культуру дау-

ров как одного из близких в этническом плане народов.

ИСТОЧНИКИ

ПМА (2013) — полевые материалы автора (экспедиция во Внутреннюю Монголию, Китай).

ЛИТЕРАТУРА

Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. — Л.: Изд-во Брокгауз и Эфрон. 1925. — С. 108.

Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). — Якутск: Бичик, 1994. — 352 с. — На якут. яз.

Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. — М., 1958. — С. 125–142.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М.: Наука, 1960. — С. 617.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. — Новосибирск: Наука, 1996.

Пиков Г.Г. Из истории названия «Китай» // Чингисхан и судьбы народов Евразии: Материалы Международной научной конференции. — Улан-Удэ. 2007. — С. 111–123.

Цыбенков Б.Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. — Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. — 252 с.

Цыбенков Б.Д. О киданьской версии происхождения дауров // Проблемы этнической истории и культуры тюркомонгольских народов. — Элиста: Изд-во Колмыцкого ИГИ, 2009. — С. 5–13.

Хао Цилунь. Китайские ученые о происхождении дауров // Традиционная культура Востока Азии. — Благовещенск, 1999. — 207–210.

V.V. Ushnitskiy

Daur: new ethnographic materials

The article is devoted Daur - Amur people are living in China now. During the expedition to Inner Mongolia in the summer of 2013, it was possible to get acquainted with the culture of the people. Daur considered descendants of the Khitans were engaged in farming and horticulture. Daur penetrated into the territory of Yakutia was entered in the ethnocultural contacts with representatives of the Sakha people. Sakha alleged links with Daur, reflected in similar ethnonyms, national games.

Keywords: Ethnography, Daur, China, Khitan ethnic and cultural contacts, ethnogenesis, the Amur region.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.722.(571.621)

Ю.Н. Аверина

«Идиш-культура» в общественной жизни Еврейской автономной области

На основе результатов предварительного исследования по теме «Преобразовательные возможности «идиш-сообществ» в социальном пространстве Еврейской автономной области» даётся характеристика существующих «идиш-сообществ», их распространённости на территории автономии и заинтересованности граждан «идиш-культурой».

Ключевые слова: Еврейская автономная область, социальное пространство, сообщество, «идиш-сообщество», атрибуты, символы.

Еврейская автономная область (ЕАО), как и вся Россия, — территория с многонациональным населением. Но, несмотря на то, что область называется еврейской, народ титульной нации никогда не составлял в автономии абсолютное большинство, даже на пике переселенческой активности, когда на территории ЕАО собирались евреи со всего света. Максимум населения еврейской национальности пришёлся на 1937 г. — из 76500 жителей автономии было зарегистрировано 18 тыс. евреев, т.е. около 24% всего населения. Впоследствии количество евреев в области сокращалось с разной интенсивностью. В 1939 г. еврейское население уже составляло 17695 чел. (16,2%), в 1959 г. — 14269 (8,8%). По результатам переписи 1970 г. из учтённых 172449 жителей ЕАО только 11452 отнесли себя к еврейской национальности (6,6%), а в 1989 было зарегистрировано 8887 евреев (4,2%). После распада Советского Союза еврейское население в области сокращалось наиболее интенсивно. Так, по данным переписи 2002 г., в Еврейской автономной области зарегистрировано всего 2329 евреев, т.е. 1,2%. Тем не менее, исторический процесс заселения территории евреями, их проживание здесь и существование на Дальнем Востоке России еврейского государственного образования является фактом.

Опросом, результаты которого представлены в данной статье, было охвачено 70% ре-

спондентов, которые относят себя к русскому этносу, 21% — к украинскому, 2,4% — к еврейскому и 6,5% — к другим национальностям. Русских и украинцев опрошено больше всего, так как эти этнические группы самые многочисленные на территории ЕАО. Выявлено, что независимо от национальной принадлежности, почти все опрошенные — 97,9% гордятся принадлежностью к своему этносу.

В обществе растёт интерес к тому, какое влияние оказывают национальные сообщества на общественную жизнь в регионах, в частности на территории ЕАО. Исследование этой проблемы актуально хотя бы потому, что не так давно поднимался вопрос о целесообразности существования Еврейской автономии. В печатных работах и других СМИ достаточно распространено мнение, что Еврейская автономная область утратила право так называться из-за массового оттока из неё еврейского населения. Исследование влияния «идиш-сообществ» на общественную жизнь в ретроспективе и современной ЕАО является необходимым условием для поиска ответа на вопрос о том, быть или не быть этой национальной государственности в составе Российской Федерации в перспективе.

Словосочетание «идиш-сообщества» в тексте статьи взято в кавычки, поскольку в официальной науке данный термин в настоящее время пока не утвердился. Под «идиш-сообществами» понимаются еврейские национальные

общности, возникшие на основе культуры языка идиш, который был основным языком общения у переселяющихся в ЕАО евреев.

Цель данной статьи заключается в представлении результатов предварительного исследования, направленного на выявление преобразовательных возможностей «идиш-сообществ» в социальном пространстве ЕАО.

Для исследования использовались материалы социологического опроса, проведённого на территории ЕАО в 2013 г. Генеральную совокупность составили жители от 18 лет и старше. Тип выборочной совокупности квотный в разрезе трёх основных характеристик (пол, возраст, территория проживания), выборка случайная.

В социальном пространстве Еврейской автономной области со времени её создания как государственного образования и по настоящее время происходят качественные изменения под влиянием множества факторов, среди которых особенным является переселение на эту территорию «трудящихся евреев», как было принято называть первых иммигрантов еврейской национальности. Переселяясь в Биро-Биджанский район, преобразованный впоследствии в Еврейскую автономную область, люди еврейской национальности стали локализоваться в социальные общности, формирующиеся на основании языка и культуры идиш, совместной хозяйственной деятельности, отношений к новому месту жительства и предпочтений в выборе мест поселения. Такие общности не могли оставаться нейтральными для всего социального пространства области и его составляющих. Переселенцы привносили в ранее сформировавшиеся сообщества жителей этой территории свои обычаи, культуру, язык. Для большинства евреев разных стран иврит в то время ещё не был преобладающим языком общения, так как он возродился позже в Государстве Израиль, которого в современном его формате тогда ещё не существовало. Приезжающие на железнодорожную станцию «Тихонькая» и на берега Амура, Биры и Биджана евреи разговаривали преимущественно на идиш. Переселенцы из еврейских местечек разных стран, общаясь между собой на этом языке, объединялись в «идиш-сообщества». Идиш в своё время был языком евреев ашкенази (восточноевропейские евреи). Язык представляет собой смесь средневекового немецкого, еврейско-французского, арамейского и славянских языков. Разделение диалекта восточноевропейских евреев в истории стало настолько велико, что это породило нацио-

нальную идентичность со своеобразными культурой, традициями и обычаями [Еврейская автономная..., 1998].

Часть этих сообществ к настоящему времени претерпела существенные изменения и сохранилась, другая часть перестала существовать. Евреи-иммигранты и создаваемые ими на новом месте жительства общности способствовали расширению ранее существовавшего на территории нынешней автономии социального пространства и привносили в него культуру идиш.

Сегодня один из главных атрибутов «идиш-культуры» — язык идиш придаётся забвению. Идиш — это не только симбиоз германских и славянских языков, это образующий фактор самоидентичности евреев, которые заселяли Еврейскую автономную область. Раньше, почти до середины 80-х гг. XX в., на территории ЕАО повсюду можно было слышать еврейскую речь. Сёлам давались названия на идиш или связанные с еврейскими организациями. За некоторыми из них эти названия сохранились по сей день (Амурзет, Бирофельд, Валдгейм, Найфельд и др) [Березницкий, Примаков, 2009; Гуревич, Цап, 2011]. Сегодня же встретить человека, который свободно разговаривает на идиш, — большая редкость. Не только потому, что большинство евреев уехали из ЕАО, но и потому, что в Государстве Израиль в качестве основного языка был выбран иврит, и не без его влияния идиш становится менее популярным не только в Еврейской автономии, но и по всему миру. Тем не менее при анализе предварительных данных было установлено, что 16% опрошенных знакомы с людьми, которые остались приверженцами языка идиш, и даже один из опрошенных сам хорошо знает этот язык. Это является свидетельством того, что язык идиш и «идиш-культура» ещё продолжают существовать на территории ЕАО. Сегодня многие задаются вопросом: «Что такое идиш сегодня? Нужен ли он?». Ответ даёт один из героев фильма Александра Городницкого об евреях и их языках: «Пока есть хотя бы один человек, говорящий на идиш, язык не умер. Идиш — это язык матери (мамэ лошн), он не должен исчезнуть». Для сохранения «идиш-культуры» необходимо носителям языка и культуры иметь возможность общаться друг с другом на идиш.

На сегодняшний день в Еврейской автономной области осуществляют свою деятельность ряд сообществ, целью которых является возрождение культуры идиш. Еврейские сообще-

ства способствуют сохранению самосознания этнической принадлежности, выполняют культурную, религиозную, социальную и политическую функции. Их основной задачей является сохранение, развитие и воспроизводство этнокультурной специфики. Культурная функция заключается в поддержании, развитии и укреплении культуры народа, культивировании этнических традиций, обычаев и религии, поддержании культурных связей со своей исторической родиной. Социальная функция еврейской общины обычно проявлялась в материальной поддержке её наиболее незащищенных членов (в современных российских условиях ими являются люди пожилого возраста, пенсионеры). В этих целях собирается благотворительный налог — цдака, основным источником которого являются пожертвования бизнесменов-евреев. Политическая функция выполняется в ходе сотрудничества общины с официальной властью с целью создания благоприятных условий для своего функционирования и развития [Примак, 2011].

Благодаря деятельности еврейских общин «Бейт-Тшува» и «Фрейд»; художественных коллективов «Иланот», «Когелет», «Мазлтов», «Сюрприз», в репертуаре которых большое место занимает еврейский жанр, клубов «Хава» и «Мишпоха» общественной жизни ЕАО придаётся особый колорит, происходит интеграция в социальное пространство области еврейской этнической культуры. Это выражается в добровольном приобщении граждан еврейских и нееврейских национальностей к изучению языков идиш и иврит, еврейской культуры в общеобразовательных школах, в учреждениях высшего и дополнительного образования. По данным опроса, 54,8% респондентов ответили, что они или их знакомые регулярно посещают еврейские организации (художественные и творческие коллективы или клубы) и проводимые ими мероприятия, посещают иногда — 4,8%, и только менее половины опрошенных — 40,5% в силу разных обстоятельств не посещают.

Значительная часть населения области (независимо от этнической принадлежности) испытывает потребность в приобщении к еврейской культуре, о чём свидетельствует общественный интерес к символам еврейской атрибутики, фестивалям еврейской культуры, к еврейским обрядам и праздникам, которые проводятся на территории автономии. Изучение отношения населения к еврейским тради-

циям показало, что подавляющее большинство опрошиваемых — 69% с симпатией относятся к еврейским традициям и менее одной третьей части — 31% равнодушны к ним. Негативно настроенных по отношению к «идиш-культуре» респондентов при опросе не обнаружено.

Следует также отметить отношение опрошиваемых к месту своего проживания на территории ЕАО. Большинство, а именно 71%, в целом довольны своим поселением, но 28% местом своего проживания не удовлетворены.

Изучение степени толерантности населения показало, что 98% опрошиваемых никогда не испытывали по отношению к себе дискриминационного отношения по национальному признаку, и 2% указали, что у них были случаи неприятия себя по национальному признаку со стороны других лиц. Не испытывают напряженности в окружении людей других национальностей 92,9% опрошиваемых, 4,8% испытывают напряженность иногда, и только 2,4% указали, что в окружении людей других национальностей они испытывают напряженность. Эти результаты свидетельствуют о том, что в социальном пространстве ЕАО ксенофобия по национальному признаку проявляется крайне редко.

Таким образом, анализ данных исследования «идиш-сообществ» в социальном пространстве ЕАО приводит к следующим выводам:

- переселение евреев на эту территорию способствовало расширению социального пространства за счёт интеграции в него новых социальных субъектов со свойственной им культурой;
- язык идиш является главным атрибутом «идиш-культуры», следовательно, для её сохранения и развития в ЕАО необходимо создавать специальные условия для возрождения и активного использования языка;
- большинство населения ЕАО, независимо от национальной принадлежности, пола и возраста, положительно настроено по отношению к еврейской культуре. В области сохранились носители языка идиш и «идиш-культуры». Значительная часть населения достаточно активно взаимодействует с различными еврейскими организациями. Среди населения области отмечается не только высокая степень толерантности, но и повышенного интереса и даже симпатии к еврейской культуре. Люди с удовольствием посещают еврейские клубы, художественные и творческие коллективы, заинтере-

сованно относятся к проведению на территории ЕАО еврейских праздников. Для сохранения статуса национальной Еврейской автономии необходимо и дальше проводить мероприятия по возрождению и развитию «идиш-культуры» в области;

- для сохранения и развития ЕАО как национального государственного и этнокультурного образования необходима научная база на основе исследования и учёта естественных тенденций интеграции идиш-сообществ в социально-природную среду автономии.

ЛИТЕРАТУРА

- Березницкий С.В., Примак П.В. История иудаизма в Еврейской автономной области. Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. — Биробиджан: Изд-во ДВГСГА, 2009. — 202 с.
- Бренер И.С. Леаим, Биробиджан! — Красноярск: Красноярский писатель, 2007. — 350 с.
- Вайсерман Д.И. Биробиджан: мечты и трагедия. История ЕАО в судьбах и документах. — Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 1999. — 512 с.
- Гуревич В.С., Цап В.А. О Еврейской автономной области всерьёз и с улыбкой. Серия «Библиотека Биробиджанской еврейской общины «Фрейд» / ред. И.З. Манойленко, И.П. Попкова. — Биробиджан, 2011. — 187 с.
- Еврейская автономная область: энциклопедический словарь / Отв. ред. В.С. Гуревич, Ф.Н. Рян-ский. — Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 1998. — 368 с.
- Зиммель Г. Социология пространства. Избранное: в 2-х т. — М.: Юрист, 1996. Т. 2.
- Ионин Л.Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса // История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И.С. Кона. — М.: Наука, 1979. — С. 164–179.
- История современной зарубежной философии: компаративистский подход / под ред. М.Я. Корнеева. — СПб., 1997.
- Примак П.В. Этнокультурная адаптация евреев Еврейской автономной области к общественным трансформациям на рубеже XX—XXI вв. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 211 с.
- Романова В.В. Государственная политика в отношении еврейского населения Дальнего Востока России в 60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. — М.: МПГУ, 2001. — 312 с.
- Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
- Филиппов А.Ф. Социология пространства. — СПб—Владимир-Даль, 2008. — 285 с.
- Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред В.А. Ядова. — М.: Аспект-Пресс, 1996. — 416 с.
- David Shyovitz. История создания и развития идиш. *Энциклопедия иудаики*. [Электрон. ресурс]: <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsources/History/yiddish.htm>.

Yu.N. Averina

«Yiddish-culture» in public life of Jewish Autonomous region

Based on the results of the preliminary research on the theme of «Transformational opportunities «Yiddish communities» in the social space of the Jewish Autonomous region», we describe the current «Yiddish communities», their prevalence in the autonomy and interests of the people «Yiddish culture».

Keywords: Jewish Autonomous region, social environment, community, Yiddish community, attributes, and symbols.

УДК 331.108

Н.В. Волкова

Формирование лояльности персонала организации: роль трудовых приоритетов работников

В статье рассмотрено влияние значимости для сотрудников организации мотивационных и гигиенических приоритетов труда на результативность их инновационной деятельности.

Ключевые слова: мотивационные и гигиенические приоритеты труда, инновационная деятельность.

Не вызывает сомнений тот факт, что персонал — это неотъемлемая часть организации. Специалисты отмечают, что именно этот ресурс предприятия может оказаться решающим в достижении поставленных целей. А в качестве одного из необходимых условий высокой результативности труда часто называется организационная лояльность сотрудников.

На сегодняшний день в литературе встречается множество определений лояльности сотрудников к организации. Лояльность рассматривается, как отсутствие желания уволиться из организации и случаев намеренного нанесения ущерба фирме, выполнение своих должностных обязанностей, предпочтение интересов компании личным, заинтересованность в выполняемой работе, неоспоримость авторитета руководителя, отсутствие претензий к организации и руководству, готовность к диалогу с ним, включенность в организационную культуру и т.д. [Волкова, 2012]. Такое разнообразие подходов и точек зрения стало обоснованием для реализации при поддержке Российского гуманитарного научного фонда научно-исследовательского проекта «Формирование лояльности сотрудника организации: проблемы и перспективы» (грант 11-32-00304а2), руководителем которого является автор данной статьи.

С точки зрения автора лояльность персонала должна проявляться, в том числе через высокую результативность его труда, которая, в свою очередь, зависит от сформированного единства задач организации и сотрудника, четкого понимания последним этих целей, того, для чего он трудится, какие профессиональные и личностные задачи он решает в рамках своей трудовой деятельности. Другими словами, сотрудник, не осознающий целей своей трудовой деятельности, не заинтересованный в достижении высоких показателей работы, не может понять и той роли, которую играет в их достижении организация, и, следовательно, не может быть действительно преданным ей. Таким образом, осознанную мотивированность сотрудника можно рассматривать как основу для формирования лояльности к организации.

Инструментарий исследования. В качестве показателей организационной лояльности следует выбрать критерии, по которым возможно оценить результативность деятельности персонала. К примеру, для сотрудников, чью деятельность можно охарактеризовать как иннова-

ционную, такими показателями могут быть следующие:

— Сколько новых идей Вы предложили за последний год?;

— По Вашему мнению, какая часть из предложенных Вами новых идей была превращена в фактические усовершенствования (полезные изменения, новые продукты, новые услуги)?;

— По Вашему мнению, какая часть новых идей принята для осуществления в будущем?;

— Какая часть из предложенных Вами идей за последний год оказалась успешной (в коммерческом или ином плане)?;

— По Вашему мнению, какая часть Вашего дохода за последний год получена благодаря Вашим новым предложениям.

В качестве инструментария для оценки степени осознания работниками целей и приоритетов своей деятельности выбран метод оценки предпочтений в работе *The Work Preference Inventory Assessing Intrinsic and Extrinsic Motivational Orientations (WPI)*, опубликованный в 1994 г. в *Journal of Personality and Social Psychology*. Данный метод предусматривает проведение анкетирования персонала. В анкету включены 30 утверждений, написанных от первого лица. Респондентов просят указать, в какой степени каждого из них характеризует то или иное утверждение (по пятибалльной шкале: от 1 — «никогда или «почти никогда не касается меня» до 5 — «всегда или почти всегда так со мной»).

Следует отметить, что метод *WPI* тесно связан с двухфакторной теорией мотивации Ф. Герцберга. По его мнению, процессы обретения удовлетворенности индивида трудом и нарастания неудовлетворенности работой — это два различных процесса, на развитие которых влияют совершенно разные факторы (рис. 1). Соответственно, Герцберг выделил две категории: гигиенические факторы и факторы мотивации.

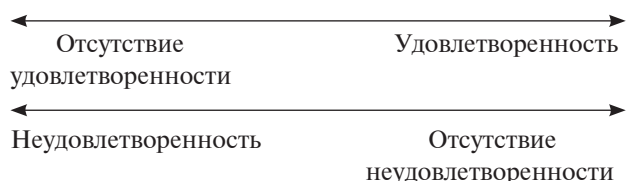

Рис. 1. Процессы мотивации по Ф. Герцбергу

Процесс «неудовлетворенность — отсутствие неудовлетворенности» в основном находится под влиянием факторов, связанных с окружением, в котором осуществляется работа, т.е. находится под воздействием внешних по-

отношению к труду (гигиенических) факторов, к которым относятся [Волкова, элект. ресурс]:

- политика компании и администрирование;
- степень непосредственного контроля за работой;
- отношения с непосредственным начальником;
- условия труда;
- величина заработной платы;
- отношения с коллегами;
- наличие времени на «личную жизнь»;
- статус;
- безопасность.

Процесс «удовлетворенность – отсутствие удовлетворенности» определяется влиянием факторов, связанных с содержанием труда, т.е. с внутренними по отношению к работе факторами. К таким мотивационным факторам Ф. Герцберг отнес [Там же] также:

- достижение (достигать личных целей, относящихся к работе);
- признание (быть по достоинству оцененным своим руководителем); работу (выполнять важную, интересную и качественную работу);
- ответственность (участвовать в принятии решений);
- продвижение (иметь продвижение по службе);
- рост (получать новые навыки и знания).

На основе разработанной концепции Ф. Герцберг сделал вывод о том, что при наличии у работников чувства неудовлетворенности менеджер должен обращать первостепенное внимание на факторы, вызывающие неудовлетворенность, и делать все возможное для того, чтобы эту неудовлетворенность устранить. После того, как она будет устранена менеджеру следует сконцентрировать внимание на приведении в действие мотивирующих факторов, обеспечивающих удовлетворенность трудом, и уже через них добиваться высоких результатов труда [Там же].

В контексте проведенного исследования все утверждения опросника *WPI* можно подразделить на две группы. Первая группа характеризует выраженность у респондента мотивационных (внутренних) приоритетов труда, влияющих на процесс «удовлетворенность / отсутствие удовлетворенности». Утверждения второй группы показывают значимость для респондента гигиенических (внешних) приоритетов труда и воздействующих на процесс «отсутствие удовлетворенности / неудовлетворенность».

Ниже представлены утверждения опросника *WPI* [Amabile, Kramer, 2007] (за каждым утверждением в скобках указан номер: 1 – моти-

вационный приоритет труда, 2 – гигиенический приоритет труда; ряд утверждений являются обратными, т.е. их высокая оценка снижает общую оценку выраженности трудовых приоритетов, такие утверждения отмечены знаком *):

1. Я не обеспокоен тем, что другие люди думают о моей работе (2*).

2. Я предпочитаю иметь определенный набор четких целей в моей работе (2).

3. Чем сложнее проблема, тем больше мне нравится решать ее (1).

4. Я четко представляю себе поставленные цели, индикаторы хорошего результата работы (2).

5. Я хочу, чтобы моя работа дала мне возможности для повышения своих знаний и навыков (1).

6. Для меня достижение успеха, признания более важно, чем для других людей (2).

7. Мне важно понимать суть того, что я делаю (1).

8. Не важно, какие результаты проекта получены, я доволен, если чувствую, что приобрел новый опыт (1).

9. Мне очень нравятся довольно простые и понятные задачи (1*).

10. Я четко осознаю, какие цели поставлены передо мной (2).

11. Любопытство является движущей силой многого из того, что я делаю (1).

12. Меня меньше волнует то, какую работу я делаю, чем то, что я получаю за это (2).

13. Мне очень нравится решение проблем, которые являются совершенно новыми для меня (1).

14. Я предпочитаю работать, когда знаю, что могу сделать работу хорошо, и работа не выходит за рамки моих способностей (1*).

15. Я беспокоюсь о том, как другие люди будут реагировать на мои идеи (2).

16. Я редко думаю об оценках и наградах, заработной плате и продвижении по службе (2*).

17. Мне комфортнее, когда я могу установить свои цели (1).

18. Я считаю, что нет смысла делать хорошую работу, если никто не знает об этом (2).

19. Я сильно мотивирован деньгами, которые могу заработать (2).

20. Для меня важно иметь возможность делать то, что я больше всего люблю (1).

21. Я предпочитаю работать над проектами с четко определенными процедурами (2).

22. До тех пор, пока я могу делать то, что мне нравится, я не так обеспокоен, какие оцен-

ки или награды могу заработать и какие затраты (например, временные) несу (2*).

23. Мне нравится делать работу, которая так поглощает, что я забываю обо всем остальном (1).

24. Я сильно мотивирован признанием, которое могу получить от других людей (2).

25. Мне необходимо чувствовать, что я что-то заработаю за то, что я делаю (2).

26. Мне нравится решать сложные задачи (1).

27. Важно, чтобы у меня был выход для самовыражения (1).

28. Я хочу знать, насколько хорошо на самом деле могу выполнять свою работу (1).

29. Я хочу, чтобы другие люди, знали, насколько хорошо я на самом деле могу выполнять свою работу (2).

30. Самое главное для меня наслаждаться тем, что я делаю (1).

Описание выборки исследования. В качестве объекта исследования был выбран ФНПЦ «Алтай» — крупнейшее инновационное предприятие г. Бийска. В проведенном опросе приняло участие 33 научно-технических работника предприятия (случайная бесповторная выборка), сфера деятельности является инновационной.

Выборка сбалансирована по половому составу: опрошено 16 мужчин и 17 женщин. Подавляющее большинство респондентов имеют высшее образование, а четыре человека — еще и ученую степень. Большинство опрошенных (24 человека) определили свой статус на текущем месте работы как специалиста, в исследовании приняли участие также менеджеры среднего уровня.

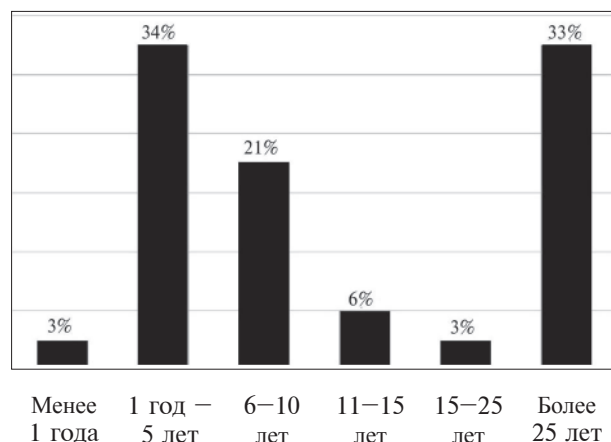

Рис. 2. Структура респондентов по общему стажу работы

Интересно распределение респондентов по стажу работы: общему и специфическому (в

данной организации), представленное на рис. 2, 3. Треть принявших участие в опросе сотрудников имеют незначительный общий стаж работы — от 1 года до 5 лет, другая треть — общий стаж свыше 25 лет, тогда как доля респондентов со стажем 11–25 лет совсем невелика (3 сотрудника). Распределение респондентов по специфическому стажу работы также отличается от нормального: значительная часть респондентов трудоустроена на предприятии не более 5 лет назад (15 сотрудников), другая часть — имеет значительный опыт работы более 15 лет (12 сотрудников).

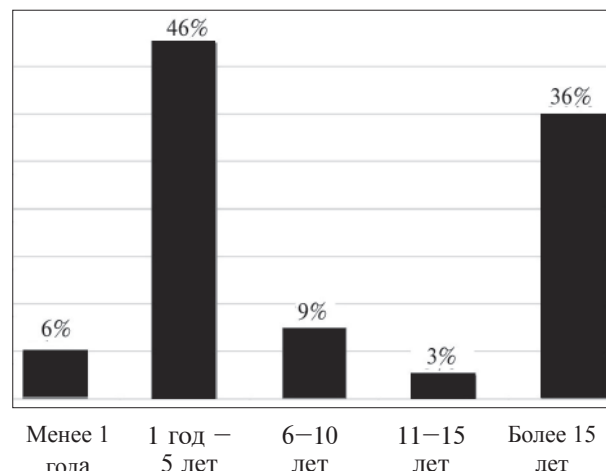

Рис. 3. Структура респондентов по специфическому стажу работы

Такое распределение соответствует общей структуре персонала ФНПЦ «Алтай» по возрасту. Предприятие сохранило большую часть сотрудников еще с «советского» периода своей деятельности, в последующие десять–пятнадцать лет персонал почти не обновлялся, и существенной проблемой предприятия было старение кадров. Однако благодаря грамотной кадровой политике, направленной на закрепление работников на предприятии, коллектив удалось «омолодить».

Нельзя не отметить и то, что для респондентов характерна низкая трудовая мобильность. Так, в одном из вопросов анкеты им предлагалось указать, какой по счету организацией трудоустройства является для них ФНПЦ «Алтай». На рис. 4 представлено распределение респондентов по ответу на данный вопрос, а в табл. 1 сопоставлены трудовая мобильность и общий стаж работы респондентов (поскольку было бы логично предположить, что с ростом стажа работы увеличивается и число организаций, в которых успел поработать респондент).

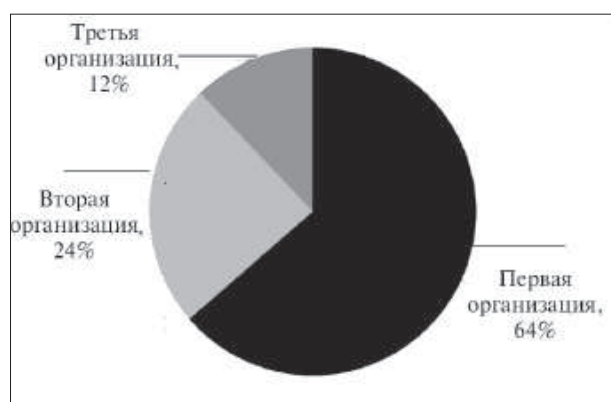

Рис. 4. Структура респондентов по показателю трудовой мобильности

Таблица 1

Анализ показателей трудовой мобильности респондентов с различным общим стажем работы, %

Общий стаж работы	Показатель трудовой мобильности		
	Первая организация в карьере	Вторая организация в карьере	Третья организация в карьере
Менее 1 года	—	12,12	—
1 год — 5 лет	21,21	—	3,03
6—10 лет	6,06	6,06	9,09
11—15 лет	6,06	—	—
15—25 лет	3,03	—	—
Более 25 лет	33,33	—	—

Из табл. 1 видно, что низкой трудовой мобильностью обладают две группы респондентов: молодые сотрудники с общим стажем работы от 1 года до 5 лет (что вполне логично) и опытные сотрудники, имеющие стаж работы более 25 лет. Низкая трудовая мобильность опытных работников еще раз подтверждает их высокую лояльность к организации. Ранее проведенные исследования также показывают, что «постсоветские» промышленные предприятия, как правило, сохраняют стабильный коллектив, несмотря на то, что они зачастую относятся к категории крупных предприятий, а с позиции теории систем крупной системе сложнее сохранять стабильность [Волкова, 2010, с. 62]. Вполне вероятно, что это является следствием грамотного управления персоналом на таких предприятиях, умелого использования мотивации труда.

Значимость для сотрудников мотивационных и гигиенических приоритетов труда. В соответствии с методикой *WPI* были рассчитаны средние оценки степени выраженности у респондентов мотивационных и гигиенических при-

оритетов труда. В итоге было обнаружено, что гигиенические приоритеты важны для респондентов на 3,51 балла, а мотивационные — на 3,38 балла из 5,00 возможных (рис. 5). Необходимо отметить, что важность для респондентов гигиенических и мотивационных приоритетов труда сопоставима (статистически значимых различий не обнаружено).

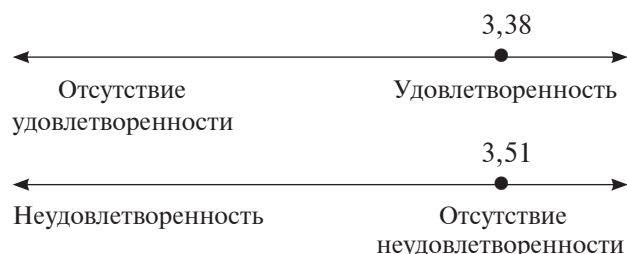

Рис. 5. Оценка значимости для респондентов мотивационных и гигиенических приоритетов труда

Поскольку, как было сказано ранее, персонал ФНПЦ «Алтай» характеризуется достаточно низкой трудовой мобильностью и высокой лояльностью к организации, было проведено сравнение выраженности мотивационных и гигиенических приоритетов труда сотрудниками, для которых это предприятие является первым в их карьере, и их более мобильных коллег (табл. 2). Такое сравнение представляется целесообразным в связи с тем, что сотрудники, успевшие поработать в других организациях, могут скорректировать свои трудовые приоритеты в связи с полученным опытом работы в других организациях, и, соответственно, их мнение может не совпадать с мнением «стабильных» сотрудников. Однако статистически значимых различий обнаружено не было, что свидетельствует о том, что опыт работы в других организациях не накладывает отпечатка на степень выраженности гигиенических и мотивационных приоритетов труда.

Таблица 2

Значимость мотивационных и гигиенических приоритетов труда «стабильных» и «мобильных» сотрудников, балл

Тип сотрудников	Приоритеты труда	
	гигиенические	мотивационные
«Стабильные» сотрудники, для которых ФНПЦ «Алтай» является первой организацией трудоустройства	3,56	3,36
«Мобильные» сотрудники, для которых ФНПЦ «Алтай» является второй или третьей организацией трудоустройства	3,42	3,41

Оценка взаимосвязи значимости для сотрудников гигиенических и мотивационных приоритетов труда и результативности их инновационной деятельности. Австрийско-американский психолог Фриц Хайдер, опираясь на принципы гештальт-психологии, предложил уравнение эффективности или действенности (*performance*— *P*) работника организации [Лобанова, с. 5]: $P = f(S; M)$, где *S* — способности или умения работника (*skills*); *M* — мотивация работника (*motivation*). Конечно, на эффективность труда работника влияет не только мотивация, но и условия, в которые поставлен работник, процесс постановки целей и коммуникации в организации, особенности процесса руководства и другие, но и мотивация занимает далеко не последнее место.

В табл. 3 проанализирована связь между показателями результативности инновационной деятельности и важностью для респондентов гигиенических и мотивационных приоритетов труда (на основе коэффициентов корреляции; в таблице приведены только коэффициенты корреляции превышающие 0,20).

Таблица 3

Взаимосвязь между показателями результативности инновационной деятельности и оценкой респондентами гигиенических и мотивационных факторов (коэффициенты корреляции)

Показатели результативности инновационной деятельности	Приоритеты труда	
	гигиенические	мотивационные
Сколько новых идей Вы предложили за последний год?	0,39	—
Какая часть новых идей была превращена в фактические усовершенствования?	0,39	0,20
Какая часть новых идей принята в качестве проекта для осуществления в будущем?	—	—
Какая часть из предложенных Вами новых идей принята в качестве проекта для осуществления в будущем?	0,23	—
Какая часть Вашего дохода за последний год получена благодаря Вашим новым предложениям?	—	—

Интересно, что показатели результативности в большей степени связаны с гигиеническими приоритетами, а не с мотивационными. Так, с увеличением степени значимости для респондента гигиенических приоритетов труда растёт и результативность инновационной дея-

тельности. Это вполне соотносится с результатами исследований других специалистов. Например, по результатам исследования, проведенного зарубежными учеными в 1980 г., было выявлено, что применение различных методов мотивации привело к росту повышения эффективности труда на 0,5–30 % (табл. 4); при этом именно под влиянием увеличения заработной платы (гигиенический приоритет) на 30 % возрастает производительность труда, а под воздействием вовлечения работников в процесс управления (мотивационный приоритет) — только на 0,5 %.

В то же время в результате другого исследования, проведенного в 2007 г., было обнаружено, что большее влияние на результативность труда работников оказывают именно мотивационные приоритеты [Сообщество...]:

— принцип прогресса: интерес к работе не угасает, если есть ощущение постоянного прогресса. Чем чаще это ощущение, тем вероятнее, что работник добьется результата;

— близкие цели: даже малое приближение к цели вызывает воодушевление, профессиональный азарт и задает заряд бодрости на весь рабочий день;

— осмысленная работа: нужно видеть в своей работе смысл. Нельзя, чтобы работники разочаровывались в своей работе;

— «ничто так сильно не воздействует на мотивацию, настроение и оценку происходящего на работе, как ощущение того, что ты занимаешься осмысленным делом и шаг за шагом продвигаешься вперед».

Таблица 4

Влияние четырех методов мотивации на повышение эффективности труда работников [Locke et. al, 1980]

Метод мотивации	Количество предприятий, принявших участие в эксперименте	Среднее повышение эффективности, %
Денежная мотивация	10	30,0
Регулирование поведения с помощью постановки целей	17	16,0
Обогащение труда	10	8,8
Вовлечение работников в управление	16	0,5

В данном же случае выраженность у сотрудника мотивационных трудовых приоритетов положительно связана только с превращением идей в фактические усовершенствования, причем в данном случае затруднительно точно сказать, какой из этих факторов является опреде-

ляющим. С одной стороны, большая значимость мотивационных приоритетов, действительно, может привести к повышению результативности труда работников. Но, с другой стороны, именно высокая реализованность предложенных идей может увеличить удовлетворенность сотрудника внутренними по отношению к работе параметрами и повысить их значимость.

Итак, по результатам исследования можно сделать два основных вывода:

– во-первых, теория Ф. Герцберга действительно «работает»: мотивационные и гигиенические приоритеты труда по-разному влияют на результативность инновационной деятельности. И, учитывая большее влияние на результативность гигиенических факторов, представляется целесообразным уделять им большее внимание;

– во-вторых, оказалась верной гипотеза относительно влияния уровня выраженности у сотрудника трудовых приоритетов (мотивационных и, особенно, гигиенических) на его лояльность к организации, проявляющуюся в высокой результативности его инновационной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Волкова Н.В. Лояльность персонала: основные признаки, перспективы применения для оценки метода 360 градусов // Материалы (сборник статей участников) Всероссийской научно-практической конференции «Социально-гуманитарные и экономические науки. XXI век». – Магадан: ИП Кацубина Т.В., 2012. – С. 9–11.

Волкова Н.В. Теория удовлетворенности / неудовлетворенности работой Ф. Герцберга // Корпоративный менеджмент. Энциклопедия [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cfin.ru/encycl/satisfaction.shtml>

Волкова, Н.В. Формальные факторы трудовой мобильности. – Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2010. – 123 с.

Лобанова Т. Разработка и внедрение KPI: практические решения для HR-а // Материалы Web-семинара, г. Москва, 14 февраля 2012 г.

Сообщество HR-менеджеров [электронный ресурс] – Режим доступа: www.hr-portal.ru

Locke E.A. et. al. The Relative Effectiveness of Four Methods of Motivating Employee Performance. Changes in Working Life. – New York: John Wiley and Sons, 1980.

Amabile T., Kramer S. Inner Work Life: Understanding the Subtext of Business Performance // Harvard Business Review. 2007. – May. – P. 72–83.

N.V. Volkova

Formation of personnel organization loyalty: the role of employees labor priorities

In this work is analyzed the influence of significance of motivational and hygiene labor priorities for personnel on the effectiveness of their innovation.

Keywords: motivational and hygiene labor priorities, innovation.

УДК 331.108

Т.В. Позднякова

Кадровая политика организации: анализ основных теоретико-методологических подходов

В статье представлены результаты реализации теоретико-методологического блока исследования, посвященного формированию и реализации кадровой политики организации, проанализированы основные подходы к понятию «кадровая политика» и типологизации предмета исследования.

Ключевые слова: кадровая политика организации, терминологический анализ, анализ сущностных подходов, типологизация видов кадровой политики.

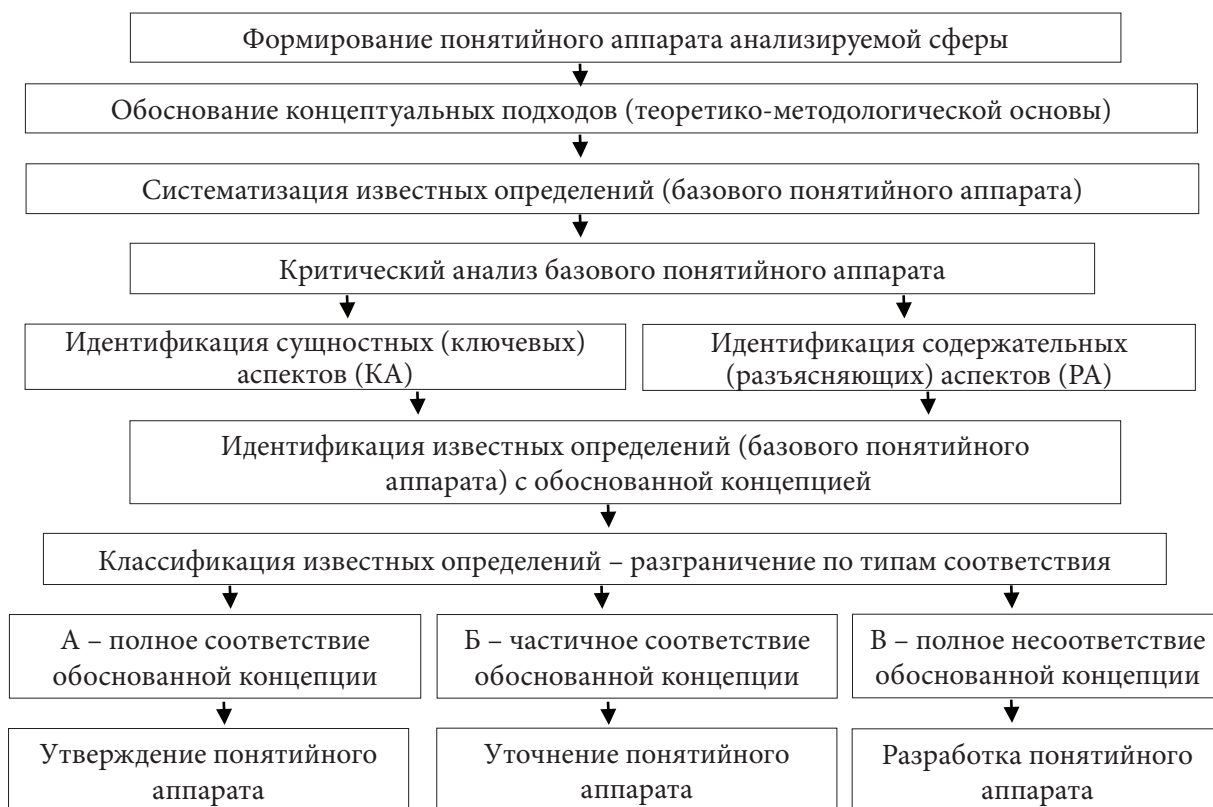
Современный этап экономического развития, связанный с преодолением кризисных процессов, актуализировал проблематику ка-

дровой политики организаций. В то же время, несмотря на разностороннее освещение в профильной литературе, понятие «кадровая поли-

тика» продолжает оставаться дискуссионным, трактуется авторами достаточно разнообразно.

Для реализации анализа базового определения «кадровая политика» в рамках представленного исследования была разработана струк-

турированная процедура, важнейшими этапами которой являются выявление дискуссионных точек зрения на сущностные и содержательные аспекты исследуемого объекта и их сравнительный критический анализ (рисунок).

Алгоритм терминологического анализа

Подчеркнем, что концептуальные основы авторской позиции правомерно свести к следующим моментам:

1. Кадровая политика – это целенаправленная деятельность по формированию трудового коллектива, который наилучшим образом способствовал бы совмещению целей и приоритетов предприятия и его работников (КА).

2. Объектом кадровой политики предприятия является персонал (кадры). Кадры – это главный и решающий фактор производства, первая производительная сила общества. Они создают и приводят в движение средства производства, постоянно их совершенствуют. От квалификации работников, их профессиональной подготовки, деловых качеств в значительной мере зависит эффективность производства (РА).

3. Задачи кадровой политики в современных условиях сводятся к следующему (РА):

а) кадровая политика должна быть тесно увязана со стратегией развития (или выживания) предприятия;

б) кадровая политика должна быть достаточно гибкой. Это значит, что она должна быть, с одной стороны, стабильной, поскольку именно со стабильностью связаны определенные ожидания работника, с другой – динамичной, т. е. корректироваться в соответствии с изменением тактики предприятия, производственной и экономической ситуации;

в) поскольку формирование квалифицированной рабочей силы связано с определенными издержками для предприятия, кадровая политика должна быть экономически обоснованной, т. е. исходить из его реальных финансовых возможностей.

г) кадровая политика должна обеспечить индивидуальный подход к своим работникам.

В исследовании Л.Г. Миляевой и Д.Ю. Федоркевича [2011], посвященном проблемам кадровой политики организации, выделяются 4 подхода, в частности:

1. Стратегический подход, который позиционирует кадровую политику как целостную стратегию работы с персоналом, как результирующее (генеральное) направление в кадровой работе, как составную часть стратегически ориентированной политики организации. Так, например, Миляева Л.Г. и др. [2002] считают, что кадровая политика предприятия — результирующее стратегическое направление в кадровой работе, полученное взаимодействием на компромиссной основе приоритетов государственной политики занятости, общей стратегии развития предприятия и факторов, свойственных внешней и внутренней среде предприятия; направление в кадровой работе, ориентированное на получение не только экономического, но и социального эффекта при условии соблюдения действующего законодательства, нормативных актов и правительственных решений.

2. Деятельностный подход трактует кадровую политику как сознательную, целенаправленную деятельность. В рамках деятельностного подхода Е.В. Маслов [1998] позиционирует кадровую политику так: «Кадровая политика — это сознательная, целенаправленная деятельность по созданию трудового коллектива, который наилучшим образом способствовал бы совмещению целей и приоритетов предприятия и его работников». Описывая взаимосвязь кадровой политики предприятия со стратегией его развития, ученый подчеркивает: «Определяющим в выборе кадровой политики является стратегия (концепция) развития предприятия (фирмы) как производственно-хозяйственной системы. Более того, удачно выбранная и реализованная кадровая политика способствует претворению в жизнь и самой стратегии. Составными частями такой стратегии являются: производственная деятельность предприятия — реорганизация производства в увязке со спросом на его продукцию; финансово-экономическая — возможное привлечение денежных ресурсов в производство, а следовательно, и в развитие рабочей силы; социальная, связанная с удовлетворением потребностей персонала предприятия. Каждая из них имеет самое непосредственное влияние на кадровую политику, так как определяет, какие кадры нужны предприятию, финансовые возможности для их набора и интересы работников, которые должны учитываться». Половинко В.С. [2002], рассматривая кадровую политику как деятельность, представленную процессами до-

стижения целей, утверждает: «Политика управления персоналом (кадровая политика) — целенаправленная деятельность по развитию и совершенствованию управления персоналом, постоянному регулированию положения и взаимодействия элементов системы управления персоналом».

3. Институциональный подход ассоциирует кадровую политику с системой правил и норм. Специалисты НГУЭУ [Многофункциональность работника..., 2008] позиционируют кадровую политику в рамках деятельностного, институционального и стратегического подхода, что обосновывает правомерность нескольких определений: «Кадровая политика — это сознательная, целенаправленная деятельность по созданию трудового коллектива, который наилучшим образом соответствовал бы требованиям по достижению соответствия между целями и приоритетами, с одной стороны, предприятия, а с другой — его работников»; «Кадровая политика — это система правил, норм, ограничений, приводящих человеческий ресурс в соответствие стратегии предприятия»; «Кадровая политика — это целостная стратегия работы с персоналом, объединяющая различные элементы кадровой работы, направленная на создание высокопроизводительного, сплоченного и ответственного коллектива, способного гибко реагировать на изменения во внешней и внутренней среде организации».

4. Кумулятивный подход подразумевает под кадровой политикой совокупность принципов, методов, форм, приоритетов и подходов, теоретических положений, официальных требований и практических мер.

По утверждению Ю.Г. Одегова [Экономика труда..., 2002], «кадровая политика представляет собой совокупность наиболее важных теоретических положений и принципов, официальных требований и практических мер, определяющих основные направления и содержание работы с персоналом, ее формы и методы. Она формирует генеральное направление и основные работы с кадрами, общие и специфические требования к ним соответствующими субъектами управления (государством, территориальными системами, организациями и т.д.)». Помимо прочего, ученый подчеркивает, что термин «кадровая политика» трактуют в широком и узком смыслах слова: система правил и норм, приводящая человеческий ресурс в соответствие со стратегией фирмы; набор конкретных правил, по-

желаний и ограничений во взаимоотношениях людей и организации.

Шапиро С.А. и Шатаева О.В. [Основы управления..., 2008] дают следующую трактовку: «Кадровая политика — это совокупность принципов, методов, средств и форм воздействия на интересы, поведение и деятельность работников в достижении целей, стоящих перед организациями, на которых они работают». Кроме того, авторы подчеркивают, что кадровая политика осуществляется через методы кадровой работы, но в то же время не следует забывать, что кадровая политика рассчитана на долгосрочную перспективу, а кадровая работа — на оперативное решение текущих задач, что и олицетворяет взаимосвязь между стратегией и тактикой организационного развития.

Представленная классификация, на наш взгляд, хотя и характеризует ведущие направления в методологии кадровой политики, может быть несколько расширена. Общеизвестно, что в нашей стране термин «кадровая политика» был введен в научный оборот еще задолго до начала радикальных рыночных преобразований и имел соответствующий «нормам и правилам тоталитарной системы» ярко выраженный политический (идеологический) окрас: «Кадровая политика — это генеральное направление в кадровой работе, определяемое совокупностью наиболее важных, принципиальных положений, выраженных в решениях партии и правительства на длительную перспективу или отдельный период». Исходя из данного определения, кадровая политика предприятий, по существу, позиционировалась как микроуровневая составляющая «декларированной» государственной политики занятости. Между тем, государственная политика занятости, официально провозглашенная и законодательно утвержденная, важный, но не единственный «дирижер» кадровой политики предприятий. Не секрет, что даже в условиях административно-командной системы кадровая политика предприятий не была единой (в том смысле, что она либо была и имела «индивидуальный окрас», либо отсутствовала как «политика», ограничиваясь стандартным комплексом мероприятий по работе с кадрами).

В трактовке кадровой политики доперестроечной России преобладали идеологические аспекты, в дальнейшем же кадровую политику стали рассматривать как инструмент повышения конкурентоспособности предприятия.

Данное обстоятельство обосновало дополнение представленной классификации следующим подходом.

5. Исторический — акцентирующий различия в установках и подходах к вопросам кадрового менеджмента в условиях АКС, переходной и рыночной экономики (получивший развитие в России в 90-х годах XX века). Позиционирует кадровую политику в рамках исторического подхода М.Н. Кулапов [Управление кадрами..., 2004]: кадровая политика предприятия в пост-тоталитарный (постсоветский) период не является органической частью экономических реформ (поскольку, во-первых, кадровая политика существует абсолютно на любых предприятиях, а, во-вторых, отсутствие политики — это тоже политика).

В данном контексте уместно также привести точку зрения А.И. Турчинова [2002], пытающегося, по собственному утверждению, «подвести научно-теоретическую основу под объективность логики развития кадровой политики»: «Вопрос о том, есть ли кадровая политика в государстве или ее нет — это не предмет для дискуссии. Она была, есть и будет. Вопрос в другом — какая это кадровая политика? Что лежит в основе ее разработки и проведения?». Ученый, подчеркивая, что в основе кадровой политики России преобладали либо корпоративные, либо идеологические подходы, в соответствии с которыми она рассматривалась большинством руководителей «как инструмент удержания власти», указывая на «остроту и актуальность проблемы разработки концепции кадровой политики», утверждает, что «в демократически ориентированном в своем развитии обществе кадровая политика может строиться только на приоритете идей деятельного подхода», выступая «прежде всего как важнейший управленческий ресурс государства, организации, как инструмент динамичного общественного развития».

Кроме того, по результатам критического анализа профильной литературы представляется правомерным выделить еще двух альтернативных подходов: частного и автономного.

6. Частный подход рассматривает кадровую политику как составляющую общей политики организации. Согласно позиции Базарова Т.Ю. и Еремина Б.Л. [Управление персоналом..., 2006], «кадровая политика — составная часть стратегически ориентированной политики организации. При этом целью кадровой политики является обеспечение оптимального баланса процессов обновления и сохранения чис-

ленного и качественного состава персонала и его развития в соответствии с потребностями самой организации, требованиями действующего законодательства, а также действием рынка труда». Кроме того, авторы обращают внимание на то, что термин «кадровая политика» имеет широкое и узкое толкование. При этом в широком смысле под кадровой политикой понимается система правил и норм (которые должны быть осознаны и определенным образом сформулированы), приводящих персонал в соответствие со стратегией организации. Исходя из этого, все направления кадровой политики (в том числе, например, отбор персонала, составление штатного расписания, аттестация, обучение, продвижение) заранее планируются и согласовываются с общим пониманием целей и задач организации. В узком смысле — это набор конкретных правил, пожеланий и ограничений (зачастую неосознанных) во взаимоотношениях людей и организации. Строителева Т.Г. [2008] формирует свое определение, расширив перечень «компромиссных» параметров: «Кадровая политика предприятия — результирующее стратегическое направление в кадровой работе, полученное взаимодействием на компромиссной основе приоритетов государственной политики занятости, общей стратегии развития предприятия, интегрированной активизации трудовой деятельности и факторов, свойственных внешней и внутренней среде предприятия; направление в кадровой работе, ориентирован-

ное на получение не только экономического, но и социального эффекта при условии соблюдения действующего законодательства, нормативных актов и правительственных решений».

7. Автономный подход рассматривает кадровую политику как независимую, самостоятельную деятельность организации. Позиционирует кадровую политику в рамках автономного подхода А.А. Крымов: «По существу, кадровая политика — это ответы на следующие вопросы: 1) политика найма и поведения на рынке труда (откуда и как предприятие черпает трудовые ресурсы?); 2) политика использования персонала (что организация требует от персонала и как с ним обращаться?); 3) компенсационная политика (чем обеспечивается продуктивность работы и чем компенсируются трудозатраты работника, какие гарантии и обязательства берет на себя работодатель?); 4) политика высвобождения (на каком основании и какими способами предприятие расстается с работниками?); 5) позиционирование менеджмента (кто и как должен заниматься управлением персоналом — служба персонала или весь менеджерский состав сверху донизу?)».

Анализ выявленных аспектов для трактовки понятия «кадровая политика» представлен в таблице. Жирным шрифтом выделены наиболее распространенные в профильной литературе подходы, курсивом — наименее распространенные.

Критический анализ базового понятия «кадровая политика»

Аспект	Ключевой вопрос	Тип А	Тип Б	Тип В
КА	Что такое?	Система правил и норм, приводящая человеческий ресурс в соответствие со стратегией фирмы	Набор конкретных правил, пожеланий и ограничений во взаимоотношениях людей в организации	- <i>Оценка и аттестация персонала;</i> - <i>развитие персонала;</i> - <i>мотивация и стимулирование персонала, оплата труда;</i> - <i>другое</i>
РА 1	Что является объектом воздействия (управления)?	Персонал (кадры)	Человеческие ресурсы	<i>Зависимость от квалификации работников, их профессиональной подготовки в значительной мере эффективности производства</i>
РА 3	В чем проявляется?	В разработке стратегии управления персоналом, которая разрабатывается и реализуется организацией	В определении общей стратегии, планировании потребностей предприятия в персонале с учётом существующего кадрового состава	<i>Реализации программы действий относительно персонала</i>

В результате критического анализа базового понятийного аппарата проведено уточнение ключевого понятия и сформировано следующее определение, отражающее авторскую позицию:

Кадровая политика организации — совокупность правил и норм, целей и представлений, которые определяют направление и содержание работы с персоналом. Через кадровую политику реализуются цели и задачи управления персоналом, поэтому её считают ядром системы управления персоналом.

Реализация кадровой политики представляет собой систему планов, норм и нормативов, административных, экономических, социальных и других мероприятий, нацеленных на решение кадровых вопросов».

Для повышения эффективности и результативности персонал-менеджмента большое значение имеет идентификация вида кадровой политики организации. Между тем в российской научной литературе фактически отсутствуют исследования по данному направлению. Подтверждением отмеченного служат результаты анализа, проведенного Л.Г. Миляевой и Д.Ю. Федоркевичем [2002].

Наиболее развернутая классификация видов (типов) кадровой политики представлена в учебной литературе.

Так, в учебном пособии «Экономика и социология труда» (2008) проводится типологический анализ кадровой политики, предполагающий ее классификацию по четырем признакам:

1. В зависимости от того, какой рынок труда — внешний или внутренний — становится для фирмы приоритетным в обеспечении своей потребности в рабочей силе, кадровую политику разграничивают на открытую и закрытую. При открытой кадровой политике рабочие места самого различного уровня иерархии и привлекательности по условиям труда заполняются фирмой работниками, привлеченными со стороны, т.е. с внешнего рынка труда. При закрытой кадровой политике вакантные рабочие места заполняются собственными работниками путем перемещения их на рабочие места более высокого уровня иерархии.

2. В зависимости от периода времени, охватываемого планированием и прогнозированием, различают следующие виды кадровой политики: — оперативную (до 1 месяца); — краткосрочную (от 1 месяца до 1 года); — среднесрочную (от 1 года до 5 лет); — долгосрочную (от 5 лет и более).

3. В зависимости от особенности условий функционирования организаций выделяют специфические виды кадровой политики:

- инновационную кадровую политику, осуществляемую на предприятиях, ориентированных на широкое использование инновационных процессов во всех сферах своей деятельности;

- трансформационную кадровую политику

- антикризисную кадровую политику, используемую для вывода предприятия из кризисного состояния и др.

4. По степени продвижения и упреждения возможных негативных процессов в кадровом обеспечении фирмы кадровую политику организации подразделяют на пассивную и активную. Пассивная кадровая политика направлена на ликвидацию возможных проблем, то есть того, что уже свершилось. При активной кадровой политике такой катастрофы для фирмы могло бы и не произойти, поскольку на эти случаи она имеет соответствующие антикризисные кадровые программы, направленные на сохранение сформированного коллектива.

Выделяя в соответствии с последним классификационным признаком два типа кадровой политики, в учебном пособии «Экономика и социология труда» (2008) отмечается: «Между пассивной и активной кадровой политикой есть промежуточные варианты, названные реактивной (по скорости реагирования на последствия) и превентивной (когда предпринимаются попытки упредить развитие процесса в нежелательном направлении) кадровой политикой. Основные используемые здесь инструменты — это систематический мониторинг развития кадровых процессов, анализ полученных данных, разработка мероприятий в рамках как текущего, так и среднесрочного кадрового планирования».

В контексте с последним обстоятельством необходимо подчеркнуть, что в широко известном учебнике А.Я. Кибанова «Основы управления персоналом» [2002], реактивная и превентивная кадровые политики позиционируются как самостоятельные, а не промежуточные виды: «В зависимости от уровня влияния управленческого аппарата на кадровую ситуацию организации выделяются следующие виды кадровой политики: пассивная, реактивная, превентивная и активная».

Пассивная кадровая политика осуществляется тогда, когда руководство организации не имеет четко разработанной программы действий в отношении персонала, а работа с

кадрами сводится к ликвидации негативных последствий путем оценки персонала, диагностики кадровой ситуации в целом. Руководство при этом работает в режиме экстренного реагирования на возникающие конфликтные ситуации, которые стремится погасить любыми средствами, часто без анализа причин и возможных последствий.

Реактивная кадровая политика проводится в случае, когда руководство организации контролирует симптомы негативного состояния в работе с персоналом, причины возникновения конфликтных ситуаций, отсутствия мотивации к высокопроизводительному труду и владеет ситуацией развития кризиса. Руководство предпринимает меры по его ликвидации, ориентировано на анализ причин, которые привели к возникновению кадровых проблем. Кадровые службы таких организаций, как правило, располагают средствами диагностики существующей ситуации и адекватной экстренной помощи.

Превентивная кадровая политика проводится тогда, когда руководство имеет обоснованные прогнозы развития ситуации. Кадровая служба таких организаций располагает не только средствами диагностики персонала, но и прогнозирования кадровой ситуации на среднесрочный период. В программах развития организации содержатся краткосрочные и среднесрочные прогнозы потребности в кадрах, как качественные, так и количественные, и сформулированы задачи по развитию персонала.

Активная кадровая политика проводится в случае, когда руководство имеет не только прогноз, но и средства воздействия на ситуацию, а кадровая служба способна разработать целевые антикризисные кадровые программы, постоянно наблюдать за ситуацией и корректировать исполнение программ с учетом действия внешних и внутренних факторов. Активная кадровая политика может быть рациональной и авантюристической.

При рациональной кадровой политике руководство организации имеет как качественный диагноз, так и обоснованный прогноз развития ситуации и располагает не только средствами диагностики персонала, но и прогнозирования кадровой ситуации на среднесрочный и долгосрочный периоды. В программах развития организации содержится краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный прогнозы потребности в кадрах (качественный и количественный). Кроме того, составной частью пла-

на является программа кадровой работы с вариантами ее реализации.

Л.П. Авдоница и Р.В. Крылов [Виды профессионально-ориентированной..., 2007] позиционируют рациональную кадровую политику как самостоятельную «субстанцию», а не как разновидность активной кадровой политики. При этом под активной исследователи понимают «кадровую политику, которая дает возможность разрабатывать антикризисные кадровые программы, проводить постоянный мониторинг ситуации, корректировать исполнение программ в соответствии с внешней и внутренней средой». Характерной особенностью рациональной кадровой политики они считают «качественный прогноз развития кадровой ситуации и наличие средств, позволяющих управлять ею».

Необходимо подчеркнуть, что в научной литературе встречаются и другие классификационные признаки кадровой политики организации (по степени соответствия общей стратегии развития организации; по адекватности этапам жизненного цикла организации и др.).

Между тем, результаты исследования, нацеленного на систематизацию классификационных признаков кадровой политики организации, Милеева, Федорович, [2011] предлагают свести к следующим моментам:

1. Наиболее значимым и, соответственно, получившим широкое распространение в профильной (учебно-методической и научной) литературе признаком является «уровень влияния управленческого аппарата на кадровую ситуацию организации», который для лаконичности и удобства условимся называть доминантным признаком.

2. Единства мнений ученых по видам кадровой политики, диагностируемым в соответствии с доминантным признаком, не достигнуто. Разброс вариантов значительный: от двух (пассивная и активная) до шести (пассивная, реактивная, превентивная, активная, авантюристическая, рациональная).

3. Основными параметрическими признаками соотнесения анализируемой кадровой политики организации с определенным видом выступают: периодичность проведения и качество диагностики кадровых процессов; наличие (или, напротив, отсутствие) средств, позволяющих управлять кадровой ситуацией; срочность (краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные) и качество разработки антикризисных программ персонал-менеджмента.

4. Нечеткость трансформаций состава и значений параметрических характеристик (критериев) затрудняет идентификацию видов кадровой политики по доминантному признаку классификации. К примеру, активная и рациональная кадровые политики зачастую имеют схожие описательные характеристики; не редки случаи, когда кадровой политике, позиционируемой как какой-то определенный вид, присваиваются частичные параметрические характеристики другого типа.

Отметим, что представленная классификация не отражает градации кадровой политики по соответствию планируемых и реальных показателей, т.е. достижению целей, следовательно, целесообразно выделить следующие виды:

1. Эффективная кадровая политика — обеспечение должного уровня кадрового потенциала. Руководство ставит (и выполняет) перед собой цели и задачи, направленные на повышение эффективности и результативности деятельности персонала. Эффективная кадровая политика, имеет четко разработанные программы действий в отношении персонала, чтобы не допустить кризисных ситуаций организации.

2. Частично эффективная кадровая политика, при реализации которой руководство организации контролирует симптомы негативного состояния в работе с персоналом, владеет ситуацией развития кризиса. Кадровые службы располагают средствами диагностики кризисных ситуаций и адекватной экстренной помощи. Частично эффективная кадровая политика бывает двух видов: *сплошная и выборочная*.

Сплошная частично эффективная кадровая политика подразумевает, что по всем направлениям кадровой работы достигнуто частичное достижение запланированных показателей.

Выборочная частично эффективная кадровая политика наблюдается в ситуации, когда отдельные направления реализуются эффективно, а другие неэффективны или вообще отсутствуют.

3. Неэффективная кадровая политика, при которой не достигнуты запланированные показатели, нет антикризисных кадровых программ, резерва кадров.

Представленная классификация положена в основу методического блока реализации представленного исследования, который разрабатывается в настоящий момент.

ЛИТЕРАТУРА

Виды профессионально-ориентированной коммуникации // Современные вопросы теории и практики обучения в вузе: Сборник научных трудов. Вып. 6 / Редкол.: Г.В. Галевский (гл. ред.) и др. / ГОУВПО «Сибирский государственный индустриальный университет». — Новокузнецк, 2007. — С. 290–295.

Кибанов А.Я. Основы управления персоналом: Учеб. по спец. «Менеджмент организации», «Упр. персоналом» / Гос. ун-т упр. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 303 с.

Комплексный анализ современных проблем занятости и безработицы / Миляева Л.Г., Маркелов О.И., Подольная Н.П.. — Бийск : Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2002. — 191 с.

Крымов А.А. Кадровая политика вашего предприятия [Электронный ресурс]/А.А. Крымов // <http://seminaroved.ru/publ/14-1-0-49>.

Маслов Е.В. Управление персоналом в нестабильной экономической среде // Изв. Акад. труда и занятости. — 1998. — № 3/4. — С. 159–163.

Маслов Е.В., Константинова Д.С. Многофункциональность работника и ее востребованность (подходы к исследованию проблемы) // Ключ к успеху бизнеса: взгляд HR-менеджеров: материалы Первого Сиб. кадрового форума / отв. ред. С.И. Сотникова. — Новосибирск: НГУЭУ, 2008. — С. 23–32.

Основы управления персоналом в современных организациях. Экспресс-курс / С.А. Шапиро, О.В. Шапева. — М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008. — 468 с.

Половинко В.С. Управление персоналом: системный подход и его реализация / Под научн. ред. Ю.Г. Одегова. — М.: Информ-знание, 2002. — 484 с.

Строительева Т.Г. Современные подходы к разработке кадровой политики на промышленных предприятиях Алтайского края в условиях экономического роста // Управление персоналом. — 2008. — №9(187). — С. 1–9.

Миляева Л.Г., Федоркевич Д.Ю. Теоретико-методические и прикладные аспекты кадрового менеджмента организаций. — Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2011. — 180 с.

Турчинов А.И. Реформа государственной службы и проблемы качества работы с кадрами // Профессиональная переподготовка и повышение квалификации государственных служащих: опыт, проблемы и пути совершенствования. — М., 2002.

Управление кадрами: в помощь начинающему руководителю — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2004. — 325 с.

Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ, 2006. — 560 с.

Экономика труда: (социально-трудовые отношения) : учебник / Ред. Н.А. Волгин, Ю.Г. Одегов. — М.: Экзамен, 2002. — 736 с.

T.V. Pozdnyakova

Personnel policy of the organization: analysis major theoretical and methodological approaches

This paper presents the results of a theoretical and methodological research unit dedicated to the formation and implementation of personnel policies of the organization, analyzes the main approaches to the concept of «personnel policies» and the typology of the research subject.

Keywords: personnel policies of the organization, terminological analysis, an analysis of the essential approaches typology of types of personnel policy.

УДК 331.522(470.13)

М.А. Терентьева

Оценка трудового потенциала Республики Коми в сравнении с северными регионами России*

В статье рассмотрены принципы и методические подходы к оценке трудового потенциала региона. Сделана оценка трудового потенциала Республики Коми в сравнении с северными регионами России.

Ключевые слова: трудовой потенциал, северный регион, занятость, уровень образования.

В последней трети XX в. в обществе активно начали говорить о человеческом капитале, человеческом потенциале и его реализации. В начале XXI в. продолжается тенденция неуклонного возрастания роли человеческого фактора во всех сферах жизнедеятельности общества. В современную эпоху возможности человека, его ресурсы существенно расширились, увеличились, качественно преобразились. В то же время со стороны общества возросли требования к человеку, его физическому состоянию, здоровью, образовательному уровню, профессиональной подготовке, общей культуре, духовному развитию, социальной активности.

Важнейшим свойством человека, характеризующим уровень его развития и степень его гармоничного совершенства, является его трудовой потенциал. Трудовой потенциал, несомненно, как составная часть, входит в структуру более обобщенного понятия «человеческий потенциал». Вместе с тем он может и должен разрабатываться и совершенствоваться как самостоятельный показатель.

Следует отметить, что оценка трудового потенциала индивидуума является одним из наименее разработанных вопросов в оценке трудо-

вого потенциала региона. Среди исследований в данной области можно выделить работы коллективов авторов Института социально-экономических проблем народонаселения РАН [Римашевская, 2001], Института социально-экономического развития территорий РАН [Трудовой потенциал, 2004], Санкт-Петербургской социологической школы [Шкаратан, 1985], Самарской государственной экономической академии [Валитова, 2001], Ивановского государственного университета [Рухманова, 2005], Башкирского государственного университета [Якшибаева, 2007] и др. Однако, несмотря на многочисленные исследования, проблемой остается выработка методологии такой оценки.

Среди современных методологических подходов к оценке трудового потенциала можно выделить методику Г.В. Якшибаевой. В качестве базовых индикаторов, характеризующих развитие трудового потенциала, в методике рассматриваются следующие критерии: 1) доля трудоспособного населения в общей численности населения; 2) уровень образования, профессиональной подготовки и переподготовки, квалификации и опыта работы, способствующий

* Работа подготовлена при поддержке программы Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал», проект «Формирование и использование трудового потенциала Республики Коми» (регистрационный номер 12-П-7-1005).

щий повышению дееспособности работника; 3) уровень заработной платы; 4) вооруженность труда работника необходимыми средствами и орудиями труда; 5) уровень занятости, трудовой активности [Там же]. Для всех базовых индикаторов индекса развития трудового потенциала рассчитываются отдельные индексы по единой формуле:

$$I_n = (I_{\text{факт.}(n)} - I_{\text{min}(n)}) / (I_{\text{max}(n)} - I_{\text{min}(n)}) \quad (1),$$

где: $I_{\text{факт.}(n)}$, $I_{\text{min}(n)}$, $I_{\text{max}(n)}$ — соответственно, фактическое, минимальное и максимальное значения компонента n в трудовом потенциале человека.

Как статистический показатель интегральный индекс развития трудового потенциала является синтезом индексов отдельных образующих его компонентов. Он вычисляется как их среднеарифметическая величина. Значения всех компонентов данного индекса так же, как и сам интегральный индекс, изменяются от «0» до «1». Этот диапазон позволяет оценить путь, пройденный регионом в направлении достижения максимально возможного значения рассматриваемого индекса. Данная методика позволяет количественно выразить качественные параметры трудоспособного населения региона. Также она расширяет и уточняет понимание реального значения, роли и места трудового потенциала в структуре факторов производства.

Этот подход представляется нам наиболее корректным, поскольку индексный метод позволяет привести различные характеристики в сопоставимый вид.

Однако с целью совершенствования системы расчетов и возможности применения интегрального индекса развития трудового потенциала в межрегиональных сравнениях следует несколько изменить принцип расчета его частных индексов, а также внести изменения в показатели, применяемые при расчете некоторых из них. Мы предлагаем следующие показатели: продолжительность трудовой жизни, уровень профессионального образования занятого населения (удельный вес лиц с высшим и средним профессиональным образованием в общей численности занятого населения), фондовооруженность труда (отношение среднегодовой стоимости основных фондов к среднегодовой численности занятых в экономике), уровень занятости (удельный вес численности занятого населения в общей численности населения) и ВРП на душу населения (отношение величины ВРП к среднегодовой численности населения).

Рассмотрим механизм расчета частных индексов в структуре интегрального индекса

1. Индекс продолжительности трудовой жизни населения (X).

Рассчитывать индекс продолжительности трудовой жизни предлагаем по аналогии с расчетом индекса ожидаемой продолжительности жизни населения. В методологическом отношении наибольшую трудность представляет определение продолжительности трудовой жизни. Согласно методологии Международной организации труда, принятой в российских выборочных обследованиях по вопросам занятости, возрастные границы экономической активности населения составляют 15–72 года. Тогда минимальное значение величины продолжительности трудовой жизни составляет 10 лет: 25 лет минимальной продолжительности жизни, применяемой при расчете индекса ожидаемой продолжительности жизни населения, за вычетом 15 лет до нижней границы экономической активности. Т.е. это тот период времени, в течение которого может трудиться человек, живущий в условиях режима смертности, соответствующего минимальной продолжительности жизни населения. Максимальное значение продолжительности трудовой жизни — 57 лет (72 года за вычетом 15 лет до экономической активности). Фактическое значение в случае, когда продолжительность жизни населения региона меньше 72 лет (как в настоящее время в России), будет равняться реальной продолжительности жизни населения региона за вычетом 15 лет. Формула индекса X_i продолжительности трудовой жизни населения i -го региона имеет следующий вид:

$$X_i = X_{\text{факт}} - X_{\text{min}} / X_{\text{max}} - X_{\text{min}} \quad (2),$$

где $X_{\text{факт}}$ — фактическое значение продолжительности трудовой жизни населения;

X_{min} — минимальное значение продолжительности трудовой жизни населения;

X_{max} — максимальное значение продолжительности трудовой жизни населения.

2. Индекс уровня профессионального образования занятого населения (Y).

При расчете этого индекса в отличие от индекса уровня образования всего населения можно не рассматривать продолжительность обучения молодежи до трудоспособного возраста, а принять за основу количественные данные о доле занятого населения с высшим и средним профессиональным образованием в структуре занятого населения.

Индекс уровня профессионального образования трудового потенциала Y_i i -го региона имеет следующую формулу:

$$Y_i = Y_{\text{факт}} - Y_{\text{мин}} / Y_{\text{макс}} - Y_{\text{мин}} \quad (3),$$

где $Y_{\text{факт}}$ — фактическое значение доли занятого населения с высшим и средним профессиональным образованием в структуре занятого населения региона;

$Y_{\text{мин}}$ — минимальное среди всех регионов страны значение доли занятого населения с высшим и средним профессиональным образованием в структуре занятого населения;

$Y_{\text{макс}}$ — максимальное среди всех регионов страны значение доли занятого населения с высшим и средним профессиональным образованием в структуре занятого населения.

3. Индекс фондовооруженности труда (Z).

В статистике фондовооруженности труда он определяется как отношение стоимости функционирующих фондов к численности работающего населения. Здесь немало проблем методического характера, связанных с определением и числителя (стоимость фондов), и знаменателя (численность работающих). Автор методики расчета данного индекса, которую мы взяли за основу, использует в качестве максимального и минимального значения межстрановые показатели (максимальное значение — наивысший показатель наиболее промышленно развитой страны, минимальное — нулевой уровень, соответствующий условиям ручного труда).

Мы в своих расчетах, представленных ниже, за минимальное значение фондовооруженности труда берем наименьшее по всем регионам страны значение данного показателя. За максимальное значение принимается наивысший показатель фондовооруженности в самом промышленно развитом регионе.

При таких условиях расчет индекса фондовооруженности труда i -го региона будет иметь вид:

$$Z_i = Z_{\text{факт}} - Z_{\text{мин}} / Z_{\text{макс}} - Z_{\text{мин}} \quad (4),$$

где $Z_{\text{факт}}$ — фактическое значение фондовооруженности труда региона;

$Z_{\text{мин}}$ — минимальное по регионам страны значение фондовооруженности труда;

$Z_{\text{макс}}$ — максимальное значение фондовооруженности труда наиболее промышленно развитого региона страны.

4. Индекс занятости населения (L).

Занятость — важнейший показатель, характеризующий условия и уровень развития трудового потенциала. В качестве максимального

значения занятости населения представляется возможным принять те показатели, которые устойчиво сохраняются в наиболее развитых регионах страны в условиях почти бескризисного развития (когда безработица не выходит за пределы естественного уровня). В расчетах воспользовались минимальными значениями показателя занятости, наблюдавшимися за ряд последних лет в самых кризисных регионах. Индекс занятости населения i -го региона:

$$L_i = L_{\text{факт}} - L_{\text{мин}} / L_{\text{макс}} - L_{\text{мин}} \quad (5),$$

где $L_{\text{факт}}$ — фактическое значение показателя занятости населения (уровень занятости — отношение численности занятого населения к общей численности населения);

$L_{\text{мин}}$ — минимальное по регионам страны значение показателя занятости;

$L_{\text{макс}}$ — максимальное значение показателя занятости, который устойчиво сохраняется в наиболее развитых регионах страны.

5. Индекс ВРП на душу населения (B).

Этот частный индекс характеризует условия и уровень жизни населения, материальную основу воспроизводства рабочей силы, всего трудового потенциала региона. Г.В. Якшибаева предлагает в качестве максимального и минимального значений ВВП на душу трудоспособного населения принять используемые при расчете индекса развития человеческого потенциала фиксированное максимальное значение, равное 40000 долл. (по паритету покупательной способности), и минимальное, равное 100 долл. Однако, если исходить из необходимости межрегиональных сравнений, то можно считать корректным использовать не ВВП, а ВРП на душу населения региона.

$$B_i = B_{\text{факт}} - B_{\text{мин}} / B_{\text{макс}} - B_{\text{мин}} \quad (6),$$

где $B_{\text{факт}}$ — фактическое значение ВРП на душу населения региона;

$B_{\text{мин}}$ — минимальное значение ВРП на душу населения среди всех регионов страны;

$B_{\text{макс}}$ — максимальное по регионам значение ВРП на душу населения среди всех регионов страны.

6. Расчет общего индекса развития трудового потенциала.

Интегральный индекс развития трудового потенциала рассчитывается как средняя арифметическая величина: суммированием пяти выделенных частных индексов (индекса продолжительности трудовой жизни, индекса уровня профессионального образования населения, индекса фондовооруженности труда, индекса

занятости, индекса ВРП на душу трудоспособного населения) и делением полученной суммы на пять.

Таким образом, с учетом внесенных нами методических корректировок, мы проанализировали интегральный индекс развития трудового потенциала и его компонентов в северных регионах в межпереписной период 2002–2010 гг. Перепись населения – один из важнейших источников информации о населении. Она позволяет получить информацию не только о численности населения и его демографических характеристиках (возрастно-половой структуре, числе и составе семей, размещении населения по территории страны и пр.), но и о социально-экономических характеристиках (составе населения по образованию, занятости, источникам средств существования). Только перепись обеспечивает максимальную достоверность информации о населении и, в частности, позволяет наиболее точно оценить уровень занятости и уровень профессионального образования занятого населения. В то же время результаты переписей 2002 и 2010 гг. по вопросам занятости населения трудно сопоставимы. В переписи 2002 г. вопросы по занятости были заданы населению в возрасте 15–64 лет, в переписи 2010 г. – в возрасте 20–72 лет. Ни та, ни другая перепись не сопоставима с выборочными обследованиями по вопросам занятости, которые охватывают население в возрасте 15–72 лет. Кроме того, результаты переписи 2010 г. предоставляют информацию только о количестве занятого населения с высшим и послевузовским профессиональным образованием. В то время как среднее специальное образование, на наш взгляд, тоже является хорошим показателем профессионализма и должно учитываться при оценке трудового потенциала региона. Поэтому расчет соответствующих частных индексов ИРТП и интегрального индекса выполнен в работе на основе результатов выборочных обследований по вопросам занятости населения. Единая методика расчетов позволяет рассмотреть также промежуточный 2006 г., что весьма актуально ввиду довольно значительной продолжительности межпереписного периода.

В нашем исследовании конкретные расчеты выполнены применительно к Республике Коми, которая расположена на северо-востоке европейской части России. Регион относится к территориям Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. Поэтому в своем исследовании мы делаем попытку определить место Республики Коми по уровню развития тру-

дового потенциала среди северных регионов России. Мы проанализировали за последний межпереписной период 2002–2010 гг. индекс развития трудового потенциала северных регионов России (табл. 1).

Таблица 1

Динамика интегрального индекса развития трудового потенциала северных регионов РФ в 2002–2010 гг.*

Северные регионы	Значение индекса
2002 г.	
Российская Федерация	0,428
1. Ямало-Ненецкий АО	0,943
2. Ханты-Мансийский АО – Югра	0,703
3. Чукотский АО	0,589
4. Магаданская область	0,516
5. Республика Саха (Якутия)	0,491
6. Мурманская область	0,471
7. Камчатская область	0,460
8. Республика Коми	0,453
9. Сахалинская область	0,448
10. Республика Карелия	0,450
11. Ненецкий АО	0,433
12. Архангельская область	0,416
13. Республика Тыва	0,319
2006 г.	
Российская Федерация	0,446
1. Ямало-Ненецкий АО	0,809
2. Ханты-Мансийский АО – Югра	0,696
3. Ненецкий АО	0,632
4. Магаданская область	0,531
5. Чукотский АО	0,475
6. Камчатская область	0,464
7. Мурманская область	0,457
8. Сахалинская область	0,454
9. Республика Коми	0,452
10. Республика Карелия	0,449
11. Республика Саха (Якутия)	0,434
12. Архангельская область	0,411
13. Республика Тыва	0,293
2010 г.	
Российская Федерация	0,442
1. Ямало-Ненецкий АО	0,774
2. Ненецкий АО	0,732
3. Ханты-Мансийский АО – Югра	0,637
4. Сахалинская область	0,480
5. Чукотский АО	0,476
6. Камчатская область	0,461
7. Магаданская область	0,449
8. Мурманская область	0,445
9. Республика Коми	0,436
10. Архангельская область	0,434
11. Республика Саха (Якутия)	0,428
12. Республика Карелия	0,414
13. Республика Тыва	0,308

* Рассчитано на основе данных Росстата <http://gks.ru>

В 2010 г. средний уровень интегрального индекса развития трудового потенциала по северным регионам составил 0,498, медианный уровень — 0,449. В первой группе к Ямало-Ненецкому, Ненецкому и Ханты-Мансийскому АО вместо Магаданской области присоединилась Сахалинская область (табл. 2).

Таблица 2

Распределение северных регионов РФ по уровню развития трудового потенциала в 2010 г.*

Регион	Интегральный индекс развития трудового потенциала	Ранг региона
Регионы с относительно высоким уровнем развития трудового потенциала		
Ямало-Ненецкий АО	0,774	1
Ненецкий АО	0,732	2
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,637	3
Сахалинская область	0,480	4
Регионы со средним уровнем развития трудового потенциала		
Чукотский АО	0,476	5
Камчатская область	0,461	6
Магаданская область	0,449	7
Регионы с уровнем развития трудового потенциала ниже среднего		
Мурманская область	0,445	8
Республика Коми	0,436	9
Архангельская область	0,434	10
Республика Саха (Якутия)	0,428	11
Республика Карелия	0,414	12
Регионы с низким уровнем развития трудового потенциала		
Республика Тыва	0,308	13

* Рассчитано на основе данных Росстата <http://gks.ru>

Сахалинская область обеспечила себе место в этой группе за счет роста общей продолжительности жизни, фондовооруженности труда и ВРП на душу населения. В то время как Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО находятся в этой группе, так как все пять индексов, составляющих интегральный индекс развития трудового потенциала, в них гораздо выше медианного значения по северным регионам.

Магаданская область, в которой ИРТП за 2006–2010 гг. снизился на 15,4% (с 0,531 до 0,449), переместилась из группы с относительно высоким уровнем развития трудового потенциала в группу со средним уровнем развития. Кроме нее, в группе регионов со средним уровнем развития трудового потенциала в 2010 г. также Чукотский АО и Камчатская

область, которые и в 2006 г. относились к этой группе. Чукотский АО занимает место в этой группе, так как три индекса: фондовооруженность труда, ВРП на душу населения и уровень занятости населения — в регионе гораздо выше медианного уровня среди северных регионов. По уровню занятости населения Чукотскому АО в 2010 г. принадлежит лидирующее место в стране. Камчатская область попала в группу в основном благодаря двум индексам: уровню профессионального образования занятого населения и занятости. И, наконец, в Магаданской области лишь один индекс в 2010 г. выше медианного значения — индекс занятости населения.

Республика Коми к 2010 г. сохранила свою девятую позицию в ранжированном ряду северных регионов и отношение к группе регионов с уровнем развития трудового потенциала ниже среднего по всем северным территориям России. Кроме нее, к группе регионов с уровнем ИРТП ниже среднего по Северам, в 2010 г. относятся Мурманская область, за 2006–2010 гг. опустившаяся сюда из группы со средним уровнем развития трудового потенциала, а также Архангельская область, Карелия и Якутия, которые и в 2006 г. относились к данной группе.

Республика Тыва в 2010 г. по-прежнему остается регионом с самым низким уровнем развития трудового потенциала. Несмотря на некоторый рост значения интегрального индекса развития трудового потенциала за 2006–2010 гг. (с 0,293 до 0,308), в целом за 2002–2010 г. ИРТП сократился здесь на 3,4% (с 0,319 до 0,308). Этот регион, действительно, является аутсайдером по всем показателям трудового потенциала.

Подытоживая анализ интегрального индекса развития трудового потенциала для Республики Коми, следует отметить такие моменты:

- Республика Коми в 2000-х гг. устойчиво занимает место в группе регионов с уровнем развития трудового потенциала ниже среднего среди северных регионов России.
- При этом в первой половине десятилетия Коми переместилась с восьмой позиции в рейтинге северных регионов по уровню развития трудового потенциала на девятую.
- Во многом снижение рейтинга Республики Коми произошло из-за улучшения ранговой позиции Ненецкого АО. Однако в целом за 2002–2010 гг. для Коми характерна отрицательная динамика индекса развития трудового потенциала (сокращение на 3,8%).

- Частные индексы отличаются в республике разнонаправленной динамикой. Для индексов продолжительности трудовой жизни и занятости населения в 2002–2010 гг. характерно увеличение (соответственно с 0,817 до 0,883 и с 0,646 до 0,727).

- Индекс фондовооруженности труда региона характеризуется неравномерной динамикой изменений: на первом этапе 2002–2006 гг. зафиксирован рост, на втором — снижение, но в целом за указанный период индекс в республике увеличился.

- Устойчивое снижение в Коми на всем протяжении 2002–2010 гг. индексов уровня профессионального образования занятого населения и валового регионального продукта на душу населения (соответственно, с 0,487 до 0,285 и с 0,162 до 0,099).

Хотелось бы отметить, что на всем протяжении 2002–2010 гг. Республика Коми среди других рассматриваемых регионов Севера имеет один из самых высоких значений индекса фондовооруженности труда после Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ненецкого автономных округов. Лидирующее место по данному индексу за восемь рассматриваемых лет занимает Ямало-Ненецкий АО.

В целом по динамике за 2002–2010 гг. интегрального индекса развития трудового потенциала и его составляющих в северных регионах России можно сделать следующие выводы.

- Во-первых, за восемь лет наблюдается снижение индекса развития трудового потенциала в большинстве рассматриваемых регионов (кроме Ненецкого и Чукотского АО, Архангельской, Камчатской и Сахалинской областей). Это доказывает, что, несмотря на рост рассматриваемых экономических показателей, резкая дифференциация северных регионов по сравнению с регионами-лидерами не только сохраняется, но и увеличивается.

- Во-вторых, вызывает опасения рост числа северных регионов, имеющих индекс развития трудового потенциала ниже среднего по России. Так, если в 2002 г. в группу регионов с индексом развития трудового потенциала ниже среднего по России входило два северных региона (Архангельская область и Республика Тыва), в 2006 г. — три северных региона (Архангельская область, Республика Саха (Якутия) и Тыва), то в 2010 г. — уже пять регионов (Архангельская область и Республики Коми и Карелия на Европейском Севере, Республики Саха и Тыва на Азиатском Севере). Иными словами, три из пяти европейских северных ре-

гионов испытывают растущие проблемы с развитием трудового потенциала, такая же ситуация и в Республике Саха (Якутия). Республику Тыва можно вообще отнести к кризисным регионам по развитию трудового потенциала.

- В-третьих, индекс продолжительности трудовой жизни почти во всех северных регионах имеет рост, что связано с увеличением ожидаемой продолжительности жизни населения.

- В-четвертых, много вопросов вызывает снижение индекса уровня профессионального образования занятого населения. Рост этого показателя наблюдается лишь в Архангельской области, в остальных северных регионах — устойчивое снижение.

- В-пятых, следует отметить, что динамика индекса фондовооруженности труда в северных регионах в основном положительна. Однако значение этого индекса в большинстве регионов низкое. Кроме Ханты-Мансийского АО (0,403 в 2002 г. и 0,543 в 2010 г.), Ненецкого АО (0,201 в 2002 г. и 0,788 в 2010 г.) и Ямало-Ненецкого АО, который является абсолютным лидером по значению данного индекса (1,000 за все восемь лет).

- В-шестых, индекс занятости населения имеет тенденцию роста в восьми регионах: Республике Коми, Мурманской, Камчатской, Магаданской и Сахалинской областях, Ханты-Мансийском, Ненецком и Чукотском АО. Уровень занятости населения в этих регионах высокий: среди регионов России по данному показателю они занимают места с 1 по 37. А Чукотский АО является абсолютным лидером по уровню занятости среди всех регионов России за 2006–2010 гг.

- В-седьмых, индекс ВРП на душу населения во всех северных регионах имеет устойчивую тенденцию к снижению. Рост этого индекса наблюдается лишь в Сахалинской области: за восемь лет на 66,1% (с 0,165 до 0,274). Причем снижение индекса ВРП на душу населения в северных регионах наблюдается в условиях роста в них ВРП на душу населения. Как было указано выше, возможно, это связано с тем, что северные регионы — ресурсные регионы, в них происходит истощение природных ресурсов, а возможности диверсификации экономической структуры весьма ограничены.

В-восьмых, представленные выше частные индексы трудового потенциала, определяющие в совокупности уровень и динамику интегрального индекса развития трудового потенциала, одновременно имеют большое самостоятельное значение для анализа и оценки важнейших по-

казателей социально-экономического развития регионов.

Таким образом, анализ динамики индекса развития трудового потенциала и основных его компонентов по Республике Коми, а также по северным территориям страны показывает, что в целом наблюдается неблагоприятная динамика развития ИРТП. Трансформации экономики сохраняются. Но на этом фоне усиливаются негативные тенденции, о чем свидетельствуют уровень и динамика индексов ВРП на душу населения и уровня профессионального образования занятого населения.

ЛИТЕРАТУРА

Валитова А.А. Методические вопросы оценки трудового потенциала региона: автореф. дис. ...канд. экон. наук. — Самара, 2001. — 24 с.

Регионы России [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gks.ru>

Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 3. — С. 34–48.

Рухманова Н.А. Принципы и методы интегральной оценки состояния регионального трудового потенциала // Современный этап социально-экономического развития: проблемы и мнения. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006.

Трудовой потенциал региона: состояние и развитие. — Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. — 106 с.

Шкаратан О.И. Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. — М.: Мысль, 1985.

Якшибаева Г.В. Трудовой потенциал республики: количественно-качественная характеристика // Экономика и управление. — Уфа: БАГСУ, 2007. — С. 57–65.

М.А. Terentieva

Evaluation of the labour potential in the Komi Republic in comparison with the Russian northern regions

This article describes the principles and methodological approaches to the assessment of the labour potential in region. It makes the estimation of the labour potential in the Komi Republic in comparison with Russian northern regions.

Keywords: labor potential, the northern region, employment, education.

УДК (17+009):33

М.М. Стыров

Этические и гуманитарные аспекты современных экономических процессов

Рассматриваются духовно-нравственные причины и последствия явлений хозяйственной жизни современного общества: непрерывного роста материального благосостояния, виртуализации и глобализации, научно-технического прогресса.

Ключевые слова: экономика, рост, потребление, нравственность, виртуализация, глобализация, научно-технический прогресс, кризис.

Самой важной и одновременно самой трудной проблемой для любой науки является осмысление своих наиболее простых, фундаментальных понятий и установок, поскольку от их трактовки зависит построение всех последующих целей и ценностей развития. Также и в экономике: прежде поиска решений тех или иных хозяйственных задач нужно задаться вопросами «Что является конечной целью эконо-

мического развития? В какой мере и при каких условиях экономический рост отвечает смыслу жизни человека? Каково надлежащее место и роль материальных благ в системе ценностей отдельной личности и общества в целом?» В настоящей работе предпринята попытка дать частичные ответы на эти вопросы в контексте особенностей экономического развития современного общества.

Беспрецедентное возрастание роли экономической составляющей во всех сферах человеческого существования стало одним из самых характерных признаков нашего времени. Священник и профессор Сергей Булгаков еще в начале XX в. по этому поводу писал: «В жизни и мироощущении современного человечества к числу наиболее выдающихся черт принадлежит то, что можно назвать *экономизмом* нашей эпохи... Наше время понимает, чувствует, переживает *мир как хозяйство*, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова» [Сергей Булгаков, 1993]. Действительно, экономическое благополучие стало неким безусловным императивом, предметом помышлений и устремлений не только отдельных людей и организаций, но и целых государств. Так, например, признанный специалист по международным отношениям академик РАН Е.М. Примаков [2013] на вопрос о том, что сегодня правит миром, отвечает: «Безусловно, экономика».

Экономические процессы и духовно-нравственное состояние общества взаимосвязаны теснейшим образом, и эта взаимосвязь не является односторонней. Несомненно, характер всех хозяйственных явлений определяется нравственным устроением человека. Но, с другой стороны, и окружающая нас действительность, в том числе (и в очень большой степени!) ее материально-хозяйственная часть, оказывают заметное влияние на наш внутренний мир. От элементарной материальной обеспеченности, от уровня развития образования, здравоохранения и культуры, от направленности государственной политики, а еще больше — от воспитательных установок и общих ценностей и целей развития общества — в огромной степени зависит вектор духовной и социальной жизни каждого человека.

Проблема взаимоотношения экономики и этики является непреходящей. К ней обращались мыслители во все времена, но на рубеже XX–XXI вв. она стала особенно актуальной и привлекла к себе внимание как ученых различных областей, так и общественных деятелей. Особенности звучания рассматриваемые проблемы приобрели в России в связи с радикальными политическими и экономическими преобразованиями и серьезными социальными недугами. Исследуемой теме посвящены работы А.И. Агеева, О.Т. Богомолова, К.Н. Брутенц, С.Ю. Глазьева, С.П. Глинкиной, В.Ю. Катасонова, Б.Н. Кузика, Д.С. Львова, В.Л. Макарова, Р.И. и Б.И. Нигматуллиных, Н.Я. Петра-

кова, Б.Н. Порфирьева, Н.М. Римашевской, И.В. Соболевой, П.А. Шашкина, А.Ю. Шевякова, Ю.В. Яковца, В.И. Якунина и многих других исследователей.

«Экономизм» нашего времени имеет множество специфических черт и проявлений, среди которых следует выделить наиболее важную, основополагающую, являющуюся первичной движущей силой остальных процессов. На наш взгляд, такой главной особенностью современного хозяйства является непомерное и непрерывно усиливающееся стремление человека к приобретению и потреблению материальных благ. В литературе и повседневном обиходе эта тенденция обычно именуется «потребительством», а формируемый под ее влиянием уклад жизни — «обществом потребления». «Наша эпоха любит богатство и верит в него даже больше, чем в человеческую личность», — писал о.Сергий Булгаков [1993]. Действительно, невооруженным взглядом можно заметить, что для нашего времени привычным и универсальным мерилom почти всего стал критерий экономической выгоды, через призму которой оцениваются и люди, воспринимаемые как «трудовые ресурсы», и семейные ценности, в которых видится лишь «площадка для восстановления сил», и дети, оцениваемые как «будущие работники», и знания, представляющие собой «источник прибыли», и здоровье, характеризующееся как «личный капитал» и «инвестиции в себя», и даже культурно-нравственное состояние общества, именуемое «социальным капиталом» и измеряемое с точки зрения его влияния на экономический рост.

Приоритетная ориентация на экономический рост четко прослеживается в целевых установках государственных программ и стратегий. Так, в Концепции социально-экономического развития России до 2020 г. определено, что первым по значимости целевым ориентиром развития страны является обеспечение высоких стандартов благосостояния человека: «Уровень доходов и качество жизни россиян к 2020 г. достигнет показателей, характерных для развитых экономик ... Обобщающий показатель уровня жизни — валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности — увеличится с 13,9 тыс. \$ в 2007 г. (42% от среднего уровня государств — членов ОЭСР) до более чем 30 тыс. \$ в 2020 г. (70%)» [Концепция..., 2008]. Соответственно этому, аксиомой для многих политиков и ученых стало утверждение, что

главной задачей развития страны является экономический рост и повышение благосостояния населения.

Приведем несколько характерных цифр. Лишь за последние пять лет, с 2006 по 2010 г., в расчете на одного человека величина денежных доходов населения России увеличилась на 50%, площадь жилых помещений — на 8%, число поездок в страны дальнего зарубежья — на 71% (в т.ч. в Египет — в 3,3 раза), наличие мобильных телефонов, компьютеров и приемной телевизионной аппаратуры — в 2,2 раза, число легковых автомобилей — на 35% (и достигло в среднем одного автомобиля на четырех человек). Почти две трети (64%) всех преступлений так или иначе связаны с экономической сферой: кража, разбой, грабеж, мошенничество, незаконный оборот наркотиков [Социальное положение..., 2011].

Если первое удвоение валового внутреннего продукта на душу населения в истории человечества произошло примерно за 10 тыс. лет, за время перехода хозяйствования по принципу присвоения (охотники и собиратели) к производственному принципу (земледелие, скотоводство, изготовление металлических орудий), то на следующее удвоение потребовалось около 1,5 тыс. лет, а современное потребление удваивается за считанные годы, приближаясь к кривой бесконечного роста [Панфилов, 2012]. Вместе с тем, как из исторических сравнений быта современного человека и представителей предшествующих поколений, так и простого здравого смысла очевидно, что значительная часть современного экономического достатка является избыточной, она в разы, а то и на порядки превосходит жизненно необходимые потребности.

Примечательно, что и цель деятельности предприятия в современном законодательстве трактуется как «извлечение прибыли» [Гражданский кодекс...], а в учебной литературе как «максимизация благосостояния собственников», хотя очевидно, что она в первую очередь должна заключаться не в обогащении учредителей, а в производстве нужной и полезной обществу продукции (работ, услуг). Второй по значимости задачей предприятия следует считать взаимовыгодное и устойчивое сосуществование со всеми взаимосвязанными сторонами — работниками, партнерами, государством, природной средой. А уже на третьем месте можно поставить получение прибыли, так как при невыполнении первых двух условий оно не может быть морально оправдано.

Сущность «общества потребления» очень ярко проявляется в деятельности средств массовой информации. По этому поводу академик РАО А.С. Запесоцкий [2010] пишет: «Формальное отрицание идеологии означает на деле утверждение идеологии главенства частного материального интереса над любыми прочими интересами. Понятия добра и зла в принципе отрицаются как несовместимые с рынком. Рынок якобы знает только две категории: выгодно и невыгодно. Именно эта идеология пропагандируется, насаждается с помощью СМИ. Реклама становится идеологией потребления, своего рода институтом социализации».

Несомненно, что главным источником рыночной потребительской идеологии сегодня выступает западный мир. В классической экономической теории, заложенной трудами А. Смита, К. Маркса и других мыслителей, одним из базовых является утверждение, что главный стимул человеческой жизни — это максимизация полезности, т.е. увеличение материального потребления. Академик РАН С.Ю. Глазьев об этом говорит так: «Духовное состояние “Homo economicus”, вся мотивация которого сводится к максимизации прибыли, оказалось весьма эффективным толчком для развития экономики ... и стало ведущим двигателем экономического подъема протестантских обществ, который вывел европейскую цивилизацию из средневековой спячки на путь быстрого экономического роста ... Многовековое массовое, открытое и вопиющее нарушение заповедей Христа в христианском мире властвующими элитами должно было получить идейное оправдание. Его в научной форме дала теория рыночного равновесия, которая математически строго доказывала оптимальность экономического поведения, ориентированного на максимизацию прибыли, для всего общества в целом» [Глазьев, 2008]. Приведем в связи с этим характерную цитату из знаменитой книги Наполеона Хилла «Думай и богатей», выдержавшую в Америке 42 издания: «Вы должны научиться погружать сознание в состояние, притягивающее богатство... Вы никогда не станете богатым, если не «доведете до кипения» страсть к деньгам» [Хилл].

Ученые-обществоведы, анализируя последствия культа потребительства, в первую очередь, обращают внимание на его социальные проявления, а именно — на разрыв человеческого сообщества, отдаление людей друг от друга. Своеобразным индикатором разобщен-

ности людей по этой причине является показателем *дифференциации в доходах* — 10% наиболее и наименее обеспеченных граждан. В России этот коэффициент сегодня достигает 16–17 раз при среднемировых значениях от 4 (в Скандинавских странах) до 12 (в Латинской Америке) раз, а с учетом теневых доходов по экспертным оценкам достигает 30 и более раз [Нигматуллин Р.И. и Б.И., 2010]. Столь высокая неравномерность в распределении доходов считается одним из главных препятствий устойчивому развитию страны и создает серьёзную угрозу социальной и политической стабильности.

Одной из предпосылок столь большого разрыва является построение экономики на принципе *частного капитала, приумножаемого за счет труда других людей*. При этом негативно не само по себе объединение людей в трудовые коллективы под чьим-то руководством, и даже не выплата вознаграждения за организацию дела и предпринимательский риск, а *несоразмерное* присвоение владельцами финансового капитала, части созданного продукта в виде дивидендов.

Сходным механизмом получения доходов от собственности является *ростовщичество*, т.е. предоставление денег взаймы на платной основе. Интересно, что в XIX в. уголовному наказанию в России подлежало предоставление займов под ставку выше 6%, а в начале XX в. — выше 12% [Ростовщичество..., 1890–1907], сегодня же по кредитам для населения нормой являются 15–20% годовых, при этом нередко встречаются и более высокие ставки. В целом современная кредитная система, являющаяся одним из краеугольных камней современной экономики, не только приводит к резкой поляризации общества по уровню достатка, но и, что особенно актуально для современной мировой и отечественной экономики, стимулирует избыточное производство и потребление путем финансирования не обеспеченных трудом, зачастую излишних потребностей. Об этом свидетельствует повсеместное распространение пунктов экспресс-кредитования и коммерческих банков, навязчиво предлагающих «быстрые деньги».

Большую тревогу вызывает расцвет *коррупции*. По экспертным оценкам, объем коррупционных сделок в России вырос с менее чем 40 млрд. \$ в 2001 г. до более чем 300 млрд. \$ в 2006 г. [Глинкина, 2010]. Огромным, хотя и менее очевидным бедствием является также корпоративное взяточничество. Хотя это явление

существовало во все времена, но его огромный размах в наше время ничем иным, как усиливающимся культом богатства, объяснить нельзя.

Руководствуясь идейной установкой «хорошо то, что выгодно», потребительство нередко находит в современной экономике свое воплощение в форме *неправедного предпринимательства*, ориентированного прежде всего не на производство нужной и полезной обществу продукции (работ, услуг), а на обеспечение собственной доходности. Спектр возможных проявлений этого очень широк: самым «безобидным» считается зарабатывание денег на низменных человеческих чувствах и инстинктах, осуществляемое хотя бы и в рамках закона, но без осознания ответственности за здоровье и нравственное состояние потребителя: неразумное производство и распространение различных электронных устройств, компьютерных игр, лекарств, биодобавок и ненатуральных пищевых продуктов, содержание ночных клубов и ресторанов, продажа вино-водочной и табачной продукции, выпуск нравственно сомнительной телевизионной, печатной и интернет-продукции и т.п. В крайнем же своем проявлении примитивная экономическая мотивация, лишенная моральных ограничений, часто служит причиной прямо запрещенных законом видов деятельности, несущих непосредственную угрозу жизни и здоровью граждан: незаконной торговли оружием, наркотиками, порнографическими материалами, выпуска поддельных лекарственных средств и иной контрафактной продукции и т.д. Карл Маркс метко писал об этом: «При 10% прибыли капитал согласен на любое применение, при 20% он оживает, при 50% явно готов сломать себе шею, при 100% оскверняет все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое не рискнул бы капиталист даже под страхом виселицы» [Цит. по: Петров, 2008].

Ярким проявлением диктата материальных интересов является *прямой отъем имущества*. Он может происходить как тайно (кража, мошенничество), так и явно (убийство с корыстной целью, грабеж, разбой). Как было показано выше, экономическую подоплёку в наши дни имеют почти 2/3 преступлений.

Для новейшей истории человечества и особенно для XX в. привычным стало *хищническое отношение к природе*. Сюда следует отнести потребление многих видов обитателей животного и растительного мира, истощение запасов по-

лезных ископаемых (нефть, газ, уголь и др.) и других природных богатств, загрязнение воздуха, воды и почвы промышленными отходами, нарушение режима кругооборота рек, неразумное вмешательство в естественный отбор и распространение флоры и фауны (приведшее, например, к неконтролируемому распространению в России борщевика Сосновского). Не требует особых доказательств утверждение, что причиной большинства наблюдаемых в настоящее время экологических проблем является неумеренное потребление природных богатств.

Вместе с тем следует отметить, что в целом в мире, а в последние годы и в нашей стране имеет место осознание пагубности безхозяйственного отношения к природе и происходит постепенный переход к концепции «устойчивого развития», предполагающей гармоничное сосуществование человека с окружающей средой, снижение энергопотребления, всемерное сокращение выбросов загрязняющих веществ, переход к возобновляемым источникам энергии и природным ресурсам.

Потребительская ориентация современной экономики имеет не только внешние социальные проявления, но непосредственно влияет на внутреннее духовное устройство человека. Господство экономических попечений часто приводит к тому, что человек отказывается от устремления к высоким нравственным идеалам, не желает тратить силы и время на общение, повышение культурно-образовательного уровня.

Отрицательные последствия потребительства для развития личности и общественной жизни в последние годы стали объектом повышенного внимания ученых и общественных деятелей. Так, академик РАН В.Л. Макаров [2010] проводит глубокий анализ причин засилья предпринимательского духа и отмечает, что это оно приводит *в сфере образования* — к покупке символов (дипломов и пр.) вместо получения знаний, компетенций, опыта; диктату профессий, приносящих большие деньги; примитивизации сознания; *в здравоохранении* — к расширению спектра алкоголя и наркотиков, распространению поддельных лекарств, навязыванию излишних процедур и операций; *в культуре и искусстве* — игре на низменных чувствах, формировании «клипового сознания», примитивизации (расцвету поп-музыки), созданию виртуальных миров с сомнительными идеалами; *на госслужбе* — к неэффективности, бюрократии и коррупции, доминированию отчета над результатом.

Однако, признавая весьма тяжелый и масштабный характер болезни потребительства, не следует констатировать её тотального и, главное, необратимого характера. Очень многие люди не участвуют в погоне за богатством, проповедуя словом и личным примером идеал «довольствования малым», помогая обществам милосердия и благотворительным фондам.

Огромным достижением, на наш взгляд, является уже само осознание обществом недуга потребительства, которое с обнадеживающим единодушием проявляется в частных высказываниях, общественных дискуссиях, а также научной мысли. Знаковым событием можно считать издание в стенах РАН солидных сборников научных трудов по данной проблеме под ред. академика О.Т. Богомолова («Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» — М., 2008 и «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» — М., 2010). Происходит осознание базовой, непреходящей роли духовных начал и высших нравственных идеалов в экономическом развитии, звучат призывы к отказу от слепого следования зарубежным идеологическим установкам. В поиске путей решения имеющихся проблем многие исследователи обращаются к историческому опыту России и других стран, к базовым духовным ценностям христианства, проповедуемым Православной церковью: нестяжанию, воздержанию, милосердию, солидарности, любви к ближним. Примером тому служит коллективный доклад «О стратегии преобразования России: духовные начала, цели, риски и шансы», составленный коллективом почти из 70 отечественных ученых. «Преобразование страны возможно только в том случае, если граждане России будут ... понимать и принимать духовно-нравственную суть преобразований», — говорится в нем [О стратегии..., 2011]. Подобным образом и авторитетный экономист и математик, директор ЦЭМИ РАН В.Л. Макаров [2010, с. 234–235] пишет, что «главное — жить по правде, тогда богатство и процветание придут. Рассмотрение экономической свободы как главного фактора хозяйственного развития ... при бездуховности способно разрушить общество».

Определенные позитивные сдвиги происходят и в государственно-политическом мышлении. В качестве целей общественного развития все чаще декларируется не узковульгарное «увеличение потребления», а более широко понимаемое «благополучие» (well-being), которое

не сводится только к материальному благополучию (welfare), но предполагает также доступность духовно-культурных ценностей, экологическую безопасность, полноценное человеческое общение, самореализацию личности [Соболева, 2008].

Лучшие представители предпринимательских кругов также демонстрируют понимание пагубности культа богатства и стремятся выстраивать стратегию своей хозяйственной деятельности в соответствии с нормами социальной ответственности бизнеса, публикуют статьи о важности морали в деловых отношениях [Петров, 2008], создают общественные объединения соответствующей направленности.

Нужно подчеркнуть, что бурное экономическое развитие нельзя трактовать односторонне, как негативное явление. Оно принесло немало позитивных плодов: повышение уровня продовольственной безопасности и сокращение масштабов голода, развитие благотворительной деятельности, преодоление многих опасных заболеваний на основе изобретения антибиотиков и вакцин, создание всеобщих систем социальной защиты на случай нетрудоспособности, резкое повышение доступности образования, здравоохранения и культуры для всех слоев населения, создание наднациональных систем военной и технической безопасности и т.д. Исходя из этого можно говорить об экономике как этически нейтральной сфере, служащей лишь полем реализации свободной нравственной воли людей. Но важно в связи с этим понимать, что рост экономических возможностей увеличивает масштаб как добродетельных, так и ошибочных действий человека, поэтому должен быть созвучен его духовному развитию.

Заслуживают отдельного рассмотрения еще несколько характерных явлений современной хозяйственной жизни в их взаимосвязи с духовно-нравственным состоянием общества: *виртуализация, глобализация и развитие науки и техники*. Эти явления, с одной стороны, в своей глубинной основе довольно тесно обусловлены рассмотренным выше главным симптомом современной экономики — потребительством, но вместе с тем имеют некоторые специфические черты.

В самом общем плане, сущность процесса **виртуализации экономики** заключается в отрыве финансовых отношений от товарных, переходе первых от служебной, вспомогательной роли к самостоятельной и даже давя-

щей. Это проявляется в несоразмерном с потребностями реального сектора увеличении масштабов рынка ценных бумаг, еще большем развитии рынка производных ценных бумаг (деривативов), а также в большом объеме спекулятивных сделок с материальными активами, не связанных с реальным движением последних.

Не вдаваясь подробно в механизмы этих экономических операций, приведем лишь некоторые цифры, характеризующие их масштаб. Так, если мировой ВВП в период со середины 1980-х до конца 1990-х гг. увеличивался примерно на 7% в год, то рост объема валютного рынка достиг 30%, мирового кредитного рынка — 25%, деривативов — 50% в год [Панфилов, 2011].

Главной предпосылкой этих диспропорций является все та же погоня за прибылью. Так, в Заявлении Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с мировым финансово-экономическим кризисом [2009] говорится, что «глобальная финансовая система, имеющая в основании спекулятивный капитал, оказалась не в состоянии контролировать колоссальный оборот необеспеченной реальными товарами и услугами денежной массы. Финансовые спекуляции оказывают разрушительное воздействие на все сферы экономической деятельности, отвлекая ресурсы от долгосрочных инвестиций в производство и в социальную сферу... Считаем важным подчеркнуть, что финансовая система остается производной от реального сектора экономики и должна служить интересам его развития».

Другим характерным признаком современности стала **глобализация**, т.е. нивелирование национальных различий, превращение человечества в единое информационно-культурно-хозяйственное пространство. Само по себе явление это не новое и не может однозначно оцениваться как отрицательное. Однако в своем практическом осуществлении глобализация несет скорее отрицательные черты, поскольку приводит к «несправедливому доминированию стран сильных над слабыми, богатых над бедными, технологически и информационно развитых над остальными, практике двойных стандартов в области применения международного права в интересах наиболее влиятельных государств... Многие положительные плоды глобализации доступны лишь нациям, составляющим меньшую часть человечества» [Основы...].

То есть глобализация сегодня приводит не к сближению народов, а навязыванию экономических, политических и культурных интересов сильнейших стран (в первую очередь, США и Евросоюза) слабейшим. Реальным ее результатом является разделение планеты на два лагеря — наиболее развитых стран «золотого миллиарда» и всех остальных, прямо или косвенно работающих на увеличение благосостояния первых. В некоторых научных трудах подробно описано действие механизма глобальной кредитно-валютной финансовой системы, имеющей своей главной целью обеспечение ускоренного роста экономики США за счет развивающихся стран мира, в том числе и России [Сафонова, 2011].

Неоднозначной оценки заслуживает и такая характерная черта современного хозяйства, как ускоренное развитие *науки и техники*, в экономической интерпретации именуемое инновационным развитием. С одной стороны, рост знаний сам по себе не является безнравственным, поскольку отражает способность человека к творчеству и тягу к совершенствованию себя и окружающего мира. Но, в действительности, научно-технический прогресс зачастую обращается во вред природе, самому человеку и всему обществу. Особую тревогу в этом контексте вызывают такие направления инновационного развития, как попытки вмешаться в процессы зарождения и прекращения жизни, развитие генной инженерии, неразумное засилье информационных технологий, создание оружия массового поражения, овладение опасными источниками энергии (в первую очередь, атомной), создание новых видов транспорта, сопряженных с большим числом аварий (автомобили, самолеты) и другие.

Сам тезис о том, что экономика должна быть «умной», основанной на знаниях, о необходимости преодоления господствовавшей в течение нескольких веков индустриальной модели развития не вызывает возражений. Но без твердых нравственных устоев и соответствующей культурной зрелости человек не может всего этого осуществить. Поэтому, не отрицая позитивных возможностей прогресса, нужно осознать, что хотя он сам по себе и не является злом, но также и не является безусловным благом, а поэтому должен прежде всего опираться на духовно здорового человека. Вызывает тревогу отношение к инновациям лишь как к средству «преодолеть разрыв с развитыми странами», как к товару и источнику прибыли, как к мостику к мировому ли-

дерству. Пафос всесилья науки и техноцентризма заслонил собой главный вопрос: «каким и для чего должен быть человек?». Поэтому многие ученые и общественные деятели неустанно говорят о том, что развитие науки и техники не должно быть самоцелью, оно должно согласовываться с учением о смысле жизни человека.

Кроме того настойчиво подчеркивается, что и главным ресурсом инновационного развития общества должны выступать не импортированные или изобретенные впопыхах технологии, а творческий и трудовой потенциал человека. В рамках общественной дискуссии о путях и способах модернизации звучат призывы к правительству прежде всего сконцентрировать усилия на всестороннем духовном, нравственном, социальном и физическом оздоровлении человека, в том числе путём контроля за информационным пространством и повышения качества образования, здравоохранения, культуры и социальной защиты. Эта мысль, в частности, является одной из главных в коллективном докладе «О стратегии преобразования России: духовные начала, цели, риски и шансы» [О стратегии..., 2008]. И, по мнению автора, нужный качественный сдвиг в сознании общества и правительства уже произошёл, о чем свидетельствуют поставленные президентом России в пакете указов от 7 мая 2012 г. задачи повышения уровня оплаты труда педагогов, ученых, врачей, работников культуры и социальных работников.

Наконец, обобщающим явлением современной хозяйственной жизни, логично вытекающим из всех вышеописанных духовных и нравственных недугов и в концентрированной форме представляющим их неблагоприятные последствия, являются **экономические кризисы**. Их внутреннему механизму и подоплеке посвящается немало количество исследований и выступлений. Отмечается, что основные причины кризисов — это усиливающийся культ материального богатства, виртуализация и глобализация экономики, безоглядные инвестиции в новые технологии, ослабление этического начала в хозяйственных отношениях, потеря взаимного доверия и солидарности в обществе в пользу узкоэгоистических корыстных целей, что все вместе являет разительное противоречие традиционным русским идеалам любви, взаимопомощи, терпению, единству, милосердию и ответственности.

Каким видится выход из сложившейся неудовлетворительной ситуации в хозяйствен-

ном бытии современного человека? Первое и самое главное — это личное посильное освобождение от диктата материальных интересов, приобщение к высшим духовным идеалам. Обозначенные проблемы не непреодолимы, но нельзя отрицать и их значимости и необходимости решения. Это, скорее, вызовы для человека, побуждающие утверждаться в добре непрестанно, в любых социально-экономических условиях.

На уровне предприятий должна последовать переориентация с целей роста выпуска продукции и максимизации прибыли на подлинно устойчивое хозяйствование, обеспечивающее не просто минимально необходимую, а справедливую реализацию интересов всех взаимосвязанных сторон: потребителей, работников, государства, кредиторов, акционеров и всего общества.

Со стороны государства нужно снять с повестки дня вопросы экстенсивного развития и уделить основное внимание оздоровлению населения, в первую очередь в духовном и нравственном, но также и в физическом и социальном планах. Как представляется автору, России не следует ни огульно отрицать, ни безоглядно принимать все достижения зарубежных стран, а формировать и реализовывать собственный путь развития, воспринимая все лучшее извне, опираясь на свой духовный исторический опыт, руководствуясь интересами своего народа и опираясь в наибольшей степени на его собственные возможности. Возможно, историческая миссия нашей страны как раз и состоит в том, чтобы явить западной цивилизации и всему миру путь к выходу из сложившегося антропологического кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

- Глазьев С.Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии — важнейший ресурс возрождения России // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / Под ред. О.Т.Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — С. 406–421.
- Глинкина С.П. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Под ред. О.Т.Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — С. 427–455.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51 ФЗ (ред. от 11.02.2013). (Электронный ресурс, справочно-правовая система «КонсультантПлюс»)
- Запесоцкий А.С. СМИ как фактор трансформации российской культуры // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Под ред. О.Т.Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — С. 230–260.
- Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. 27 июля 2009 г [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/705099.html>
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р.
- Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. — М.: Бизнес Атлас, 2010. — С. 152–153.
- Нигматуллин Р.И., Нигматуллин Б.И. Исходные теоремы модернизации России // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Под ред. О.Т.Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2010. — С. 37–61.
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Раздел XVI.2, XVI.3 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422>.
- О стратегии преобразования России: идеалы и шансы. — М.: Институт экономических стратегий, 2011. — С. 23.
- Панфилов В.С. Денежно-финансовый аспект прогнозирования экономической динамики // Проблемы прогнозирования. — 2011. — № 1. — С. 5–16.
- Панфилов В.С. Трансформация воспроизводственного механизма мировой экономики и перспективы социально-экономического развития России // Проблемы прогнозирования. — 2012. — № 4. — С. 3–20.
- Петров С.А. Мораль в бизнесе // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / Под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — С. 422.
- Примаков Е.М. Аморальная политика недолговечна // Наука Урала. — 2013. — № 3 (1072). — С. 5–7.
- Ростовщичество / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907.
- Сафонова Ю.А. Природа масштабных финансово-экономических кризисов и латентное управление миром // Экономические и социальные перемены:

факты, тенденции, прогноз. — 2011. — № 4 (16). — С. 15–27.

Сергий Булгаков, прот., проф. *Философия хозяйства* // Собрание сочинений в двух томах. — Т. 1. — М.: Наука, 1993. — 608 с.

Соболева И.В. Человеческий и социальный капитал — определяющие факторы современного экономического развития // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные запи-

ски и очерки / Под ред. О.Т. Богомолова. — М.: Институт экономических стратегий, 2008. — С. 298–331.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Стат.сб. / Росстат — М., 2011. — 527 с.

Хилл Н. Думай и богатей [Электронный ресурс]. — URL: <http://parfumfm.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0020/20418.izhzbzqqce4.pdf>

М.М. Styrov

Ethical and humanitarian aspects of modern economic processes

In this article is considered the spiritual, moral reasons and consequences of the economic life of modern society: continuous growth of material well-being, virtualization and globalization, scientific and technical advance.

Keywords: economy, growth, consumption, moral, virtualization, globalization, scientific and technical advance, crisis.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 13(571.56)

В.В. Винокуров

Об особенностях якутской философии

Рассматриваются некоторые особенности якутской философии, которые, по мнению автора, запечатлены в языке, мифологии, фольклоре, героическом эпосе-олонхо, произведениях классиков якутской литературы. Эти особенности обнаруживаются в особой довольно стройной системе философских категорий, наглядно-образном отражении действительности. Обязательные, устоявшиеся эпические формулы якутского олонхо, выражающие мировоззренческие, философские представления народа, составляют главную особенность якутской философии.

Ключевые слова: особенность якутской философии, мифология, олонхо, эпические формулы, душа, дух, с поводами за плечами, восьмибодная, восьмикрайняя.

А.Е. Мординов [2010, с. 125–180] в работе «Возникновение философской мысли у якутов» утверждает, что народ является автором, творцом всякой философии. Ведь каждый человек по мере своих возможностей и способностей философствует, пытается своим умом, своим разумом докопаться до самых последних причин и оснований мира, объяснить, понять, проникнуть в сущность вещей, событий, явлений, процессов окружающего нас мира, как природного, так и социального. У каждого человека всегда своя собственная позиция, свои убеждения, свой особый, выстраданный взгляд на мир, на вещи, на события. Согласно этой своей философии он живет, поступает, действует, строит свои отношения с другими людьми. Она может быть у человека неглубокой, несистематической, противоречивой, а может быть довольно стройной, логичной и глубокой. Выдающиеся философы выявляют, развивают, систематизируют, индивидуализируют эту разрозненную, многоликую этническую мудрость, философию. В философии роль личности очень велика. Уникальность Сократа, Демокрита, Гераклита, Платона, Аристотеля оставляет неизгладимый след личности в их философских системах. Все они – выдающиеся философы, но, тем не менее, являются и остаются представителями греческой философии. Они выражают, отражают самосознание, менталитет, мудрость греческого наро-

да. Ведь и И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, К. Ясперс, М. Хайдеггер являются выдающимися мыслителями и представителями немецкой философии. Точно так же, видимо, и существует философия китайская, индийская, арабская, персидская, английская, французская, русская и т. д.

В содержательном плане, по сути своей, философия одна и та же, она ставит и решает одни и те же вопросы, но только по форме проявления, по средствам отражения (язык, понятийный аппарат, образ) бытия, по способу решения, объяснения всех этих проблем и вопросов она разная, специфическая, национальная, этническая. И именно эта особенность – национальная специфика добавляет необычный ракурс видения, дополнительный оттенок, краску, цвет общемировой философской мысли. В современной философской литературе философию этноса называют по-разному: национальной философией, этнической философией, этнофилософией, этнософией. Следовательно, и только в этом смысле, и существует якутская философия как особый, специфический способ постижения мира. А.Е. Мординов в названной работе говорит, что философию якутов мы можем обнаружить, прежде всего, в его фольклоре, олонхо, поговорках и пословицах. Эта закодированная мудрость народа в устном народном творчестве, работах класси-

ков якутской литературы требует адекватной расшифровки.

Прежде всего, следует отметить, что философия всегда была тесно связана с художественной литературой. В западноевропейской философии эта традиция берет начало в античной философии — с поэм Парменида, Эмпедокла, Лукреция Кара, диалогов Платона, писем Эпикура и Сенеки. Чуть позже эту связь философии и художественной литературы мы находим в «Исповеди» Августина, «Божественной комедии» А. Данте, «Мыслях» Б.Паскаля, в произведениях Ф.М. Достоевского, «Так говорил Заратустра» Ф.Ницше, в «Трех разговорах» В.С. Соловьева, повестях, пьесах, романах А. Камю, Ж.-П. Сартра и в некоторых других произведениях представителей экзистенциальной философии. Следовательно, и философию якутов мы можем обнаружить в произведениях классиков якутской литературы А.Е. Кулаковского-Ексекуляха, А.И. Софронова-Алампа, П.А. Ойунского, якутском героическом эпосе-олонхо. Это особый тип философствования. В них философские проблемы и вопросы поднимаются и решаются не на основе логики абстрактных философских или научных понятий, а при помощи особых чувственных категорий, художественных образов, эпических формул в олонхо, социальных ситуаций, исследования мотивов, поступков, действий человека в особых критических, пограничных ситуациях. И решаются эти философские проблемы и вопросы, чаще всего, на основе внезапных интуитивных озарений. Как нам представляется, и якутская философия по своему содержанию и сути является экзистенциальной философией. Это первая её особенность.

В устном народном творчестве — якутском фольклоре, героическом эпосе олонхо мы находим довольно стройную систему философских понятий, категорий онтологии, гносеологии, антропологии, социальной философии, этики, эстетики, веры. Так, например, исследователи якутского олонхо отмечают, что мировоззренческие образы и представления олонхо являются устоявшимися, многие олонхо имеют почти единую композиционную структуру, его сюжеты совершенно свободно переносятся из одного олонхо в другое. Следует также отметить, что олонхо состоит из огромного количества обязательных, почти неизменных, эпических формул, описывающих эпическое время, эпическое пространство, эпическую Вселенную, Мировое дерево, судьбу и предназначение

человека, грозный внешний вид богатыря айыы, отражающих бренность вещей и людей Среднего мира, вневременность божеств, духов, владык Нижнего мира и т.д. Даже самые выдающиеся сказители-олонхосуты неизменно придерживаются этих клише в своих импровизациях. А слушатели, как строгие блюстители эпических традиций, внимательно следят за каждым словом, оборотом речи сказителя и выражают свое согласие одобрительным «Но-оо!». Устное народное творчество, видимо, только так и передается из уст в уста, от сказителя к сказителю, от поколения к поколению. Яркий образ, удачное, меткое выражение, схватывающие суть явлений, событий, становятся крылатыми выражениями, эпическими формулами. В крупных олонхо общее количество эпических формул можно насчитать до 30 и более. Многие из эпических формул олонхо имеют глубокое философское содержание. Например, наш привычный, земной, подлунный мир обычно характеризуется следующими постоянными эпитетами:

«Восьмиободная, восьмикрайняя,
С распрями и треволнениями,
Нарядная, прекрасная,
Изначальная мать-земля.»

[Кыыс Дэбилийэ, с. 297].

Здесь каждая строка требует особого объяснения, и взгляды исследователей часто расходятся, по крайней мере, по поводу первой строки. Буквальный перевод первой строки «Восьмиободная, восьмикрайняя» мало что объясняет в отрыве от контекста, дальнейшего описания Среднего мира в олонхо. В отдельных случаях приходится переводить «Семиободная, семикрайняя» или «Девятиободная, девятикрайняя». Непонятно о каких ободах, краях тут идет речь. А это связано с неправильным переводом прилагательного «иилээх-сабалаах», которое обозначает «упорядоченный», «имеющий четкие контуры, форму» (сравните с «иитэ-сабата суох» — беспорядочный, бесформенный, как нечто, находящееся в состоянии хаоса, беспорядка). Мировоззренческое содержание первой строки эпической формулы примерно можно передать следующим образом. Средний мир якутского олонхо по всем направлениям является строго упорядоченным, разнокачественным, неоднородным и соответствующим мировидению, верованию, этническому сознанию народа. В следующих строках эпической формулы утверждают, что этот упорядоченный, разнокачественный, привычный,

полный тревог и волнений, бренный, но самый прекрасный мир, шаг за шагом, горизонт за горизонтом постепенно раскрывается перед взором сказителя и слушателей. Так, например, в олонхо П.А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» в самом центре Среднего мира, в долине Кыладыкы, находится высокий курган, на вершине которого растет могучее дерево Аал Луук Мас. Оно связывает все три мира Вселенной олонхо. Вершина его достигает владений Юрюнг Аар Тойона, а его корни доходят до самой преисподней. А затем, как и во многих других олонхо, выделяются и описываются четыре основных направления от долины Кыладыкы. Все жизнеутверждающие начала находятся на восточной стороне. Там и плодородные долины, и танцующие березовые рощи, и богатые рыбой озера, и горы, где родились и нежились Солнце и Луна, и где живут первопредки айыы аймаба, и где находится небесный проход, ведущий к богествам Верхнего мира. Совершенно иными, особыми и более суровыми красками изображаются западная, южная и северная стороны Среднего мира.

А постоянный эпитет, употребляемый при описании людей, с которым мы встречаемся во многих олонхо: «С звонкими, солнечными поводьями за спиной, поддерживаемых силой небес» — говорит о том, что люди, представители великого племени айыы, «тысячами нитей» связаны с миром природы, с Верхним божественным миром, постоянно чувствуют, ощущают силу, поддержку Верхних небесных божеств во всех своих делах и начинаниях.

«Провидицей будучи,
так предвижу:
великое племя айыы
с поводьями за плечами
он оградит,
почтенные улусы (племен) айыы
с поводьями за спиной
наверняка защитит».

[Могучий Эр Соготох, с. 159]

А бренность мира вещей, людей и существ Среднего мира в олонхо, в якутском фольклоре передается с помощью эпической формулы:

... «с деревьями, которые, падая, погибают,
с водами, которые, испаряясь, — мелеют,
с кукушками, которые, откуковав, — умолкают,
с рыбами, которые, отнерестившись, — уходят,
с хвоей, которая, пожелтев, — осыпается»...

[Могучий Эр Соготох, с. 79].

Таким образом, мировоззренческие, философские представления народа в крупных эпических произведениях выражаются, раскрываются при помощи неизменных, устоявшихся эпических формул. Это вторая и очень важная особенность якутской философии.

Некоторые философские категории в якутском языке передаются при помощи чувственных, образных, наглядных, «картинных» [А.Е. Кулаковский, 1979] понятий. Например, понятие «случайность» в якутском языке передается как «дэн курдук», либо как «оһол курдук», «дэннэ», как внезапное несчастье, беда, т.е. как нечто, не имеющее видимых причин, оснований, а не как нечто неизбежное и неотвратимое. Понятие «ничто» — как «иччитэх», «иччитэ суох», т.е. как нечто пустое, не имеющее души, ничего собой не представляющее. Понятие «бытие» — как «баарыйа», «баар эрэ барыта», т.е. это все то, что существует, есть. Понятие «материя» или «материальное» переводится, чаще всего, как «барамай», «барыйар», т.е. как нечто, отбрасывающее тень. Ведь идеальные явления не отбрасывают тени. Таковы и понятия: концепция — көрүк, аффект — уолуйук, мифология — үһүйээн, пространство — киэли и т.д. Это третья особенность якутской философии.

В якутском устном творчестве, фольклоре, классической литературе мы также можем обнаружить довольно стройную систему рациональных, логических, абстрактных философских категорий. В качестве примера приведем некоторые из них. Например, куйаар — пространство, кэм — время, уйулба — идеальное, мэнэ — вечный, долобой — память, баарыйа — бытие, дыбын — небытие, төрүүт — причина, сылтах — повод, содул, түмүк — следствие, ис дынг — сущность, көстүү — явление, дынг баар — действительность, кыха, ыча — возможность, күһэлэн — необходимость, ис хоһоон — содержание, дынг кырдык — истина, сүр — жизненная сила человека, кут — душа, анал, онгоһуу — предназначение, төлкө — судьба, рок, билгэ, танха — предсказание, бит — предчувствие и т.д. Таким образом, в якутском языке мы можем обнаружить все основные философские категории. Это говорит о богатстве, гибкости, мощи якутского языка. Это четвертая особенность якутской философии.

И, наконец, в пятых, следует отметить, особенности решения проблемы человека в якутской мифологии и литературе. В якутской мифологии, в героическом эпосе олонхо сначала преподносится чисто внешняя, наглядно-об-

разная характеристика человека. Сказители, словно соревнуясь и дополняя друг друга, пытаются дать исчерпывающий внешний образ человека, его антропоморфные черты, отличающие его от других живых существ. С этой точки зрения люди — это, прежде всего, двуногие существа, существа, обладающие разумом, с продолговатым носом, у которых лицо впереди и т.д. А затем, как бы исчерпав чисто внешнее описание человека, предпринимается попытка понять, описать человека изнутри, со стороны его сущности. Тут нам приходят на помощь особые категории, понятия «кут» и «сүр». Согласно этим представлениям, душа человека состоит из трех взаимосвязанных и взаимосогласованных частей. Главную часть души — «ийэ-кут» человек получает от богинь чадородия Айыыһыт и Иэйэхсит. После смерти человека она, видимо, возвращается в Верхний мир. Вторая часть души — «салгын-кут» связана с разумом, сознанием человека, а третья часть души — «буор-кут» ответственна за внешний, физический облик человека. А категория «сүр» выражает жизненную силу человека или данный богом, судьбой запас энергии. А что касается проблемы судьбы человека в якутской мифологии, якутской литературе, то следует отметить, что не все предопределено свыше, а кое-что зависит от самого человека, от родителей, от окружающей социальной среды. Все сказанное попытаемся подкрепить примером.

Так, например, замечательный знаток якутской мифологии, один из зачинателей якутской литературы А.Е. Кулаковский-Ексекулях в стихотворении «Обездоленный еще до рождения» отмечает, что принесли богини чадородия Айыыһыт и Иэйэхсит спящим людям:

«Счастливого,
Удачливого,
Предназначенного для славных дел,
Ожидающего бессмертия удел
Крутолобого, крепкотелого мальчика.
Чтобы родился он
Теплый, живой,
Основу души («ийэ-кут». — В.В.)

Принесли с собой.
Чтобы мыслями он
Как птица летал,
Добавили воздуха к той душе
(«салгын-кут». — В.В.).

Чтобы за землю держался,
Охотился и пахал,
Земли добавили к той душе (буор-кут». — В.В.).

Чтобы в детстве не умер,
С болезнями совладал
Добавили крепости к той душе» («сүр». — В.В.).

[А.Е. Кулаковский, 1977].

В стихотворении далее утверждается, что хотя и была дана от природы, от бога полноценная генетическая программа развития ребенка, но в жизни она не была полностью реализована. Сами родители по-своему распорядились его судьбой. С самого начала не захотели они видеть в нем ни сильного, ни красивого, ни умного, ни грамотного, ни богатого человека. Видимо, и сам не очень стремился быть сильным и целеустремленным человеком. Воспитали, сформировали недалекого человека, чему он и сам не рад.

Таким образом, с помощью философских категорий «кут» и «сүр» можно довольно полно описать развертывание генетической программы, процесс социализации, формирования чисто физических характеристик и отпущенных свыше жизненных сил и возможностей человека.

Проблема человека в творчестве А.И. Софронова-Алампа занимает особо важное место. И, прежде всего, он исходит из того, что мы все разные, все мы уникальны, единственны и неповторимы, и в первую очередь, по своей собственной природе, по своим собственным природным возможностям.

«Үүнэр от-мас
Үрдүктээх намыһахтаах,
Үөскүүр киһи-сүөһү
Үчүгэйдээх куһаҕаннаах...».

[А.И. Софронов, т. 1, с. 274]

Следовательно, каждый человек природой генетически изначально запрограммирован. В нем изначально присутствуют, как некие возможности, светлое и темное, прекрасное и безобразное.

Халлаан быллыта,
Уу долгуна,
Киһи энкилэ суох буолбат!

[А.И. Софронов, т. 1, с. 309]

В этой связи человек иногда рассматривается как существо, до боли обделенное природой (айылба атабаастаабыт киһитэ) или слишком наделенное (айылба биэрбэхтээбит да барахсана, бүтүн онгоһуулаах киһи).

Но довольно часто это обстоятельство рассматривается как богом данное или как нечто предопределенное, утвержденное свы-

ше с участием светлых, добрых и темных, злых начал.

Айыһыт. *Итэбэс* айыһланнын,
Кэччэгэй кэскиллэннин,
Кулан *кубулҕат* холбосто,
Дьикти *дьибилгэт* эрилиннэ
Эбээ, биебэйиэм!...

[А.И. Софронов, т. 3, с. 95]

Довольно часто вся дальнейшая судьба человека зависит от этого изначального, природного неравенства людей.

Болтоһо:
Олох обургу,
Омнуо киһини
Оруу тардан ылан,
Ойуулаах олоххо олордон
Омсугурда оойньуур эбит.
Кэскил обургу
Кэнники киһини
Кэрэ олоххо киллэрэн
Киһиргэтэр кэмэдьилээх эбит.

[А.И. Софронов, т. 3, с. 154]

Манчаары:
Кылыбын кыҥаан,
Хардыбын ааҕан,
Харабыллаан олоодобуна,
Мин сор суоллаах,
Бүтүн *оҥоһуута* суох буолан,
Мүччү үктээн биэрбитим.

[А.И. Софронов, т. 3, с. 235–236]

Но ведь бывает и так, что причиной страдания, несчастий человека являются и внешние обстоятельства. Внешняя, социальная жизнь человеческого общества (олох) всегда протекает в беспрестанном, непрерывном столкновении множества волей, желаний, стремлений, интересов, преследующих свои собственные цели самых разных людей. Жизнь каждого отдельного человека в этом мире субъективно всегда переживается им не как самая гладкая и безоблачная, а как полная тревог, страданий, волнений, несчастий, случайностей, иногда жизнь человеческая не лишена приятных сюрпризов, счастливых моментов и удовольствий. И переживается все это человеком как судьба, как предопределение, как предназначение. Почему умный, образованный, полный самых благих намерений, праведный, невиновный человек страдает, несчастлив в этом мире, понять это человеку порой не представляется возможным, нет никаких логических объяснений, кроме того, что все это есть игра жизни.

Дьэкиим. Бу аата буоллаҕа аан дойду олобун оойньуута... Сорох ытыыр, сорох санааргыыр, сорох баттанар, сорох төрүүр, сорох өлөр, сорох оойньуур-көрүлүүр... Бары – олох оойньуурдара.

[А.И. Софронов, т. 3, с. 172]

Дьэкиим. Олох киһинэн оойньуур эбит буоллаҕа. Олобу киһи талбытынан онгорор ди-иллэрэ сымыйа, хата олох киһини хайтах баҕарарынан тутар эбит.

[А.И. Софронов, т. 3, с. 173].

Болтоһо:
Онон биһиги
Олох оонньуурдара,
Кэскил кизгэллэрэ
Эбиппит, оҕонньоор!

[А.И. Софронов, т. 3, с. 154]

В этой земной жизни счастье и несчастье ходят рядом, жизнь человеческая плетется из белых и черных дней-веревочек, ниточек.

Күлүк. ... ¶Үчүгэй куһаҕана, куһаҕан үчүгэйэ суох буолбат. Былыт быһыһынан күн тыктабына, күлүк сири былдьаһа олооройобун. (Олорор.) Бу аан дойдуга киһи дьоло ити күн тыган баран былытынан сабылларын курдук буолар, ону мұльчү түһүөн даа, мэлдьи харанҕа сылдыһан. Хор, оннук буолар. Дьол даҕаны, сор даҕаны уһуга суох буолбат. Дьол сорох ардыгар киһини бэйэтэ көрдүүр, сорох киһи дьолу көрдүүр даа, өлүөр дылы булбат. Быһыһта, дьол икки сор икки бэйэ-бэйэлэрин экирэтэ сылдыар быһыһылаахтар...

[А.И. Софронов, т. 3, с. 63–64]

Эта идея красной нитью проходит во многих произведениях А.И. Софронова. Жизнь общественная, внешняя изображается, описывается при помощи следующих эпитетов: олох обургу одурууннаах, очурдаах-чочурдаах, оһоллоох, үгүс үлүгүрдээх, адырхайдаах, атааннаах, батталлаах, долгуннаах, түһүүлээх-тахсыылаах, сырдыктаах-хараналаах, үчүгэйдээх-куһаҕаннаах. Человека ежедневно подстерегает множество бед, преград, препятствий, несчастий.

Баһылай. Киһиэххэ күннэ түөрт уон түөрт оһол сыстар дииллэр, онтон аанһылын чугас буолан, көмүскээн илдьэ сылдыар буоллаҕа эбээт...

[А.И. Софронов, т. 3, с. 280]

Следовательно, к страданиям, бедам, несчастью человека приводят зависть, обман, клевета, предательство, подлость, преднамеренная подстава со стороны других людей, а также несправедливое, отживающее обще-

ственное устройство (социальная организация общества).

Попытки противостояния человека этой слепой игре жизни, попытки понимания и объяснения причины человеческих страданий, бед и несчастий мы можем обнаружить в его произведениях «Хаайыылаах» (Узник, 1923), «Уу устар, уларыйар» (1927), «Сылбах тиит» (1928), «Аҕабар сурук» (IV Уларыйдым, 1928).

Так, например, попытку объяснить причину страданий человека мы находим в его стихотворении «Узник»:

Туох иннигэр миигин
Дьон олобуттан туораттылар?
Ханнык буруйбар
Хаарыан олохпуттан халбарытан
Хаайыыга хаалааттылар?
Тоҕо, тоҕо?!
Этэн кулу даа, этэн кулу!
Ээ, сөп,
Үрүн күнүм өйдөтгө!

Халын үйэ хассыһытын
Хаба оттотугар түбэхэн
Хаайыллыбыт эбиппин...
Кыдыктаах олох кыргыһар
Кыпчыланьгар түбэхэн
Кыбыттарбыт эбиппин...
Өрүскэннээх үйэ өлөссөр
Өрөгөйүгэр үүнэн
Өһөн эрэр эбиппин...
Өй күүһэ үрдээн баран
¶Үрэллэр үгэнигэр үөскээн
¶Үүрүлэн эрэр эбиппин...
Олох обургу улаатан баран
Уу куддук долгуйарыгар уолдьаһан
Уйадыан эрэр эбиппин...
Кэскил кэмэ һуох кэнгээн баран
Кэдэрги барар кэмигэр кэлэн
Кэхтэн эрэр эбиппин...
Күтүр олох күүһүрэн баран
Күлгэдийэр күнүгэр күөрэйэн
Күл-көмөр буолбут эбиппин...
Ол иһин даа,
Оччоҕо ордук!..
Үрүн күнүм өйдөтгө.
Мантан ыла
Өлөр санаам өһүлүннэ,
Ханнык даа буоллар
Хамныам суоҕа,
Туох даа буоллар
Туланһыам суоҕа...
Билигин даҕаны
Түөһүм күүстээх,

Билигин даҕаны
Ингиirim эпчингээх!..

[А.И. Софронов, т. 1, с. 136–137]

Следовательно, несмотря ни на что, ни на какие сложности, неприятности, несмотря на наличие зла и несправедливости в этом грешном мире, несмотря на то, что он оказался в переломный момент истории в не зависящих от него обстоятельствах и ситуациях, человек должен действовать, бороться и не отчаиваться. Автор верен этой идее даже тогда, когда он уже сам по ложному обвинению был сослан на пять лет за пределы Якутии. Находясь в новосибирской тюрьме, он пишет:

Ыйылыннары тардан
Ыйанар быабын
Ыраах бырахтым,
Хабарҕаны хайытар
Хатан биибин
Халбарыччы хаһыйдым...
Олобу кытары охсуһан
Олорору ордордум.
Күнгэ көбүйдүм,
Сырдыкка ымсыырдым.
Санаабынан сарбыллыахпар дылы
Салланһыбын санаатым,
Көһөн көмүллүөхпэр дылы
Көрөрбүн күндүркэттим.

[А.И. Софронов. т. 2, с. 54]

На что следует надеяться, во имя чего следует жить человеку.

Танараҕа саантаман,
Иччигэ эрэнимэн,
Көстүбэти көрдүмэн,
Ол оннугар
Икки атахтаах
Илиитин эпчингэр
Истинник эрэнин,
Өйүн күүһүгэр
Үгүстүк үнүн!
Кини
Көппөтү көтүтэр,
Көрбөтү көрдөрөр,
Хамнаабаты хаамтарар,
Хараһаны сырдатар.
Туохха да тойон -
Норуот, норуот!
Норуоттан тутуһун,
Норуокка туһалаан!..

[А.И. Софронов, т. 2, с. 8]

Что останется от человека после его смерти? Его дела, поступки, произведения, его стихи, повести, драмы.

Уу устар, уларыйар,
Үрэх сүүрүгүрэр, сүүдүйэр,
Киһи кэхтэр, кэбэлийэр,
Тыл сытыйбат, сыттаммат,
Сурук сууйуллубат, суодуйбат.

[А.И. Софронов, т. 1, с. 348]

Бары баттыгас,
Барбах баламат
Бар дьонно
Баарын иһин
Баскын угума,
Бадаын бараама.
Көр-иһит,
Күл-сал,
Көнө майгы
Көбөрөн көстүө.

[А.И. Софронов, т. 1, с. 300]

Таким образом, в конечном счете, в выигрыше всегда остается лишь тот, кто действует и поступает свободно, нравственно, как подсказывает его сердце и при любых условиях и обстоятельствах остается человеком. По крайней мере, мы чувствуем симпатию автора именно к тем персонажам, героям его лирических,

драматических произведений, которые следуют этим жизненным установкам.

Таковы, как нам представляется, некоторые особенности якутской философии.

ЛИТЕРАТУРА

Анемподист Софронов Сочинения. – Т. 1. – Якутск: Бичик, 2005. – С. 136, 137, 274, 300, 309, 348. – На якут. яз.

Анемподист Софронов Сочинения. – Т. 2. – Якутск: Бичик, 2005. – С. 8, 54. – На якут. яз.

Анемподист Софронов Сочинения. – Т. 3. – Якутск: Бичик, 2008. – С. 63, 64, 95, 154, 173, 235, 236, 280. – На якут. яз.

Мординов А.Е. Избранные труды. – Т. 2. – Якутск: Бичик, 2010. – С. 125–180.

Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 297.

Могучий Эр Соготох: Якутский героический эпос. – Новосибирск: Наука, 1996.

Кулаковский А.Е. Якутский язык // Научные труды. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. – С. 385.

Кулаковский А.Е. Песня якута. Стихи и поэмы. – М., 1977. – С. 122 (перевод Владимира Солоухина).

V.V. Vinokurov

Peculiarities of the Yakut philosophy

The article discusses about some peculiarities of the Yakut philosophy, which, in the opinion of the author, sealed in the Yakut language, mythology, folklore, heroic epos «Olonkho», in works of the classic writers of Yakut literature. These peculiarities are found in particular quite well-balanced system of philosophical categories, visual-shaped reflection of reality. Required, settled olonkho Yakut epic cliché are expressing ideological, philosophical ideas of the people, are the main peculiarity of the Yakut philosophy.

Keywords: peculiarity of Yakut philosophy, mythology, olonkho, epic cliché, soul, spirit, had the reins at spines, with eight brims, with eight rims.

Л.А. Шамина

О перспективе в тувинском языке*

Перспектив симметричен по отношению к перфекту: второй обозначает уже совершенное действие как всё ещё значимое на момент речи; первый же представляет ещё не свершившееся действие как уже значимое на момент речи. Категория перспектива была принята в качестве межлингвистической грамматической категории в относительно недавнее время. Данная категория еще не была описана для тувинского языка. В настоящей работе мы пытаемся дать предварительное описание образования тувинских средств выражения перспектива и источников их развития.

Ключевые слова: предикат, бивербальный, аналитическая конструкция, вспомогательный глагол, многокомпонентный, перфект, перспектив.

1. Введение. О категории перспектива в лингвистической литературе

Термин «перспектив» впервые предложил Б. Комри в книге «Вид» [Comrie, 1976, с. 64–65]. Несмотря на популярность в описательных работах, в типологических исследованиях этот термин широко не распространился. Некоторые ученые отмечают, что самостоятельный статус перспектива как межъязыковой категории сомнителен [Dahl, 2000, с. 317, 319].

В зарубежных исследованиях представлены разные точки зрения на определение статуса данной категории. Так, в работах С. Дика перспектив определяется как одно из значений категории «перспективного аспекта» (prospectival aspect), которая описывает, как «ситуация рассматривается с точки зрения внешней точки отсчета» [Dik, 1997, с. 238]. Если посмотреть на ситуацию до ее осуществления, она представляется перспективно, и такое значение автор и называет перспективом. Если же мы смотрим на ситуацию после осуществления, в прошлом (ретроспективно); такое значение выражается перфектом.

Таким образом, в работах Б. Комри и С. Дика перспектив называется особым *видом*, сход-

ным с перфектом в том отношении, что каждый из них связывает два временных плана — момент речи и последующее (или соответственно предшествующее) положение дел.

В работах российских исследователей близкая трактовка перспектива как аспектуального показателя, маркирующего подготовительную стадию ситуации («состояние такое, что имеются признаки начала ситуации») содержится в работах Плунгяна [2000, с. 297–298; 2011, с. 385–387 и след.].

В многочисленных исследованиях по грамматике языков Сибири категория перспектива специально не рассматривалась, хотя разнообразные средства выражения данного значения в этих языках, безусловно, имеются. Типологический взгляд на категорию перспектива в сибирских тюркских языках (шорском, алтайском и хакасском) представлен в статье И.А. Невской [Nevskaya, 2005, с. 111–123].

В одном из зарубежных диалектов тувинского языка (тувинцев Китая) данная категория описана в статье Rind–Pawlowski [2012].

В современном литературном тувинском языке средства выражения перспективного

* Статья опубликована при финансовой поддержке гранта РГНФ 14-04-00121 «Аналитические конструкции как источник грамматикализации в тувинском языке».

значения не рассматривались. Классических случаев грамматикализации аналитических конструкций (АК) в тувинском языке нет. Однако в качестве близких к грамматикализации примеров можно назвать ряд АК, выражающих перспективную семантику.

Единственная публикация, которая близка к данной проблематике, — это наша статья, посвященная исследованию аналитических конструкций модально-инфинитивного типа в тувинском языке [Шамина, 1995, с. 52–68]. В статье рассмотрены АК с семантикой желания, намерения и возможности.

В настоящей статье мы анализируем возможность конструкций модально-инфинитивного типа с частично десемантизированными глаголами желания или намерения быть грамматикализованными для выражения «метафорического обозначения движения к будущей ситуации» [Плунгян, 2011, с. 386], для фиксации «состояния вот-вот совершить действие». Описывая специализированные перспективные формы, мы не претендуем на анализ категории проспектива как таковой в тувинском языке. Мы пытаемся дать предварительное описание образования тувинских средств выражения проспектива и источников их развития.

II. Время в АК с перспективной семантикой

Перспектив описывает «предварительную фазу» ситуации и указывает на то, что в точке отсчета имеются предпосылки для последующего ее осуществления.

(1) Ам барып дужер сен.

ам барып дуж=е сен=Ø
сейчас Prev падать=CV PERS2=NOM
'Ты сейчас упадешь'.

Такое предложение представляет ситуацию, в которой в момент речи адресат близок к скорому падению (например, он стоит на неустойчивой лестнице, приближается к обрыву и т.п.).

Конструкции с перспективным значением могут интерпретироваться в прошедшем времени. На перспективное значение в прошедшем времени указывает то, что в момент наблюдения в прошлом все шло к тому, чтобы ситуация осуществилась. Для ее осуществления имелись все предпосылки, но событие так и не произошло. Эксплицитно не сообщаемый, но под-

разумеваемый компонент смысла высказывания дает основания для такого вывода.

(2) Кээп дужер частым (TPC, с. 510).

кээп.дуж=ер час=ты=м
падать=PrP AUX: чуть.не=PAST_{fin}=1Sg
'Я чуть было не упал'.

(3) Меннээш октаптар частым (К-Э.К.Т.к., 79).

меннэ=эш окта=пт=ар
подскакивать=CV бросать=PFV=PrP
час=ты=м
AUX: чуть.не=PAST_{fin}=1Sg
'Подскочив (ударив лбом), чуть не свалил его'.

(4) Дээрги Григорьев тутунуп шыдавайн баргаи, артында тергеден дуже халый бер часкан (К.кт: 44).

дээрги=Ø Григорьев=Ø
господин=NOM Григорьев=NOM
тут=тун=уп шыда=вайн
держать=RFL=CV мочь=NEGCV
бар=гаи арт=ы=н=да
AUX=CV POSTP:за=POSS.3=INFIX=LOC
терге=ден
телега=ABL
дуж=е халы=й бер
падать=CV прыгать=CV AUX.PrP
час=кан
AUX:чуть.не=PP

'Господин Григорьев со зла с телеги чуть не свалился'.

Первый компонент АК Tv=ap час= 'чуть было не...' представлен глаголом в форме причастия будущего времени на =ap; второй компонент выражен глаголом чазар 'ошибаться, допускать промах'. Сочетание этих двух компонентов (первый обязательно имеет форму причастия на =ap) в составе АК выражает значение 'чуть было не'.

Как мы могли убедиться, примеры 1–4-й иллюстрируют два типа подготовительной стадии. Так, в примере (1) вспомогательный глагол в АК с перспективной семантикой имеет форму будущего времени, в связи с чем в план будущего смещается и «нахождение на грани осуществления».

Вспомогательный глагол в примерах 2–4 имеет форму прошедшего времени на=ды (2–3) и на=ган (4). Семантику АК в примерах 2–4, следуя Т. Кутевой, мы, определяем как 'нахождение ситуации в прошлом на грани осу-

ществления' [Kuteva 2001, p. 5], используя предложенный ею термин «авертив». В цитируемой работе Б. Комри такая ситуация определяется как «перспектив прошедшего времени» [Comrie, 1976, с. 22].

Будущее время и перспектив. Перспектив противопоставлен будущему времени. Разница заключается в том, что в будущем времени у говорящего есть уверенность, 'что событие точно будет'.

Перспектив выражает такое состояние дел, которое имеет место перед будущей ситуацией и не отвечает за то, состоится или нет ситуация.

(5) *Десертке яблоктар болур.*
десерт=ке яблоктар=тар=Ø бол=ур
'Яблоки будут на десерт'.

Перспективное значение выражается формой будущего времени с глаголом *бол*= 'быть'.

(6) *Поезд 7 шакта чедип келир.*
поезд=Ø 7 шак=та чед=ип
поезд=NOM 7 час=LOC достигать=CV
кел=ир
AUX.достигать=PrP
'Поезд будет в 7 часов'.

Перспективное значение выражается АК со вспомогательным глаголом *кел*= 'приходить' в форме будущего времени.

Утверждение говорящего о событии в будущем в приведенных примерах основано на знании реальной ситуации.

(7) *Даш барып дужер деп тур.*
даш=Ø барып.дужер=ер
камень=NOM PREV.падать=PrP
деп тур=Ø
CV от.говорить AUX.стоять=PrP.3Sg
'Камень намеревается упасть.'

От семантики намерения перспектив отличается то, что субъект действия – предмет неодушевленный. Данный тип конструкций является типично перспективным. Наличие же у неодушевленного субъекта намерения совершить действие можно считать частным случаем проспектива.

(8) *Ыглаар деп барды.*
ыгла=ар деп
плакать=PrP говорить.CV
бар=ды=Ø
AUX.идти= PAST_{fin} =3Sg

'Собирается заплакать'.

В зависимости от близости внешней точки отсчета к ситуации выделяется несколько более частных значений «перспективного вида»: 1) собственно перспектив ('собирается заплакать'), 2) ближайший перспектив ('вот-вот заплачет'), 3) перфект недавнего прошлого ('поплакал, и это сейчас важно').

Частные значения «перспективного вида», зависящие от близости внешней точки отсчета к ситуации, в тувинском языке выражаются АК со вспомогательными глаголами движения (*бар*= 'идти' № 8) и позиции (*тур*= 'стоять').

Ближайший перспектив:

(9) *Ыглаар чыган тур.*
ыгла=ар чыган=п
плакать=PrP подходить.к.началу=CV
тур=Ø
AUX.стоять=3Sg
'Вот-вот заплачет'.

Перфект недавнего прошлого:

(10) *Ыглан алган (ыглаан).*
ыгла=п ал=ган=Ø
плакать=CV AUX.брать =PP=3Sg
'Поплакал, и это сейчас важно'.

III. Стратегии развития подготовительной стадии ситуации

В тувинском языке представлены несколько стратегий развития подготовительной стадии ситуации.

Первая стратегия реализуется в инфинитивных АК, представляющих сочетание причастия будущего времени на *=ар* в одном из косвенных падежей с глаголами, которые управляют этими падежами.

(11) *Эш-өөрүнүн мурнунда мактанырын бодап турар* (Ш.С., 5).
эш=өөр=ү=нүн мурнунда
товарищ=друг=POSS3=GEN POSP
макта=н=ыр=ын
хвалить=CAUZ=PrP=ACC
бода=п тур=ар=Ø
думать=CV AUX.стоять=PrP=3Sg

'Он собирается похвастаться перед друзьями' (букв. похвастаться + думая стоит).

В роли вспомогательного компонента использована деепричастная АК *=п турар*. Вспомогательный глагол *тур*= 'стоять' активен

в данной функции, но возможно употребление глаголов и других семантических групп.

Конструкции с инфинитивом в косвенном падеже и полностью или частично десемантизированными глаголами намерения и желания (*кызар* ‘стараться’, *күзээр* ‘желать’, *туралаар* ‘хотеть’), выражая **интенциональное значение**, характеризуют метафорическую идею движения по направлению к будущей цели [Плунгян, 2011, с. 386]. В лингвистической литературе это значение определяется как **интенциональный** проспектив.

(12) *Оол эштеринге чедерин кызып турар.*

оол=Ø эш=тер=ин=ге
мальчик= NOM товарищ=PL=INFIX=DAT
чед=ер=ин
достигать=PrP=ACC
кыз=ып тур=ар
стараться=CV AUX.стоять=PrP
‘Мальчик старается догнать товарищей’
(букв. достигать + стараясь стоит).

Вторая стратегия представлена пятью грамматикализованными АК причастного типа. 1) в роли первого (знаменательного) компонента в АК выступает глагол в форме инфинитивов на =ар или на арга. Вспомогательный компонент представлен АК, выраженной сочетанием глагола *чаптыр* (*чавыл*=) ‘охватить’ в форме деепричастия на =й со вспомогательным глаголом движения: *кел*= ‘приходить’; 2) вторая АК с глаголом метафорического движения *бер*= ‘давать’. Семантика АК с глаголами *бер*= ‘давать’, *кел*= – инхоативная; 3) в третьей АК в роли вспомогательного компонента используется глагол *чазар* ‘ошибаться’. Знаменательный компонент может быть выражен любым глаголом движения. Такая АК выражает значение авертива, о котором было сказано ранее; 4) АК со скрепой *деп* и полностью грамматикализованными глаголами: движения *бар*= ‘идти’ и позиции *тур*= ‘стоять’; 5) причастная АК с лексическим вторым компонентом *чыгы* ‘около, почти, чуть ли не’.

а) Tv=ар Tv=й Vвсп. бер=

(14) *Тудугжулар школа ремонтуну доозар чаптай берген* (доозарынга чаптай берген).
тудугжу=лар=Ø школа=Ø
строитель=Pl=NOM школа=NOM
ремонт=зу=н дооз=ар
ремонт=POSS3=ACC заканчивать=PrP

чапта=й бер=ген=Ø
охватить=CV AUX=PP=3Pl

‘Строители вот-вот закончат ремонт школы’
(букв.: начали закончить).

б) Tv=ар=//=DAT Tv=й Vвсп. кел=

(15) *А араатан дүрзүлөр дөгере-ле халдаарынга, шураарынга, өлүреринге, сыыраарынга чаптап келген болгулаан* (Кудажы, 1996. Т. 1, с. 4).

а араатан дүрзү=лер=Ø
а хищный вид=Pl=NOM
дөгере=зи=л=е
резать=POSS3=RFL=CV
халда=ар=ын=га
нападать=PrP=INFIX=DAT
шура=ар=ын=га
скакать=PrP=INFIX=DAT
өлүр=ер=ин=Ге
убивать=PrP=INFIX=DAT
сыыр=ар=ын=га чапта=п
глотать=PrP=INFIX=DAT охватить=CV
кел=ген
AUX.приходить=PP
бол=гула=ан=Ø
AUX.быть=ITER=PP=3Pl

‘А все хищные звери (букв. фигуры хищных зверей) будто вот-вот готовы напасть, броситься, убивать, съесть’.

в) Tv=ар Vвсп. час=

В этой АК первый компонент имеет форму причастия на =ар, а второй – представлен лексическим глаголом *чазар* ‘ошибаться’. Семантика АК – авертив ‘чуть не’.

(16) *Эргин кырындан чайлы бээр часкаш, инек саап турган авамны кыйгырып алгыра берген мен* (ССА: 12).

эргин=Ø кыр=ы=н=дан
порог=NOM грань=POSS.3=INFIX=ABL
чай=л=ы
сваливаться=RFL=CV
бэ=эр час=каш инек=Ø
AUX=PrP чуть.не=CV корова=NOM
саа=п тур=ган
доить=CV AUX=PP
ава=м=ны кыйгыр=ып
мать=POSS.1Sg=ACC кричать=CV
алгыр=а бер=ген мен=Ø
AUX=CV AUX=PP PERS.1SgNOM

‘Чуть не упав с порога, я начал звать маму, которая доила коров’.

г) $Tv=ar деп$ $V_{всп. бар=}$; $тур=$

В качестве полностью грамматикализованных случаев мы называем грамматикализованную АК, первый компонент которой выражен глаголом в форме инфинитива на $=ar$ с квотативом *деп* и глаголами движения *бар=* 'идти' и *тур=* 'стоять'.

(17) *Ол мени согар деп турду.*

ол= $\emptyset$ мени сог= ar деп
он= NOM я= ACC битъ= PtP CV
тур= $ду=\emptyset$

AUX.стоять= $PAST_{fin}=3Sg$

'Он собирался было ударить меня'.

(18) *Өрт мал кажааларынче дамчыр деп бар-ды!* (Уйгу..., с. 11)

өрт= $\emptyset$ мал= $\emptyset$
огонь= NOM скот= NOM
кажаа= $лар=ын=че$ дамчы= $ыр$
двор= $PL=INFIKS= LAT$ передаваться= PtP
деп бар= $ды=\emptyset$
CV AUX.идти= $PAST_{fin}=3Sg$

'Пожар вот-вот перекинется на скотный двор! Буквально: 'пожар говорит, что он перекинется'.

(19) *Кежээден бээр чаап кээр деп барып-тыр* (СС.А, эл. версия).

кежээ= $ден$ бээр чаа= $п$
вечер= ABL POSP дождь= CV
кэ= $эр$ деп
AUX.приходить= PtP CV
бар= $ып=тыр$
AUX.идти= $CV=MOD$

'Ближе к вечеру пойдет дождь' (пойти, говоря, идет).

(20) *Эжик уштунар деп барды.*

эжик= $\emptyset$ уштун= $ар$ деп
дверь= NOM сорваться= $INFIN$ CV
бар= $ды=\emptyset$
идти= $PAST_{fin}=3Sg$

'Дверь вот-вот сорвется с петель' ('сорваться говоря, идет.')

(21) *Поезд станция же кээр деп барды.*

поезд= $\emptyset$ станция= $же$ кэ= $эр$
поезд= NOM станция= LAT приходить= $INFIN$
деп бар= $ды=\emptyset$
CV идти= $PAST_{fin}=3Sg$

'Поезд вот-вот придет на станцию' ('приходить говоря, идет.')

Приобретение конструкцией с глаголом *ходить* **перспективного** значения в литературе определяется как периферийный путь грамматикализации: положение дел в точке отсчета является предпосылкой для последующего осуществления ситуации Р.

В хакасском языке это значение обнаруживается в конструкции *чир=* 'ходить' с инфинитивом [ГХЯ 1975, с. 245].

(22) Хак.: *Адай позирга чир.*

адай пози= $рга$ чөр= $\emptyset$
собака срываться= INF идти= $3Sg$
'Собака вот-вот сорвется' ('ходит сорваться').

д) Грамматикализованная причастная АК инфинитивного типа, второй компонент которой выражен частицей *чыгы* 'около, почти, чуть ли не'. Первый компонент – инфинитив на $=ar$. Статус лексемы *чыгы* в составе данной АК условно определим как «частица».

(23) *Кожа аалдарже-даа маңнаар чыгы мен* (ССА, эл. версия).

кожа аал= $дар=же.даа$
соседний аал= $PL=LAT.PRTCL$
манна= $ар$ чыгы мен= $\emptyset$
бежать= $INFIN$ PRTCL я= NOM

'Я почти готов был бежать в соседние аалы'.

Третья стратегия представляется синтетическими формами. Прежде всего, формой на $=галак$ и формой на $=ды$.

При помощи формы на $=галак$ описывается какое-либо положение дел, состояние природы, условие совершения основного действия, возраст человека (вот-вот исполнится столько лет), занятия традиционным хозяйством, которые у тувинцев совершаются обязательно в определенное время суток. Форма на $=галак$ несет в себе сему обязательности, неизбежности, предрешенности действия независимо от воли субъекта (природного объекта, человека); в ней заключена семантика недавнего (или давнего) выхода объекта из своего прежнего качества и перехода в другое качество.

(24) *Чодураа чечээ чазылгалак* (КК.Ыб., с. 143).

чодураа= $\emptyset$ чечээ= $\emptyset$
черемуха= NOM цветок= NOM
чазыл= $галак$
распускаться= IMF

'Цветы черемухи вот-вот распустятся.'

В хакасском языке форма на $=галак$ имеет значение прошедшего еще не осуществленного

действия [ГХЯ, 1975, с. 235], которое ожидается, но еще (до момента речи) не совершилось.

(25) *Хайылгалах хар.*

хайыл=галах хар=Ø
таять=PP снег=NOM

‘Еще не растаявший снег’.

В тувинском – это будущее ожидаемое время, которое переводится ‘вот-вот’, ‘вот сейчас’ или прошедшим временем ‘еще не’. Семантика сложная, включает несколько сем; в ней также активно реализуется аспектуальное значение *проспектива*.

(26) *Таразын кезип дооскалак шөлдер орукту дургаар шөйлүп чоруткан.*

тара=зы=н кез=ип
хлеб=POSS3=ACC косить=CV
доос=калак шөл=дер=Ø
оканчивать=IMF поле=Pl=NOM
орук=ту дургаар
дорога=ACC вдоль
шөй=л=үп чору=т=кан
тянуться=RFL=CV AUX.быть=CAUZ=PP

‘Вдоль дороги тянулись поля, хлеба которых вот-вот должны скосить’.

Форма прошедшего времени на =ды была формой перфекта в древнеуйгурском языке и в языке орхоно-енисейских памятников. Впоследствии она утратила перфектное значение, которое стало передаваться формами на =мыш и =ган. Форма на =ды сохранилась в большинстве современных тюркских языков, в которых она выражает значение прошедшего очевидного или недавнопрошедшего времени. В тувинском языке прошедшее время на =ды может быть использовано в значении других времен: настоящего и будущего (предупредительного будущего времени). Проспективное значение формы на =ды реализуется в сочетании с глаголами, выражающими просьбу, желание, радость, волеизъявление и т. п.

(27) *Оожум-аяар, барып уштун* (ГТЯ, с. 369).

оожум.аяар бар=ып уш=ту=н
тихо.тихо идти=CV падать=PAST_{fin}=2Sg

‘Тише-тише, не упади!’

ВЫВОДЫ

Важным свойством АК как источников, способствующих их грамматикализуемости, является способность языковой единицы быть исполь-

зованной для описания более широкого круга явлений, чем тот, который соответствует ее основному значению. В ходе грамматикализации для передачи определенного смысла возникает новое средство; как правило, оно является более выразительным и экспрессивным, нежели прежняя форма, и подразумевает определенный «творческий акт» со стороны говорящего.

В области периферии набор источников грамматикализации в тувинском языке потенциально открыт. Нами очерчена ядерная часть источников.

Инфинитив, а в этой функции в тувинском языке используются АК инфинитивного типа с падежными формами причастия будущего времени на =ар в позиции первого компонента в сочетании с глаголами с широкой семантикой движения, является одним из грамматикализованных источников выражения значения **проспектива** в тувинском языке.

Семантика инфинитивных АК – характеристика способов восприятия ситуации говорящим. Описание способов восприятия ситуации говорящим – прерогатива категории аспекта. В некоторый фиксированный момент времени – в период наблюдения – реализуется один из фрагментов ситуации (или вся ситуация в целом). Проспектив («проспективный вид») маркирует подготовительную стадию ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. – М., 2000.
Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М., 2011.
Шамина Л.А. Конструкции модально-инфинитивного типа в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. – Вып.1. – Новосибирск: НГУ, 1995. – С. 52–68.
Comrie B. Aspect. Cambridge University Press, 1976.
Dahl Ц. The grammar of future time reference in European languages // Dahl (ed.) 2000.
Dik S.C. The theory of functional grammar. P.1: The structure of the clause. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
Kuteva T. Auxiliation: An enquiry into the nature of grammaticalization. – Oxford: Oxford University Press, 2001.
Monika Rind-Pawłowski. Prospective in Dzungar Tuvan // Goethe-Universität Frankfurt / Freie Universität Berlin. monikapawłowski@live.de

Nevskaya I. The Typology of prospective in Turkic Languages. In: *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Focus on: Sentence types and sentence structures. Gippert, J., Erdal, M. & VoЯen, R. (Eds.). 58/1, 111–123.

СПИСОК ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

ABL – аблатив; **ACC** – аккузатив; **AUX** – вспомогательный глагол; **DAT** – датив; **IMF** – причастие ожидаемого будущего на -галак (Imminent future); **INFIX** – инфикс; **NOM** – номинатив; **CAUZ** – каузатив; **CV** – деепричастие; **PAST_{fin}** – форма прошедшего времени на -ды; **PI** – множественное число; **PERS** – персональность; **POSS** – посессивный аффикс; **PP** – причастие прошедшего времени; **Prev** – преверб; **PrP** – причастие будущего времени; ↓ – элизия; **Sg** – единственное число.

СОКРАЩЕНИЯ

ГТЯ – Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. – М., 1961.

ХЯГ 1975 – Грамматика хакасского языка. – М., 1975.

К.кт – Кудажы К.-Э. Уйгу чок Улуг-хем. Кызыл том. – Кызыл, 1974.

Кудажы, 1996. – Кудажы К.-Э. Ыржым булунг. – Кызыл, 1996.

К-Э.К. Т.к – Кудажы К.-Э. Таңды кежи. – Кызыл, 1984.

КК.Ыб. – Кудажы К.-Э. Ыржым-булунг. – Кызыл, 1965.

ССА (СС.А, эл.версия).

ТРС – Тувинско-русский словарь. – М., 1968.

Ш.С. – Суван Шагыр-оол. Хүн-Херелден аалчылар. – Кызыл, 1992.

Уйгу..., – Кудажы К.-Э. Уйгу чок Улуг-Хем. – Кызыл, 2002.

L.A. Shamina

About prospective in the Tuvan language

The Prospective is symmetrical to the Perfect: the latter presents an action already committed action as is still significant at the moment of speech; the first is not yet accomplished action as already significant at the moment of speech. Category Prospective was established as a cross-linguistic grammatical category in recent times. This category has never been described for Tuvan. In the present paper, we strive to give a preliminary description of the inventory of Tuvan prospective means and sources of their development.

Keywords: predicate, biverbal, analytical constructions, auxiliary verbs, verbal adverbs, multicomponent, perfect, prospective.

УДК 811.512.157

Т.Н. Николаева

Формула сравнения как форма описания внешности героя (на материале якутского олонхо «Ала-Булкун»)

Проанализированы образные сравнения, используемые для описания внешности главного героя. Выявлена трехкомпонентная формула сравнения, описаны объект, основание и эталон сравнения в тексте олонхо. Трехкомпонентное сравнение позволило представить образно внешний облик героя.

Ключевые слова: образное сравнение, описание внешности, структура сравнения, героический эпос, окказиональные сравнения, модель сравнения, показатели сравнения.

Статья посвящена выявлению и изучению образных сравнений в тексте олонхо, который отличается богатством символики, слов-архаизмов, образных слов и выражений, различными изобразительными средствами, в том числе сравнениями.

«Якуты любят остроумные обороты, каламбуры, красное словцо, прибауточки и сравне-

ния. Красноречие у них в большом почтении, и не раз на сходках можно слышать длинные и искусно построенные речи...». Так писал В.Л. Серошевский [1993] о якутах. Это подтверждает и олонхо «Ала-Булкун», записанное от олонхосута Эмисского наслега Амгинского улуса Т.В. Захарова-Чээбия [Захаров, 1994], в котором широко представлены индивидуаль-

но-творческие, окказиональные сравнения, отражающие сопоставление предметов и явлений, окружающих человека, на основе их сходства и наличия общего признака.

Сравнение — одно из самых ярких средств языка, устанавливающих связи и отношения между предметами и явлениями действительности. Эти связи позволяют наглядно представить сравниваемые предметы и явления и глубже понять и познать их. Оформляются сравнения с помощью лексических, морфологических, синтаксических средств и закрепляются в сознании говорящих в виде определенных моделей компарации.

Традиционная логическая модель сравнения состоит из объекта сравнения (А), основания сравнения (С), эталона сравнения (В), вводимого сравнительными союзами. Данная модель сравнения, несомненно, имеет бесчисленное множество вариаций, что обеспечивает разнообразие и неповторимость образных представлений носителей языка об окружающем мире. В зависимости от того, лексически закреплённым или не закреплённым является объект сравнения, образное сравнение предстаёт то как двухкомпонентное (основание сравнения + сравнительный оборот), то как трехкомпонентное образование (объект сравнения + основание сравнения + сравнительный оборот). Иногда в структуре сравнения его основание представлено имплицитно, поскольку при лексически закреплённом объекте признак сравнения понимается однозначно всеми носителями языка и в речи обычно опускается. Объектом сравнения могут быть одушевленные, неодушевленные предметы, абстрактные понятия и т.д.

Основание сравнения фиксирует признак, позволяющий и обуславливающий параллелизм объекта и эталона. Можно утверждать, что основание сравнения фактически составляет семантическую основу всего сравнения, имеющего сложный логико-компаративный состав.

Эталоном сравнения становятся сам человек, животный и растительный мир, явления природы, окружающие человека предметы и т.д.

Показатели сравнения в якутском языке занимают место обычно за эталоном сравнения, иногда в препозиции к основанию сравнения, если оно выражено эксплицитно. По частотности, семантической и синтаксической универсальности следует выделить такие показатели сравнения,

как «курдук» — 'как, словно, подобно'; «дылы» — 'словно, подобно, вроде'; «кэриэтэ» — 'как будто; равносильный, соответствующий чему'.

По мнению Ю.И.Васильева [1986], среди всех показателей сравнения самым распространённым в якутском языке является служебное слово «курдук». Вслед за ним идут служебные слова «дылы» и «саҕа», где «саҕа» означает 'величиной с; равный, подобный, наподобие', а также аффиксальные показатели сравнения -лыы и -тааҕар и др.

В анализируемом тексте* для описания внешности героя-богатыря Ала-Булкуна используется развернутая цепь сравнений, занимающая строки с 50 по 100, т.е. описание охватывает 13 отдельных, но семантически и структурно тесно спаянных сравнений с повторяющимся 13 раз компонентом сравнения «курдук», что создает образно-смысловую целостность. В этом отрывке мы наблюдаем строгую последовательность описания внешнего вида данного героя, начиная с макушки и кончая ступнями, т.е. сверху вниз.

Например:

Ой хара тыаны
Ортотунан ойо баттаан ылбыт курдук
Ойбонноох оройдоох,
Аллантан киирбит
Хара саарбаны
Хардарыта туппут курдук
Харалаах хара көмүс хаастаах.
Кытайтан кэлбит
Кыһыл саһылы
Кыттыһыннары уурбут курдук
Икки кыһыл көмүс имнээх
Аллаах ат сототун
Сулуйа баттаан баран
Туруору туппут курдук
Хансаардаах үрүн көмүс муруннаах,
Уон атыыр туллугу
Кэккэлэччи туппут курдук
Аалыылаах дьыры көмүс тиистээх,
Бойлуод ыал лип хаан халҕанын
Тэлэйэн кэбиспит курдук
Былаа манан түөстээх;
Уолах тиити төрүт чууркатынан
Быһыты быспыт курдук
Кырыылаах сылбаран маҕан харылаах,
Икки хоппо күрдьэх курдук
Икки сабарай таас ытыстаах,
Уон тыһы кырынааһы таннары
сахсийбыт курдук

* Текст на якутском и русском языках приводится по кн.: Захаров Т.В.—Чээбий. Ала-Булкун. Якутское олонхо. — Якутск, 1994. — С. 11, 70.

Бабыа көмүс тарбахтаах;
Икки кэрэ сылгы кэлин мындаатын
Кэккэлэтэ туппут курдук
Түһүү төгүл маҕан ныйлбэктээх,
Баай тиити
Баһын-атабын быһыты сыспыт курдук
Дьулагыр маҕан сотолоох,
Сэттэ мастаах сиитик оночону
Иттэннэри кэбэ кэбиспит курдук
Сабарай таас уллунахтаах;
Тоҕус мастаах хойуук оночону
Туруору кэбэн кэбиспит курдук
Бөлтөркөй бүрүө көбүстээх,
Күтүр улахан киһи эбитэ үһү.

В приведенном примере сравнение предстает как трехкомпонентное образование, имеющее объект сравнения, основание сравнения и сравнительный оборот.

Поскольку в олонхо описывается внешность человека, естественно, что объектом сравнения являются соматизмы.

Например:

Теменная часть головы

Ой хара тыаны
Ортотунан ойо баттаан ылбыт курдук
Ойбонноох оройдоох ‘темя его головы’,
словно островок дремучего леса’

Брови

Аллантан киирбит
Хара саарбаны
Хардарыта туппут курдук
Харалаах хара көмүс хаастаах ‘брови черны,
словно сложенные разными концами отборные
черные соболиные меха’

Щеки

Кытайтан кэлбит
Кыһыл саһылы
Кыттыһыннары уурбут курдук
Икки кыһыл көмүс имнээх ‘щеки красны,
словно сложенные шкуры китайской огненно-
красной лисы’

Нос

Аллаах ат сототун
Сулуйа баттаан баран
Туруору туппут курдук
Хансаардаах үрүн көмүс муруннаах ‘нос
продолговат, словно берцовая кость быстрого
коня’

Зубы

Уон атыыр тулугу
Кэккэлэччи туппут курдук
Аалыылаах дыры көмүс тиистээх ‘зубы ров-
ные, словно сложенные рядом крупные пуночки’

Грудь

Бойлуод ыал лип хаан халҕанын
Тэлэйэн кэбиспит курдук
Былаа маҕан түөстээх ‘грудь широка, слов-
но настезь распахнутые громоздкие двери’

Предплечья

Уолах тиити төрүт чууркатынан
Быһыты быспыт курдук
Кырыылаах сылбаран маҕан харылаах ‘пред-
плечья белы и гладки, словно лиственничные
комли’

Ладони

Икки хоппо күрдьэх курдук
Икки сабарай таас ытыстаах ‘ладони широ-
ки, словно громадные деревянные лопаты’

Пальцы рук

Уон тыһы кырынааһы таннары сахсыйбыт
курдук

Бабыа көмүс тарбахтаах ‘пальцы дутые, словно
свисающие вниз пушистые шкурки горностаев’

Бедра

Икки кэрэ сылгы кэлин мындаатын
Кэккэлэтэ туппут курдук
Түһүү төгүл маҕан ныйлбэктээх ‘бедра белы,
словно круп двух отборных коней’

Голени

Баай тиити
Баһын-атабын быһыты сыспыт курдук
Дьулагыр маҕан сотолоох ‘голени прямы,
словно могучие лиственничные стволы’

Ступни

Сэттэ мастаах сиитик оночону
Иттэннэри кэбэ кэбиспит курдук
Сабарай таас уллунахтаах ‘ступни прочны,
словно лежащий баркас’

Спина

Тоҕус мастаах хойуук оночону
Туруору кэбэн кэбиспит курдук
Бөлтөркөй бүрүө көбүстээх ‘спина велика,
словно прямо стоящий баркас’

В тексте отсутствует описание глаз, ушей, лба, формы лица, что не мешает, в целом, представить читателю или слушателю внешность фантастического богатыря Ала-Булкуна.

В основании сравнения обычно лежит наиболее характерная для данных компонентов сравнения черта. Общий признак, положенный в основу сравнения, может быть представлен эксплицитно и/или имплицитно.

Выражение основания сравнения именем прилагательным оказалось характерным для исследуемых единиц. Имя прилагательное в качестве основания сравнения представлено:

1) прилагательными, обозначающими «белый», «черный», «красный» цвета с разными оттенками.

Например:

Аллантаан киирбит
Хара саарбаны
Хардарыта туппут курдук
Харалаах хара көмүс хаастаах.

Посредством данного сравнения на основании общего признака объекта и эталона описываются брови героя, поэтому носителю языка нетрудно провести параллель между формой и цветом бровей богатыря и сложенных разными концами отборных черных соболиных мехов: брови черные, словно черные алданские соболиные меха;

2) параметрическими прилагательными «широкий», «великий», «огромный» и т.д.

Например:

Икки хоппо күрдүх курдук
Икки сабарай таас ытыстаах

Сравнение ладоней богатыря с громадными деревянными лопатами подчеркивает неимоверный размер ладоней богатыря.

Проанализировав сравнения, используемые для описания внешности Ала-Булкуна, мы можем представить, что у героя прямые, густые, блестяще-черные брови; крупный продолговатый нос; крупные, ровные зубы; огромная грудь; белые мускулистые предплечья; крепкие широкие ладони; крепкие и прямые голени; прочные ступни; могучая и крепкая спина.

Эталон сравнения в тексте олонхо представлен существительными, обозначающими предметы и явления окружающей действительности, животный и растительный мир, артефакты. Например, соболиные меха, шкурки красной лисы, горностая; части тела лошади; стволы лиственницы; громоздкие деревянные лопаты; сделанные из добротного дерева широкие двери, деревянный баркас.

Например:

Бойлуод ыал лип хаан халҕанын
Тэлэйэн кэбиспит курдук

Былаа манан түөстээх 'грудь широка словно настежь распахнутые громоздкие двери'

Как видно из примеров, для сравнения берутся самые простые и обыденные предметы быта, т.е. то, что окружает якута дома.

Все сравнения сопровождаются одним, повторяющимся в каждом отдельном случае, показателем сравнения «курдук», что подтверждает слова Ю.И. Васильева о большей распространенности данного компонента.

Описание общего внешнего вида главного героя разворачивается постепенно посредством последовательного использования схожих по построению сравнений. Интегральным и смыслообъединяющим признаком данных сравнений является семантическая парадигма со значением «высшая степень», и поэтому в анализируемом тексте проявляется высшая степень признака могущества, силы, громадности Ала-Булкуна. По мнению В.Я. Михайлова [1972], «сравнительная часть переосмысливается, превращаясь из элемента сравнения в элемент усиления ... первого компонента».

Построенный из цепи необычных сравнений, следующих друг за другом, образ Ала-Булкуна позволяет нам представить эпического героя-богатыря поистине величественным, сильнейшим и красивейшим.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Ю.И. Способы выражения сравнения в якутском языке. — Новосибирск: Наука, 1986.
Захаров Т.В. Чээбий. Ала-Булкун. Якутское олонхо — Якутск, 1994.
Михайлов В.Я. Основные структуры и семантические свойства фразеологических единиц в современном немецком языке // Некоторые вопросы романо-германской филологии. — Вып. 5. — Челябинск, 1972. — С. 9.
Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. — М., 1993.

T.N. Nikolaeva

Comparison as a form of description of the hero's appearance (based on the Yakut epic Olonkho «Ala-Bulkun»)

This article analyzes the figurative comparison used to describe the appearance of the hero. The three components of comparison are described in the text of olonkho: the object, the base and the standard of comparison. Three-component comparison allowed to present graphically the appearance of the hero.

Keywords: figurative comparison, description of the appearance, structure of comparison, heroic epic, occasional comparisons, a model of comparison, indices of a comparison.

А.М. Николаева

Экспрессивные средства в якутском эпическом тексте

Рассматриваются основные фонологические, синтаксические, морфологические и лексико-семантические экспрессивные средства, используемые в эпическом тексте, на примере олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова «Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур» («Строптивный Кулун Куллустуур»).

Ключевые слова: выразительность речи, эпический текст, экспрессивность, эмоциональность, образность.

Как известно, экспрессивность как речевая (прагматическая) категория в лингвистике традиционно отождествляется с выразительностью [Галкина-Федорук, 1958; Арнольд, 1975; Лукьянова, 1979, 2003; Телия, 1991].

Коннотативные признаки экспрессивности включают в себя эмоциональный, оценочный и интенсивно-экспрессивный компоненты. Категория *эмоциональности* рассматривает выражение эмоций, чувств; категория *интенсивности* — качественное количественное усиление смысла; *оценочный компонент* — это субъективная оценка. Помимо этого как обязательный компонент экспрессивности исследователи отмечают *образность*. Образность — это та сущность, которая вызывает и эмоциональную реакцию, и интенсивность, т.е. выступает как стимулятор экспрессивности.

Экспрессивность в широком смысле предусматривает все выразительные средства речи. Якутский язык, как любой другой язык, наделен богатыми экспрессивными ресурсами. Особая красочность, выразительность, богатая внутренняя форма якутской речи были отмечены многими исследователями (Н.А. Виташевский, Э.К. Пекарский, В.Л. Серошевский, С.В. Ястремский и др.).

Н.А. Виташевский в статье «Материалы для изучения якутской народной словесности» пишет: «Якуты способны к сильным душевным движениям и умеют выражать свои чувства в звучных экспромтах. Эта способность и это умение находится в тесном отношении с подмеченным у якутов ораторским талантом. У якутов особый колорит речи, они способны увлекать слушателей» [цит. по: Эргис, 1974, с. 47].

В данной статье мы рассмотрим проявление фонологических, морфологических, синтаксических и лексико-семантических средств вы-

ражения экспрессивности в тексте известного олонхо И.Г. Тимофеева—Теплоухова «Строптивный Кулун Куллустуур».

1. *Фонологические средства.* Фонологическими средствами выражения экспрессивности являются способы, связанные со звуковой оболочкой слова, текста. В тексте это могут быть так называемые просодические средства: интонация, темп речи (пауза, ударения), аллитерация, ассонанс, паронимия (близость звучания контекстуально-связанных слов), различные виды повтора (рифма, акронограмма, ритм). Относительно лексических единиц это звуковая оболочка слова, в частности, изменение того или иного звука с целью усиленной передачи определенных чувств, эмоций.

В якутском языке подобной экспрессивной фонетической формой является изменение конечного гласного. Изменение конечного гласного с целью усиления значения было впервые отмечено Е.И. Убрятовой, позднее Е.И. Коркиной, Н.Д. Дьячковским.

В олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» можно найти множество примеров фонетического усиления выразительности. Это, в основном, изменение гласного конечного слога — удлинение или замена долгого гласного дифтонгом. (Все примеры и переводы взяты из кн.: Тимофеев—Теплоухов И.Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур. — М., 1995. В скобках даны номера строф в олонхо):

Куолайдата турарын

Куруһунун көрбөккүүн?!

Бэлэстэтэ турдаххын да-а!

Как горло дерет,

Ишь как разорался, леший ?!. (90)

Тобус оройгун тобулу киирдэбэ,

Алдьаммыт абаккатын көрбөккүүн!

Вот досада, погляди-ка,

Порубили дивное тело твое! (116)

Помимо того, что своеобразные междометия в олонхо придают экспрессивный оттенок, их фонетическая формула обеспечивает дополнительную эмоциональность: *Нуу, а-а-ы-а-ы-а!* (44) *Ой, ай, уй, буйаккам* (57); *Муо-о, ой, муо, буй-акам!* (66); *Мо-о, хор, хор!* (90); *Муо-а-йака-ам!* (67); *Тый-тыйбын, аай-аайбын!* (114); *Му-у! Ой, буйаккам!* (116); *Иэ-доммун, татай!* (119); *Ма-а-ыа, хор, хор!* (260); *Бай, бай, да дуоба-ар!* (112) и т.п.

Подобное изменение конечного гласного с целью усиления выражения часто наблюдается в обращениях:

Ноколо-ор, тойон убайгыт
Куруубай Хааннаах
Кулун Кулустуур тахсыбыт
 Парни, Почтенный
 Строптивый Кулун Кулустуур
 Поднялся сюда (50)
Чэйинг, доботто-ор!
 Ну, друзья! (56)
Хотуок, сэгэ-эр! — дишлэр
 Дочка наша, милое дитя наше (79)
Ноко-о эрэ, нойончой
 Парень мой необузданный (86)
Ма-ай да, дуба-ар,
Ой да, дуба-ар!
Ма-ай да, дугар
О-ой, дуба-ар
О-ой друг! (90).
Доборуккам обото-о!
 Дружок миленький! (33)
Нойо-он, күн айы уола! (93)
 Парень, сын солнечного айы!
Эчи, ноколо-ор!
Эчи, хотуокта-ар!
 Парни мои, девки мои! (111)
Анабыллаах атырыам
Итэбэллээх эрикэ-эм, дорообону тут!
 Предназначенный мне самец,
 Верный муж мой! (264)

2. *Синтаксические средства.* Синтаксическими средствами выражения экспрессивности являются типизированные модификации строковых синтаксических единиц, обладающие экспрессивным значением: амплификация; инверсия, транспозиция, параллельные синтаксические конструкции; синтаксические повторы; хиазм — в двух соседних словосочетаниях (или предложениях), построенных на параллелизме, второе строится в обратной последовательности, *эпифора* — повторение слова в конце двух или более фраз, *полисиндетон* — повторение союзов и т.п.

Например, в олонхо отрывок из стиха, где говорится о главном герое, состоит из следующих синтаксических конструкций:

Былыргы дьыл быдан мындаатыгар, /10
Урукку дьыл кулан уорбатыгар, /10
 На далекой вершине давних лет,
 На отдаленном хребте минувших лет
Түөрт саха төрүү илигинэ, /9
Үс саха үөскүү илигинэ, /9
Икки саха итиллэ илигинэ, /11
 Когда четыре якута еще не родились,
 Три якута еще не явились на свет,
 Два якута еще не были вскормлены (1)
Кулгааҕар кураҕаччы кыыллаах, /9
Кэтэбэр кэбэ кыыллаах, /7
Саннагар сар кыыллаах, /6
Көхсүгэр көбөн кыыллаах, /7
Өттүгэр өтөн кыыллаах, /6
Борбуйугар борчук куобахтаах, /9
 С кроншнепом птицей на ушах,
 Кукушкой птицей на загривке,
 Сарычем птицей на лопатках
 Селезнем птицей на крупе,
 Голубем птицей на бедрах
 Серыми зайчатами на подколенках (10)
Үөһэ Сибииргэ ааттаммыт аата /10
Чимэчи кугас аттаах, /7
Аллараа дойдуга ааттаммыт аата /11
Атабынан оонньуур /6
Айдаар кугас аттаах, /6
Орто дойдуга ааттаммыт аата /10
Кутуругунан оонньуур /7
[Куньылык] Куйаар кугас аттаах /9
 В верхней Сибири названный
 Огненный рыжий конь,
 В Нижнем мире названный
 Буйный рыжий конь,
 Который резвясь, перебирает ногами,
 В Среднем же мире названный
 Вихревой рыжий конь,
 Который резвясь, помахивает хвостом (20).

Здесь экспрессивность создают, прежде всего, стихобразующие формульные элементы. Особая роль принадлежит синтаксическому параллелизму. Высокая экспрессивная тональность передается и через звуковое оформление стиха. В вышеприведенном отрывке это 6-7-9-10-11-сложные строки, обеспечивающие своеобразный ритм стиха, а также рифма и аллитерация, создающие особый тон и звучность. Как видно, здесь преобладают рифмы — лексические повторы: *илигинэ-илигинэ, кыыллаах-кыыллаах, аата-аата, аттаах-аттаах*. В тексте

олонхо данные синтаксические конструкции периодически повторяются.

Внешний вид богатыря Кулун Куллустуура также описывается с использованием традиционных средств олонхо. Вот формульная фраза, описывающая эпического героя-богатыря племени айыы:

*Кэтит нанабар түөстээх,
Үс былас үөкэйэр өттүктээх,
Биэс былас мээкэйэр бишлээх,
Алта былас дарайар сарыннаах,
Түөрт былас күлүгүр моойноох,
Бөбө мөрсүүннээх,
Быһый быһыылаах,
Киһиттэн кириһинэн ордук,
Сахаттан саалынан ордук,
Бухатыртан сүөмүнэн ордук,
Киһи гиэнэ кэрэмнэ,
Саха гиэнэ саара*

С высокими бедрами — в три маховые сажени,
С гибкой талией — в пять маховых саженей,
С широченными плечами —
В шесть маховых саженей,
С прямой шеей — в четыре маховые сажени,
Крепко сбитый,
Быстрый на ноги —
Он на целую тетиву лука выше других людей,
На голову выше рослых якутов,
На целую пядь выше других богатырей.
Он — лучший из людей,
Отменный из якутов (9).

Здесь имеют место рифмы, в которых при совпадении гласных в аффиксах различаются согласные звуки *тээх-лээх*, и рифмы, в которых при совпадении согласных в аффиксах различаются гласные звуки: *наах-ноох-нээх, лээх-ла-ах*. Преобладают рифмы, в которых созвучны слова одних и тех же частей речи с одинаковым количеством слогов, например прилагательного, образованного посредством аффикса *-лаах*: *түөстээх — өттүктээх — бишлээх — сарыннаах — моойноох — мөрсүүннээх — быһыылаах*.

Начальное созвучие первых слов строки создает аллитерационно-ассонантную гармонию, что также придает экспрессивность и выразительность тексту:

*Хара саһыл кыылы
Хайыта-тырыта бысталаан
Харах-хаас онгорбут курдук
Халбалдьыгас
Хара көмүс хаастаах-харахтаах
У него такие подвижные
Черненого серебра брови и глаза,
Словно брови и глаза сладили ему,*

Распластав на две половины
Черную лисицу (9).

Все исследователи, занимающиеся изучением якутского стиха, отмечают, что формульные элементы, звуковая организация фольклорного произведения придают стиху особую выразительность (см.: Г.М. Васильев [1965], М.Н. Дьячкова [1998]). М.Н. Дьячкова пишет: «Аллитерация служит как стилистический прием для придания стиху, речи большей звучности, выразительности, что соответствует народным эстетическим традициям. Якуты вообще любят украшать свою речь, и по народной традиции считается, что чем больше созвучий, тем стих красивее» [Дьячкова, 1998, с. 141].

Как отмечает Р.О. Якобсон [1987, с. 101], «параллелизм есть не просто прием синтаксического дублирования по заданной формуле, его применяют для создания эффекта — происходит наложение друг на друга синтаксических образов с тем, чтобы наделять их объемностью и глубиной, повторяется конструкция, в результате чего воедино связываются синтагмы, которые по началу представляются лишь свободно следующими друг за другом».

3. *Морфологические средства.* К морфологическим средствам внутриязыковой экспрессивности исследователи относят экспрессивные морфемы (аффиксы, суффиксы). Ш. Балли классифицирует их как *уменьшительные* и *увеличительные*, а также *уничижительные* и *хвалебные* и определяет их как *аффиксы субъективной оценки*.

В русском языке суффиксы *-к-, -ик-, -ишк-, -ечк-, -очк-, -чок-, -ул-, -ус-, -ан-, -ун-, -ач-, -ыш-, -ил-, -ин-, -ищ-, -ух-, -ох-, -ях-* и др. называют *суффиксами субъективной оценки*, или *эмоционально-оценочными суффиксами*, передающими различные оттенки чувств.

Сложность и неоднозначность процесса производства оценочных образований не позволяет безоговорочно относить субъективные аффиксы, суффиксы либо к словоизменению, либо к словообразованию. По-видимому, рассматриваемое явление находится на границе между этими двумя процессами.

В олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» слова с определенными аффиксами создают эмоционально-экспрессивную картину:

Хаар курдук баттахтаах, Хабабайкаан эт-тээх (15); *Убаккаам, быралыйар бырастыы* (22); *Айдаарыкы Кугас атын үрдүгэр түһэр* (24); *Доборуккам обото-о! Уордайыма даа, Киһи бую-*

лар кэрэмэс кэскилибитин тэриниэх даа (33); *Кэргэн билэ дьонум бэттэх буолуйун!* (44); *Күөгэл Нус-хал удабан дьүөгэккэйим (дьүөгэнтэйим), Дьорбоһун удабан, доборукам обото* (45); *Кулун Куллуустуур тахсыбыт Куруубайдыны собус киһи буолуоҕа* (50); *Кырдьык даҕаны киэптэннэбит, Киэбирбит киһи эбит* (55); *Дьаҕайа ырыаккам, табык тойугум! Ноко-о эрэ нойончой, Уостубутум, ойдубутум, Одунум!* (86); *Айдаарыкы кугас атым* (81); *Сизникэм оботун Күн айыы ууһа Сиир күнэ буолбут* (93); *Хотун эдьикэм, Быралыйар бырастыы!* (94); *Тугу аһаахтаарыгын тыл биэрэ, Илбис ыһа сылдыахтыгыгын?* (95); *Дьаҕайа ырыабын, Ноко эрэ ноколой, Истэн туру-уй эрэ!* (99); *Ала Мургун Бухатыыр, Көрсүүкэм обото, эрикэм обото, Бэттэх буола тарды-ый!* (100); *Хайдахтаах дьон кэлэн Бу айылаах гынан эрэллэрий* (110); *Хотуммут обото-о, эдьиикэйбит обото-о!* (123) и др.

Иногда усилительным свойством могут обладать и префиксы: *Су-бу миигинэн барар барбат тылгын Иһитиннэриэн үһү* (22); *Су-бу дойдуга кэлэрэ эбит буоллар* (23); *Суочоботохто муннугар Лаадан сыта сабыта биэр-тэлээтэ* (46) и др.

3. *Лексико-семантические средства.* Лексико-семантическим средством выражения экспрессивности является метафорический, метонимический перенос наименования. Следует подчеркнуть роль так называемой *внутренней формы*: «Выражение эмоционально-оценочного отношения и собственно создание экспрессивности речи опирается на ряд языковых явлений, из которых самым эффективным и информационно насыщенным является *внутренняя форма*, создающая сильный мотив для эмоционального состояния» [Сандомирская, 1991, с. 116]. По словам В.Н. Телия [1991, с. 45], «наиболее продуктивным способом создания экспрессивной окраски слов и выражений является ассоциативно-образное переосмысление значения, в основе которого лежат тропы, а среди них главенствующая роль принадлежит *метафоре* как самому простому по композиции, а потому безошибочно воспринимаемому приему переосмысления и усиления образного сигнала».

Для описания экспрессивной стороны стиха олонхо следует рассмотреть его внутреннее и внешнее содержание.

Важную роль в создании экспрессивности играет внутреннее содержание стиха, т.е. лексические единицы, словосочетания. Как отмечает П.А. Слепцов [1986, с. 110], «слово в эпосе

часто под воздействием контекста и приемов народной поэтики приобретает дополнительный экспрессивно-эмоциональный оттенок». В этом отношении наиболее характерны эпитеты. В олонхо наблюдается обилие эпитетов в форме устойчивых словесных конструкций, что является основным приемом создания художественности, выразительности. Отличительной чертой эпического текста является то, что в качестве эпитетов часто используются имена числительные:

Абыс кырыылаах
Тимир сардаана охтоох,
Сэттэ кырыылаах
Тимир тинсирики онобостоох
Тобус кырыылаах
Кутаа уот кустуктаах
Тобус уон бууттаах тимир
Чомпо сүллүгэстээх,
Бизс уон бууттаах тимир
Мэрилиир мээчиктээх эбитэ үһү
 Имел он, говорят, стрелу сардаана
 С восьмигранным железным наконечником,
 С семигранным железным наконечником
 Тинсирики-стрела сама выслеживала врага,
 Имел он девятигранную
 Играющую радугой огненной
 Сабельную пальму с черной нечистью
 Имел он девяностопудовую, увесистую
 Железную палицу-булаву,
 Имел он пятидесятипудовый, железный
 Громко ревуший мяч-ядро (11).

Усиление передают здесь, наряду с аллитерацией, числительные *восемь, семь, девяносто, пятьдесят*. Они, обладая качественно-гиперболизирующей, а не количественно-определяющей функцией, являются лексико-семантическим средством выражения экспрессивности.

Итак, в олонхо «Строптивный Кулун Куллуустуур» присутствуют все средства выражения экспрессивности: лексические, фонологические, синтаксические, морфологические. Они создают в олонхо формульную образно-смысловую целостность, находясь в связи между собой и оказываясь в одинаковых позициях.

Все формульные элементы, множество необычных сравнений, гипербол, эпитетов, сочетание звуков и т.п., подробность описания в олонхо говорят о том, что человек с давних времен воспринимает окружающий мир в художественно-изобразительном свете, что народу присущи природный ум, богатое воображение,

сильно развитое образно-ассоциативное представление, а также выразительность языка, способная все это передать.

Кладовая экспрессивности якутской речи — это исконная, самобытная разговорная и художественная речь.

Именно любовь к красноречию является фактором зарождения такого богатого якутского фольклора. Вершинным примером художественности якутского языка является олонхо. Одним из основных показателей величия олонхо признан его язык. Олонхо «Строптивный Кулун Куллуустуур» по сюжету и содержанию, несомненно, является одним из уникальных произведений устного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. — Л., 1975. — С. 40–52.
- Васильев Г.М. Якутское стихосложение. — Якутск, 1965. — 182 с.
- Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию — М.: Изд-во МГУ, 1958. — С. 103–105.
- Дьячковский Н.Д. Саха тылыгар сорох экспрессивнэй-эмоциональнай сыһыарыылар // Саха тыла: лексика, грамматика: сб. науч. тр. — Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. — С. 103–135
- Дьячковская М.Н. Аллитерация и рифма якутской поэзии. — Новосибирск: Изд-во СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1998. — 150 с.
- Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. — М.: Наука, 1970. — 307 с.
- Лиханов В.И. Эмоционально оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. — Новосибирск: Наука, 1994. — 130 с.
- Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. Семантика // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — Новосибирск, 1979. — Вып. 8. — С. 12–46.
- Лукьянова Н.А. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография: учеб. пособие для студентов и аспирантов филологических и других гуманитарных специальностей университетов. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. — 144 с.
- Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 114–136.
- Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. — 2-е изд. — М., 1993. — 736 с.
- Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Истоки, становление норм. — Ч. 1. — Новосибирск: Наука, 1986. — 260 с.
- Слепцов П.А. Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенациональных норм. — Ч. 2. — Новосибирск: Наука, 1990. — 273 с.
- Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. — М.: Наука, 1991. — С. 43–52.
- Убрятова Е.И. Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С. 82–90.
- Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. — М.: Наука, 1974.
- Якобсон Р.О. Работы по поэтике. — М., 1987 — 210 с.

А.М. Nikolaeva

Expressive means in the epic text

In the article consider the main phonological, syntactic, morphological and lexical-semantic expressive means used in the epic of the text on the example of Olonkho I.G. Timofeeva-Teploukhov «Kuruubay haannaah Kulun Kullustuur» («Obstinate Kulun Kullustuur»).

Keywords: expressiveness of speech, epic text, expressiveness and emotional imagery.

М.А. Кириллина

Жанрово-стилевое своеобразие комедий Н.Д. Неустроева

В статье анализируются сатирические комедии Н.Д. Неустроева. Выявляются доминирующие признаки сатирической комедии: вид комического, определяющий особенности конфликта и характера, тональность смеха. В комедиях Неустроева сохраняются жанровые маркеры сатирической комедии: построение конфликта между сатирическими персонажами, активизация сатирического героя.

Ключевые слова: сатирическая комедия, комедийный конфликт, комедийный герой, ремарка, ирония, сарказм.

Якутская комедия, один из основных и глубоко самобытных жанров, занимает особое место в национальной драматургии. Основоположником жанра якутской комедии является прозаик и драматург Николай Денисович Неустроев (1895–1929). Сатирические комедии писателя, созданные в короткий промежуток времени, в 1920–1925 гг., являются классическими произведениями якутской литературы.

Наибольшей остротой и актуальностью отличается комедия «Куһаҕан тыын» («Злой дух») Н. Неустроева, в центре которой проблемы духовно-нравственного характера. Постановкой комедии «Злой дух» 17 октября 1925 г. открылся первый театральный сезон якутской труппы Национального театра. Конфликт комедии строится на противоречиях между сатирическими персонажами и основан на традиционном сюжете — желании героев разбогатеть. Реализацию своей корыстной цели герои видят в выгодной женитьбе. Художественное воплощение конфликта подчинено особенностям комедийного жанра: чтобы жениться на дочери старика Бырдахова, герои крадут спрятанные им деньги, пускают их в оборот и становятся купцами. Комедийная ситуация, основанная на приеме «одурачивания», построение конфликта между сатирическими персонажами — все это определило специфичность интонационно-речевой организации пьесы, своеобразие приемов создания комического эффекта.

Мотив сватовства, свадебные сюжеты часто использовались в период становления национальной драматургии («Девушка, выходящая замуж», «Любовь» А. Софронова, «Поспешивший» Н. Неустроева). В этом значительно влияние, на наш взгляд, с одной стороны, комедии Н. Гоголя «Женитьба», которая ставилась в

1905 и 1909 гг. на русском и якутском языках. С другой — частое обращение драматургов к свадебному сюжету связано с театральной основой традиционного свадебного обряда.

Иронично само название пьесы. «Злой дух» в комедии приобретает человеческий облик в лице меркантильных и предприимчивых Конона и Семена. В речи сатирических героев иронично обыгрываются народные пословицы «Дьол хараҕа суох» («Счастье слепо») и «Уол оҕо дьоллоох, тангара баайдаах» («Мужчина счастлив, бог богат»), которые встречаются в тексте комедии более десяти раз.

Особой смысловой нагрузкой отличаются имена-прозвища героев. Комизм имен Күтэр уола (сын Крысы), Бырдах уола (сын Комара), прежде всего, связан с древними традициями якутского народа наделять человека именами-прозвищами. При этом анималистические прозвища создают не только комический эффект, но и некоторые ассоциации с животными, в данном случае грызуном и насекомым.

Намерение сына нищего жениться на единственной дочери богача является основой комедийной интриги. Нелепость и алогичность ситуации обусловили яркий и динамичный диалог свата, бродяги Семена Силээхтэ, и старика Бырдахова, особую языковую интонацию героев, эмоциональность тона. Именно данный диалог играет существенную роль в дальнейшем развитии конфликта. Получив грубый отказ и оскорбления от Бырдахова, бродяга Семен решает непременно отомстить ему и добиться женитьбы Конона («Сымаһыт Бырдах уола атаҕастаан бардаҕа абатын көрүҥ эрэ! Миэхэ оннообор, борокуокка моторуохунан сылдар эрдэхпинэ, хапытаан тойон кокуоска биэрбэт этэ». — «Посмотрите-ка, как сын Комара меня оскорбил! Даже на па-

роходе, господин капитан мне, матросу, шиш не показывал!»).

Привлекает внимание язык пьесы, отличающийся разговорной интонацией, подчеркнутой заостренностью, некоторой вульгарностью. По справедливому замечанию П.А. Слепцова, несомненно, это «предполагает высокую обработанность, отшлифованность языка персонажей в плане типизации ярких, характерных свойств живой разговорной речи» [Слепцов, 1986, с. 109].

Смеховой язык комедии отличается активным употреблением персонажами междометий (но — ну, бачах — ой, бай! — ба!, ок-сиэ — да ну, аата — фу ты), модальных слов (бэйи — погоди уж, хайа — ну, хата — а впрочем), эмоционально-экспрессивных выражений (лабангхалаама — не болтай, өрө мэнгитэн — быстро мчатся, эргичийэ турабын — вертеться, туох дэлби барда — взорваться и пр.), придающих тексту устно-разговорный характер. Безусловно, умелое обращение с живым разговорным языком, искусное владение тонкостями народного юмора в построении предложений, в создании диалогов свидетельствуют о высоком мастерстве, комедийном таланте писателя. Приведем пример из диалога Семена и Конона:

С и л э э х т э С э м э н. Дорообо, Күтэр уола Куонааскы! Манна тугу гына, мас ойуун курдук, эргичийэ турабын? Ханна бардын? (Щёголь Семен: Здравствуй, Конончик—Сын Крысы! Чего это ты тут стоишь-вертишься, словно чучело-шаман?)

К у о н а а н. Дофоччуок, мин эрэйгэ баран турабын... (Конон: Дружок мой, неприятности у меня...)

С и л э э х т э С э м э н (соһуйар). Туох дээ, дофоор?! Ол хайдах эмиэ моһуогурдун? (удивленно). (Щёголь Семен: Да что ты говоришь, дружище? Какие-такие неприятности?)

К у о н а а н. Көр эрэ, дофоор! Мин ойох ылых-пын санаталаан эрэбин. (Конон: Видишь ли, дружище! Я подумываю о женитьбе.)

Так, с обычного, на первый взгляд, диалога читатель-зритель вовлекается в интересное действие. Особенность подобных диалогов заключается в том, что они построены в форме свободной, непринужденной беседы-болтовни. При переводе на другой язык эти интонационные особенности разговорной речи теряются. Теряются и непередаваемые слова, например, образные слова — *дьүһүннүүр тыллар* — слова, отражающие внешний вид, походку человека. Использование образных слов в речи персонажей (*мөлбөйөн, бөлтөччү, дэлбэрий, купчурус*

гынна) и звукоподражательных слов (*лабардаа, чаабырбаа, тибиргэс*) подчинено особенностям комедийного жанра и придает тексту своеобразный национальный колорит.

Используя приемы гротеска и гиперболизации, драматург раскрывает типичный образ скупца. В якутской литературе образ скупого богача впервые был сатирически выведен в стихотворении А. Кулаковского «Кэччэгэй баай» («Скупой богач», 1907). В пьесах А. Софронова «Кэччэгэй кэриэһэ суох» («Скупой без завещания», 1918) и «Олох оонньуура» («Жизнь играет», 1918) характеры скупцов изображены в жанре драмы. Н. Неустроев трактует эту тему в новом для якутской литературы жанре — комедии.

Идеализация роли денег, презрительное отношение к тем, у кого их нет, приводят героя к комическому конфликту. При этом частое повторение Бырдаховым фразы «*куһаҕан тыын*» («злой дух») подчеркивает боязливость, суеверность старика, чем и пользуются «аферисты». Для речи Бырдахова характерно использование грубых, просторечных слов и выражений, бранных слов и ругательств (*күтүр өстөөх — окаянный, тайҕа түөкүнэ — таежный бродяга, акаары — дурак, бэдик — глупец*), слов с эмоционально-экспрессивной окраской (*эрэйдээх — бедолага, ноһоо — грубое обращение к парню, хотуой — грубое обращение к девушке* и т.д.).

Система сатирических образов, «злых духов» дополняется образом священника Баачыка (от русского слова «Батка»). Создание комических образов иностранцев является традиционным в комедиографии, о чем свидетельствуют образы иностранных врачей, врачей в русской и мировой литературе. Особенно смех вызывает подробное описание внешнего вида иноязычного персонажа — одежды, ее деталей.

Появление образа священника — одна из занимательных сцен пьесы «Злой дух». Специфична авторская ремарка, в гротескном виде описывающая внешний вид персонажа: «*Унуоһунан кыра, арбайбыт баттахтаах, сытыы уоттаах харахтаах, сантайбыт муруннаах, хойуу баҕайы удьуруйбут бытыктаах, дьүһүнүнэн бэрт бүрэ киһи*» — «Маленького роста, с взъерошенными волосами, с хитрыми сверкающими глазами, курносый носом, очень густой вьющейся бородой, весьма невзрачный человек». Резкое заострение и гиперболизация фигуры сатирического героя достигаются за счет применения причастий: *арбайбыт — растрепанный, сантайбыт — имеющий вздернутый нос, курносый, удьуруйбут — вьющийся* и прилагательных: *кыра —*

маленький, бүрэ — невзрачный. Отмеченные в ремарке хитрые, сверкающие глаза подчеркивают хищническую натуру сатирического героя.

Детальное описание одежды персонажа, не лишенное сарказма, также обусловлено приемами сатирической типизации: «*Көлөһүннээх хара эрэсэни кэппит, атабар саппыкылаах, үрүн көмүс кириэһи моонньугар иилинэн кэбиспит*» — букв.: «Надел потную черную рясу, на ногах — сапоги, напялил на шею серебряный крест». Гротескно-карикатурный образ священника завершается ремаркой: «*кажется, немного пьян*». Подобные ремарки-характеристики, являясь неотъемлемой частью всего драматического текста, безусловно, при чтении вызывают особый комический эффект. Но главная их функция заключается в том, что ремарки, отличающиеся использованием образных, звукоподражательных, модальных слов, позволяют увидеть авторское отношение к герою.

И наконец, комический эффект вызывается ломаной якутской речью персонажа: «*Дьэ, Иоанн кырдыаҕас, туохтан ыарытта баар?*» — «Ну как, старина Иоанн, отчего заболел?», а также частым, почти бессмысленным повторением фраз «*Господи помилуй!*», «*Слава богу!*».

Развязка конфликта — возвращение из города Семена и Конона — строится по законам сатирического жанра. Бырдахов сам готов отдать дочь за «нового, современного» человека, купца Конона. Автор иронизирует над героями, вложив в уста Бырдахова слова: «*Дьэ дьон бэртэрэ, үтүөлэрэ эбиккит!*» — букв.: «Ай да молодцы, ай да удалцы!».

Важное значение при этом уделяется моменту переодевания комического персонажа, подчиненному мотиву игры. Молодые купцы Конон и Семен появляются перед семьей Бырдахова в новом, городском облике. Прислуга Бырдахова, рассказывая о приезде новых купцов, детально описывает одежду героев: «*Куонаан хара сүөм кэтит хаарыс солко курунан билис болтуону бобо курданан кэбиспит, саһыл тыһа бэрэгэһи ходьоччу кэтэн кэбиспит, ыстаана буоллабына хара бэйбэриэт үһү; дьыэтигэр кэлэн баран, — ити аата туох хаппыт этэ? Тыастаах нуучча этэрбэһин кэппит үһү*» — досл.: «Конон в пливовом пальто, подпоясался черным широким шелковым ремнем, высокую лисью шапку на себя надел, а штаны, говорят, черные вельветовые; как домой пришел, как бишь его? Сапоги, говорят, надел с набойками».

Неустроев подчеркивает внешний вид персонажа, его «переодевание» в «нового» челове-

ка — купца-предпринимателя. Яркая внешность бывшего нищего вызывает теперь у остальных персонажей уважение и почтение. Подробное описание одежды персонажа способствует также созданию колоритного образа якутского купца того времени.

Несмотря на то, что в финале победу одерживают Конон и Семен, обе стороны терпят поражение, так как разоблачаются и те, и другие. Согласно жанру сатирической комедии, конфликт выходит за рамки сюжета и реализует себя как «автор — изображаемое». Единственный положительный герой в комедии — смех автора.

Резкое заострение автором исходной ситуации конфликта и его решения, устно-разговорный интонационный стиль речевой организации пьесы, едкий сарказм и ирония автора подчинены жанровым признакам сатирической комедии, ее особенностям обличать и осмеивать. Неожиданный финал, когда более ловкие жулики обходят старого плута, является типичным в истории мировой литературы («Игроки» Н. Гоголя, «Волки и овцы» А. Островского, «Усмирение Бададошкина» Л. Леонова). В целом, комедийная ситуация, основанная на приеме «одурачивания», и построение конфликта между сатирическими персонажами выдержаны в традициях «Ревизора» Гоголя.

Таким образом, в своих комедиях Н. Неустроев искусно демонстрирует умение выражать в комической форме серьезные, глубоко социальные проблемы своего времени. Интонационно-речевая организация комедий Н. Неустроева, с одной стороны, отражает разговорный стиль того времени, с другой — является воплощением индивидуально-авторского стиля драматурга.

Комедия «Кукаакы кулуба» («Голова Сойка») Н. Неустроева, по справедливому замечанию Г. Башарина, — первая якутская комедия, получившая широкое народное признание. Поговорка «С головой сойкой, с князцом дятлом, с писарем вороном», ставшая эпиграфом к пьесе, раскрывает ее содержание. Осмеянию подвергаются безграмотный улусный голова и его «окружение»: писарь Семен Семенович, сосед бедняк Семен Тынырах (Коготь). Одинаковость имен (Семен Тынырах, писарь Семен Семенович, его покойный отец Семен Семенович) позволяет говорить о типичности, обобщенности их характера.

Конфликт пьесы и способ его художественного воплощения, согласно закону жанра, носят комический характер. Голова, получив от

царя золотую медаль, желает получить новую награду — орден. Незаконно используя казенные деньги, он в финале пьесы оказывается в комическом положении: вместо ожидаемого ордена получает известие о свержении царя. Мотивационный фокус комедии — «медаль/орден» — олицетворяет безмерную власть. При этом автор не скрывает своей иронии. Соседи используют медаль в качестве средства от различных болячек. В финальном действии голова встречает гостей в нарядном пальто и с медалью (реплика Русского: «*Да здесь медалист стоит*»). Услышав от представителей «новой власти» — Русского и Якута — весть о свержении царя, он выходит уже «без медали».

Автор ставит центрального героя в различные ситуации, в результате чего происходит его разоблачение. Получив письмо, голова надевает очки и по-своему «прочитывает» содержание письма: «*Уважаемый Иван Иванович, ре-ре-волюция... Цар... ор-ор-ден... Это значит: от царя получил орден*» (смеется, выпячивает грудь). Также комично и абсурдно звучат слова героя: «*Лишь бы царь меня ценил и уважал*». Несоответствие улусного головы занимаемой должности раскрывается в сцене с жалобами крестьян. Будучи руководителем улуса, голова не способен решать мелкие вопросы, что подтверждается словами Заики Якова: «*Кыра киһи кырдьыгын буларыттан ааста*» («*Маленькому человеку невозможно стало доискаться до истины*»). В пьесе реализм драматурга умело сочетается с гиперболой и карикатурой.

В комедийной структуре присутствует момент неожиданности, который усиливается ремаркой «лает собака», когда вместо ожидаемого гостя приходит другой. Ремарки, раскрывающая внутреннее состояние персонажа («*ходит взад и вперед*» (7 раз), «*пауза*» (6), «*кланяется*» (4), «*задумывается*» (3), «*громким голосом*» (3), «*выпячивает грудь*» (3)), способствуют его обличению.

Комический прием — варьирование, повторение одних и тех же весьма близких ситуаций — направлен на дискредитацию сатирического персонажа. Хитрый, расчетливый Семен Тынырах в первом случае навещает голову не только с целью поздравить, но и напомнить о том, что орден от царя в улусе когда-то получил отец писаря, покойный Семен Семенович. Цель второго визита — донести голове, что всем стало известно о незаконном использовании казенных денег. В обоих случаях, пользуясь психологическим состоянием головы, в первом — безмерной радостью, а в другом — его

беспомощностью перед сплетнями, слухами, старик просит денег «взаимы». Таким образом, улусный Голова становится зависимым от духовно и материально нищего человека. Комично и то, что весть о свержении царя голова Сойка слышит от Семена Тынырах.

Антиподом сатирического персонажа в пьесе выступает Утары (Против) Василий. Также в пьесе незримо присутствует учитель, который «*и в бога не верит, и господ не почитает*». Однако активность «положительного» героя проявляется лишь в упреках, обличительных репликах. Своеобразным персонажем в пьесе является жена головы Марина, выражающая авторскую позицию. В связи с этим диалог между персонажами представлен как диалог-спор, вызывающий смех. В финале происходит открытое разоблачение сатирического персонажа, но он остается статичным, несмотря на внешнее «раскаивание»: снимает пальто с кортиком и медалью, символизирующими власть, гостей называет «братьями».

Если в рассмотренной пьесе сатирически высмеивается представитель *старой* власти, то в комедии «Тар» («Простокваша») Н. Неустроева выведен неумелый руководитель *новой* власти. Комедия оценивалась в якутской литературной критике по-разному. В 20–30-х гг. XX в. исследователи считали, что автор несправедливо высмеял представителя новой власти. В связи с этим Н. Неустроев был отнесен к буржуазной интеллигенции [Заболоцкий, 1929], а комедия объявлена антисоветским, контрреволюционным произведением [Бястинов, 1929, с. 73–74].

Г.К. Боесковров причину «неудачи» комедии видит «не в идейном срыве, а в недостаточной продуманности творческого приема» [Боесковров, 1972, с. 93], в недостоверности образа Харыйа, отмечая при этом, что автор создал комический образ ревкомовца на основе единичных фактов случайного характера. Важно заметить, что комедия в изображении героев допускает такие приемы, как гротеск, гипербола, карикатура. Именно этими приемами пользуется Неустроев в своей комедии. Н.П. Канаев [1984, с. 51–56] предметом осмеяния в пьесе считает недостаток работы вышестоящих улусных и окружных органов — сочинителей малопонятных документов. В интерпретациях 20–30-х гг., таким образом, выражается установка того времени, когда сфера комического была сведена к частным, бытовым проблемам, а сатирическое изображение общественных, политических реалий считалось недопустимым.

Г.П. Башарин справедливо отмечает правильность подхода Неустроева в изображении действительности и дает положительную оценку комедии [Башарин, 1994, с. 101–102]. Мы считаем, что сатира драматурга направлена на осмеяние неумелого руководителя, карьериста, что определяет актуальность комедии и в наши дни.

Комедия отличается постановкой острых тем того времени, жизненной правдивостью и типичностью фигуры главного героя. Время действия пьесы – первые годы советской власти. Сюжет основан на реальных фактах и анекдотической ситуации, когда председатель наслежного ревкома Степан Харыйа (Ель), неправильно поняв приказ, написанный по-русски, вместо 25 мешков – тары собирает 25 пудов замороженной простокваши – тар. Так, игра слов «тар» – «тара» создает комическую ситуацию. В ремарке отмечается, что действие происходит в глухом наслеге отдаленного улуса.

Действие комедии локализовано, причем «дом» председателя Степана одновременно является и тюрьмой, и местом для решения важных дел ревкома. Сцена «свидания» сидящего в «тюрьме» Ботуччу и его жены демонстрирует алогизм происходящего и является одним из комедийных моментов пьесы.

Автор наделяет сатирического героя – Степана Харыйа «говорящей фамилией». Выражение «*харыйаны таннары соснут курдук*» (досл.: «человек, подобный ели, которую волкут за низ») в якутском языке имеет негативный оттенок и используется для характеристики упрямого, грубого нрава человека. Заостряя исходную ситуацию конфликта и действия главного героя, используя средства гиперболизации и карикатуры, Н. Неустроев высмеивает бездарного руководителя. «Миражность» возвышения героя (Харыйа) в том, что он играет роль, к которой меньше всего способен, которой меньше всего достоин. Главная черта «нового» тойона – стремление к власти над людьми. И не важно, что Степан немного заикается, «*зато голос звучит громче и сильнее*». В зимние морозы он ходит в сапогах, объясняя тем, что «*для советской власти и зимние морозы не страшны!*». Перед тем, как прочесть письмо, сатирический герой надевает *сапоги и очки* и по-своему истолковывает приказ: «*Доказано наукой: простокваша полезна для здоровья. Вот как Советская власть заботится о здоровье народа. А вы, балбесы, не понимаете этого*».

Смешные и остроумные реплики жены голы и прислуги, их замечания, содержащие иронию и сарказм, способствуют осмеянию персонажа. Финал комедии типичный и завершается приездом Уполномоченного, который и объясняет истинное содержание письма. Сатирическое осмеяние неумелого руководителя, начатое Н. Неустроевым, будет разрабатываться и современными драматургами – И. Гоголевым, А. Дойду.

Аналогичную трактовку сатирического характера мы находим и в «Поспешившем». Сюжет комедии основан на недоразумении, когда Омуннаах (Запальчивый) Иван, поверив слухам о смерти жены, женится на другой. Первая часть комедии демонстрирует бахвальство Ивана перед новыми родственниками («*Ай да я!*», «*Какой я добрый молодец!*», ремарка: «бьет себя в грудь»). Как и в «Злом духе», автором иронически обыгрывается поговорка «Мужчина счастлив, бог богат».

Вторая часть комедии посвящена разоблачению сатирического персонажа. Здесь сатира соприкасается с трагикомическим. Читатель-зритель воспринимает одновременно и комическую сторону («видный миру смех»), и трагическую («незримые, неведомые ему слезы»). Комично и жалко выглядит Иван («*Пропал!*»), пытающийся скрыть от жены сватовство, от гостей – жену, называя ее то женой брата, то сестрой. В финале герой остается верным своим «принципам» и обвиняет во всем Якова, подшутившего над ним, и свою жену, которая «не умерла».

Творчество Н. Неустроева значительно повлияло на дальнейшее развитие комедии в якутской литературе. В 1928 г. в национальной труппе роль Харыйа Степана играл Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон, и как он признается, «спектакль “Злой дух” сыграл в моей жизни очень большую роль, через него я по-настоящему полюбил сцену и пристрастился сам к писанию пьес» [Сивцев, 1974, с. 156]. По справедливому замечанию Суоруна Омоллоона, Н. Неустроев – «прежде всего, весьма талантливый комедиограф, комедиограф настоящей классической школы, комедиограф очень остроумный, мягкий, комедиограф, равного себе не имеющий в якутской драматургии и по сей день» [Там же].

Комедии Н.Д. Неустроева, созданные на основе смеховой культуры народа и традиций русской и мировой драматургии, стали значительным явлением в литературной и социокультурной жизни начала XX в. и определили

основной вектор развития национальной драмы и театра в целом. Подлинно комедийные сюжет и конфликт пьес, яркие комические характеры и ситуации, живой и сочный язык, чисто народный юмор обуславливают актуальность и востребованность первых якутских комедий и на современной сцене.

ЛИТЕРАТУРА

Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя. — Якутск, 1994.

Боевский Г.К. Творчество Н.Д. Неустроева. — Якутск, 1972.

Бястинов Г. О пьесе Н. Неустроева «Тар» // Чолбон. — 1929. — № 1. — На якут. яз.

Заболоцкий Н.Н. Неустроев Н.Д. // Кыым. — 1929. — 31 июля. — На якут. яз.

Канаев Н.П. Зарождение и становление литературной критики в Якутии (1925–1940). — Якутск, 1984.

Сивцев Д.К. Слава талантам из народа! // Слово сердца. — Якутск, 1974.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. — Новосибирск, 1986.

М.А. Kirillina

Genre and stylistic originality of N.D. Neustroyev's comedies

This article was analyzed the satirical comedies of the Yakut classic writer N.D. Neustroyev. Identifies the dominant traits of a satirical comedy: comic view, defining features of conflict and character, the tone of the laughter. In Neustroyev's comedies remain the genre of satirical comedy markers: building conflict between satirical characters, revitalization of the satirical character.

Keywords: satirical comedy, comedy, comedy hero, remarque, irony, sarcasm.

УДК 398=512.157=03

В.В. Илларионов

Н.С. Горохов: первые записи олонхо и их перевод на русский язык (к изучению верхоянской эпической традиции)

Анализируется публикация олонхо «Юрюнг Уолан» Н.С. Горохова. Автор статьи предполагает, что Н.С. Горохов вместе с И.А. Худяковым записал олонхо, текст которого последний перевел на русский язык и включил в «Верхоянский сборник», что является первой публикацией олонхо на русском языке, а Н.С. Горохов впоследствии опубликовал его по памяти в журнале «Известия ВСОРО». Текстологический анализ олонхо «Юрюнг Уолан», записанного и опубликованного Н.С. Гороховым, показывает, что текст был записан от одного и того же олонхосута, с которым работал и И.А. Худяков.

Ключевые слова: олонхосут-сказитель, эпические традиции, текстология, олонхо, текст.

И.А. Худяков первым из политссылных внес весомый вклад в исследование якутского фольклора и этнографии: хотя и непродолжительное время, но с большой отдачей занимался собирательством, переводом и специальным изучением. Э.К. Пекарский издал записанный им эпический текст «Хаан Дьаргыстай», повествующий о трех веках, и другие небольшие по объему олонхо в двух книгах второго тома серии «Образцы народной литературы якутов». В 1890 г. переводы И.А. Худякова по фольклору были изданы отдельной книгой «Верхоянский сборник» в Иркутске его другом по Казанскому университету, профессором Г.Н. По-

таниным, ставшим впоследствии видным историком, этнографом. Лучшие образцы якутского фольклора заняли достойное место в русской фольклористике.

Сборник «Краткое описание Верхоянского округа» И.А. Худякова, подготовленный к печати якутскими фольклористами Н.В. Емельяновым и П.Е. Ефремовым, увидел свет под редакцией чл.-корр. АН СССР В.Г. Базанова. Если бы эта работа была издана раньше, она имела бы не меньшее значение, чем книга В.Л. Серошевского «Якуты». Или расценивалась бы как высокое достижение этнографической науки России в XIX в. Изучавшие

биографию И.А. Худякова Э.С. Виленская, П.С. Троев, П.Л. Казарян и др. отмечали, что он написал много в очень короткое время — в течение своей ссылки с весны 1867 до 1869 г. Не выдержав тяжелых условий политической ссылки, из-за невозможности публикации научных трудов и безысходности И.А. Худяков заболел неизлечимой болезнью.

Можно назвать две причины, почему Худяков смог за короткое время выучить якутский язык и успешно изучить фольклор и этнографию якутов. Во-первых, ещё до ссылки И.А. Худяков стал известен как фольклорист. Изданные им ещё в студенческие годы книги «Великорусские сказки», сборник великорусских народных исторических песен, «Великорусские загадки», «Русская книжка», рассказы о старинных людях, «Рассказы о великих людях средних и новых времен», «Древняя Русь», «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте» вызвали широкий интерес тогдашней научной и культурной общественности. Ю.И. Смирнов [2002, с. 3–12] справедливо отметил, что И.А. Худяков, несмотря на свою молодость, стоял у истоков зарождающейся фольклористической науки. По нашему заказу Ю.И. Смирнов [Там же, с. 4] написал вступительную статью «Подвижник зарождавшейся науки», где мы читаем: «В России наука о народном творчестве или, как тогда выражались, об устной народной словесной культуре еще только зарождалась. Ее представители были наперечёт. И к ним вскоре примкнул Худяков. Многое тогда совершалось впервые, и Худякову тоже случилось быть первым или среди первых подвижников науки».

Этим и объясняется, что по прибытии в Верхоянск он сразу заинтересовался якутским фольклором и целенаправленно занялся собирательством и переводами. При этом большую роль сыграли знакомство и сближение, а затем совместная творческая работа политссыльного с учащимся Н.С. Гороховым, владевшим одинаково хорошо русским и якутским языками. Отец его, С.В. Горохов, был известным в Усть-Янском округе купцом 2-й гильдии. По свидетельству Г. Майделя [1896, с. 193], он «был человеком умным и с изумительной памятью местности, любил заниматься литературой и наукой, и это представляло для Верхоянска и Якутска совершенно исключительное явление. Он охотно помогал своими советами путешествующим». Такое отношение отца к путешественникам и ссыльным передалось и сыну.

Н.С. Горохов многому научился у политссыльного и, в свою очередь, помог ему выучить якутский язык за короткий срок. Ко времени прибытия И.А. Худякова в ссылку ему было 17 лет, он мог сносно читать, писать, решать. Н.С. Горохов помогал Худякову учить язык, составлять якутско-русский и русско-якутский словари, а также якутскую грамматику. Хотя И.А. Худяков в своей «Автобиографии», говоря о тяготах Верхоянской ссылки, об удрученном душевном состоянии, не упоминает имен, можно предположить, насколько поддерживала его в такие моменты семья Гороховых, в особенности их любознательный сын Никита Горохов. Воспоминания ссыльного Я. Белого, также отбывавшего ссылку в Верхоянске, свидетельствуют о том, что И.А. Худяков читал свои записи юному другу. Так, Н.С. Горохов вспоминал и рассказывал: «Писал о России и о себе и кое-что мне прочитывал. Так я узнал, что Худяков родом сибиряк» [Белый, 1925, с. 212].

Кроме этого, ученый-фольклорист одалживал ему почитать свои изданные до ссылки книги по русскому фольклору. «Но лучшей его книги — “Самоучителя”, — говорил с сожалением Горохов, — при нем не было. Она была запрещена в России» [Там же, с. 213].

И.А. Худяков говорил молодому человеку о том, что он должен постоянно развивать свои знания, советовал, какие книги выписывать для чтения, и с интересом обсуждал с ним прочитанные им книги. «И в этом, — говорил Н.С. Горохов, — заключается для меня учительство Худякова. Конечно же, общение с Худяковым не прошло бесследно» [Там же, с. 213]. Историк П.Л. Казарян [2012, с. 59] совершенно правильно отмечает роль И.А. Худякова: «Несомненно, что во время трехлетнего (1867–1870 гг.) периода активной и плодотворной научной деятельности И.А. Худяков стал духовным и практическим наставником молодого Никиты. Его влияние выражалось в упорядочении круга чтения литературы и самообразования, расширении кругозора, освоении методологии и методики поисковой работы».

Опубликованные Н.С. Гороховым в 1882–1885 гг. в журнале «Известия ВСОИРГО» статьи «Материалы для изучения шаманства в Сибири. Следы шаманства у якутов», «КИНИТТИ (отношение женщины к родным её мужа, у якутов)» были написаны под влиянием научной работы И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа», т.е. здесь фольклорный материал освещается в тесной связи с этнографией.

В этих статьях также проявляется, что автор сам — носитель якутского языка и народной культуры. Этнографическая наука России обогатилась первым значительным исследованием о жизни, быте, обычаях и традициях якутского народа.

В этом журнале также был напечатан в 1885 г. перевод олонхо Н.С. Горохова «Юрюнг Уолан» [Горохов, 1985, с. 43–60]. Можно предположить, что это, возможно, была первая публикация якутского олонхо на русском языке. До этого были записаны и опубликованы в сокращении олонхо «Эриэдэл Бэргэн» академиком А.Ф. Миддендорфом, «Эр Соботох» А.Я. Уваровским по заданию академика О.Н. Бетлинга, они также печатались на якутском и немецком языках; до русского читателя, широкой научной общест-венности они не дошли.

Записанное и переведенное на русский язык Н.С. Гороховым олонхо можно было бы сравнить с первой частью записанного и переведенного И.А. Худяковым олонхо «Хаан Дьаргыстай», повествующего о трех поколениях, однако наряду с совпадениями немало и противоречащих, разнящихся моментов. Это можно объяснить тем, что, возможно, Н.С. Горохов записывал олонхо по памяти. Как нам известно, И.А. Худяков оставил нам записи и перевод олонхо «Хаан Дьаргыстай». Первая часть данного олонхо, повествующая о первом поколении, рассказывает о походах Юрюнг Уолана. При этом вполне допустимо, что Н.С. Горохов помогал И.А. Худякову. Н.С. Горохов отмечает в прилагаемых комментариях: «... Я выбрал эту сказку потому, что раз уже давно, впрочем, лет 17-ть тому назад, записывал ее со слов замечательно талантливого и умного сказочника...» [Горохов, 1885, комм. № 1]. Это может означать, что в 1867–1868 гг. он записывал вместе с И.А. Худяковым. Никто из них не упомянул имени талантливого олонхосута. В те времена в фольклористике не было традиции фиксировать имя исполнителя олонхо. Представители мифологической школы, как пишет историк фольклористики М.К. Азадовский [1963, с. 48–84] (И.А. Худяков относился к этой школе), рассматривали фольклор как коллективное творение. Поэтому не придавали значения отдельным исполнителям. Позднее В.Л. Серошевский напишет в своем труде «Якуты» о том, что И.А. Худяков встречался с олонхосутом Манчаары, который был способен исполнять одно олонхо в течение одного месяца [Серошевский, 1896, с. 590]. Сам И.А. Худяков упоминает таких именитых олонхосутов,

как Якут Быллай и Ырыа Чэкэт Тур [Худяков, 1969, с. 366].

Если сравнить олонхо И.А. Худякова и Н.С. Горохова, то можно утверждать, что первый записывал от исполнителя слово в слово, а второй — что запомнил. «Также необходимо заметить, что в изложении сказки я хотя и старался передать, насколько умею, манеру сказочного языка якутов, но это оказывается делом чрезвычайно трудным, а в некоторых случаях даже и невозможным, — писал Н.С. Горохов. — Из сказки я ничего не выбрасывал, но ее пришлось сильно сократить, потому что я не имею возможности передать подробности всей причудливости сказочного языка... я их поместил потому, что хорошо их помнил, да еще для того, чтобы дать хотя приблизительное понятие о сказочном языке якутов, и о тех подробностях, в которые они сплошь и рядом вдаются» [Горохов, 1885, прим. № 1]. Как видно из данного высказывания Н.С. Горохова, он стремился, как можно полнее передать сюжетно-композиционный строй олонхо, содержание, а что касается стихосложения, витиеватых эпитетов, изобразительных средств — сокращал. Если текст И.А. Худякова занимает 30 страниц, то у Н.С. Горохова — при плотном размещении — около 11 страниц, столько же занимает комментарий.

Для сравнения можно привести начало олонхо обоих текстов.

Текст Н.С. Горохова: *Выше неколеблющейся широкой бездны, ниже семислойного, девяти-кольцевого неба, на самом срединном месте — пупе земли, на самой тихой части земли с неубывающей луной, незаходящим солнцем, беззимним летом, неумолкающей кукушкой, был Юрюнг-Уолан* [Горохов, 1885, т. XV, с. 43]

Текст И.А. Худякова: *Под небом с тремя плавно вертящимися ключами (кюлюс), с семью передвижными (непоседами) поводами, под девятью стремительно гладкими белыми небесными нижними балками, под незыблемой широкой бездной, за неизмеренной далью, под высотой, о которой еще не рассуждали, толщина еще не высчитанная, глубина не измеренная; если наступить, не погнется; если придавить, не покривится на бок; направляющего колеса этой местности не видно; не заметно вертящейся оси; с бродом (ровным), как тетива стрелы; на среднем месте (орто дайды), на пупе земли (сир киня), на тихом месте; на желтой нижней печени восьмигранной важной бугристой гладкой матери-вселенной (ан ия дайды), светлом важном пупе (сырдык ыгай кин), на серебряном месте, на высокой гру-*

ди, размышляя, что пуп земли, верхушка неба (халлан орой), сияющий пустой (сквозной, просторный) серебряный дом с тридцатигранными стенами не будет твердым (на фундаменте) и (потому) срубивши срубы десятисаженными бревнами, возникая, умножаясь, развертываясь, распространяясь жил его хозяином — человек с высоким именем, с благородным назначением, не догадывавшийся о своем важном (победителе, родоначальнике) отце, не помнивший своего рождения от важной госпожи-матери (некто) по имени Белый Юноша (Юрюнг Уолан) с младшей сестрой, с девушкой Белой Юкяйдянь-Ко [Верхоянский сборник, 1890, с. 95].

Еще один пример, когда богатырь айыы собирается в дальнюю поездку, его сестра просит не бросать её.

Текст Н.С. Горохова: *«Не уезжай голубчик, родной мой! Если без тебя кто-либо вздумает обидеть меня — бегающий, летающий, видимый, невидимый — кто защитит меня? Кто приведет за ноздрю сохатого, привяжет к ногам своим дикого оленя, накормит меня дичью? Кто упромыслит множество соболей, рысей и оденет меня? Кто будет смотреть за нашим скотом, станет поить, кормить его? У меня сердце беспокоится, предчувствует, что ты встретишь много горя и несчастья? Не езд, не езд — не пусти тебя пока жива!»* [Горохов, 1885]

Текст И.А. Худякова: *«Братствующий мой, старинный брат! Человек, который должен быть мне вместо отечествующего отца! Когда ты уедешь, кто будет стеречь наши) восемьдесят кобыл? Кто будет сохранять (ухаживать) девяносто хотонов коров?»*

Сама собою пришла к тебе смерть, обманывает, ведет тебя. Неужели ты хочешь идти? Не ходи, воротись на свою землю и место [Верхоянский сборник, 1890, с. 102].

Как видно из этих примеров, во-первых Н.С. Горохов, видимо, записал олонхо «Юрюнг Уолан» по памяти, не имея под рукой записи И.А. Худякова, так как совершенно совпадающих стихотворных эпических формул в текстах не наблюдается. Во-вторых, очевидно, Н.С. Горохов старался передать основной смысл эпического текста, не предаваясь подробным витиеватым описаниям.

Первый пример подобного сокращения текста олонхо, как пишет Н.В. Емельянов, мы найдем у А.Я. Уваровского. Текстологический анализ текстов, показывает, что у И.А. Худякова и Н.С. Горохова совпадают сюжеты записанных олонхо, имена сестры Юрюнг Уолана разнятся (у И.А.Худякова — Юрюнг Юкэйдэн, а у

Н.С. Горохова — Нуруллан Куо), но обе выполняют в олонхо одинаковые функции.

Н.С. Горохов пишет о решающей роли трех причин при выборе олонхо для подготовки к печати. Во-первых, он считает это олонхо особенно типичным для якутских олонхо. Следует отметить наличие олонхо с Юрюнг Уоланом в качестве главного действующего героя в каждом улусе. Родного брата широко известного в народе Нюргун Боотура также зовут Юрюнг Уолан. Во-вторых, по Н.С. Горохову, олонхо с Юрюнг Уоланом в качестве главного действующего лица кроме того, что широко известно народу, в большинстве случаев не меняет сюжета. «Она (сказка. — В.И.) несомненно, самая популярная между якутами, самая... обработанная..., которую всякий мало-мальски порядочный сказочник знает и рассказывает почти одинаково с другими, тогда как другие сказки, которых бесчисленное множество, все жестоко перевираются, перепутываются»..., — отмечает Н.С. Горохов [1885, комментарий № 1]. В-третьих, причину выбора именно этого олонхо для подготовки к печати он объясняет тем, что «эту сказку приходилось мне прослушать не один десяток раз, она лучше врезалась мне в память» [Там же]. Поэтому из множества олонхо Н.С. Горохов выбрал лучшее по своему усмотрению, перевел и подготовил к печати.

В переводе Н.С. Горохова проявляются его свободное владение как родным, так и русским языком, знания и навыки, приобретенные благодаря тесному общению с И.А. Худяковым. Он пишет о том, что особенно трудно переводу поддаются имена богатырей: «Я снимаю с себя ответственность за собственные имена: их чрезвычайно трудно помнить по сложности и совершенной неупотребленности в живом обиходе». О наличии текста олонхо на якутском языке неизвестно, поэтому сложно в полной мере описать, как переводил Н.С. Горохов, однако можно догадаться, что, в совершенстве владея якутским языком, он справился с поставленной задачей передать основное содержание олонхо.

То, что Н.С. Горохов сопроводил публикацию олонхо научным комментарием, свидетельствует об его действительно глубоком интересе к олонхо. Всего 87 разъяснений к такому короткому тексту олонхо способствуют наиболее полному пониманию прочитанного непрофессиональным относительно олонхо русским читателем. Среди них много пояснений мифологического, этнографического характера. Дано правильное толкование таких понятий, как

Срединный мир, три мира, айыы, иччи. Пояняются как отдельные слова, так и устойчивые сочетания. В качестве примера можно привести некоторые комментарии к тексту олонхо.

«*Орто дайды* — среднее место. Вообще, земной мир, и в сказках, и в жизни назыв[ается] *орто дайды*, тогда как небо назыв[ается] *юсяги дайды* — верхнее место, а преисподняя — *ал-лараагы дайды*» [Там же, комментарий № 3].

Как видно, Н.С. Горохов довольно полно представил деление мира якутами на три части. Вероятно, это можно рассматривать как первое пояснение трактовки мира в якутской мифологии.

В комментарии № 9 он пишет: «Я перевел слово “олох” словом жилище, жилье, тогда как в буквальном переводе оно значит *сиденье, сидалище*». Данный комментарий указывает на то, что фольклорист хорошо понимал этимологию якутских слов.

Н.С. Горохов также очень справедливо отметил в комментариях сказительское искусство, поэтическое мастерство олонхосутов. Так, он пишет: «Описание места жительства сказочного героя в якутских сказках занимает самое видное место и по подробностям оно весьма любопытно. Здесь сказочник показывает всю силу своего поэтического таланта и дара слова. К сожалению, я не решаюсь на память выписать весь этот причудливый рассказ, а только слегка очертил его, чтобы дать понятие о том, о чем и как говорится. Так как описание сказочного места бывает очень длинно и иногда сказывается более часу, то и сказочник, обыкновенно, ограничивается словами: “на сказочном месте, при сказочной обстановке”». [Там же, комментарий № 10].

Из данного комментария видно, как Н.С. Горохов умело знакомит читающего олонхо в первый раз с сюжетом, содержанием, художественными приемами. Н.С. Горохов дал наиболее полное пояснение образа Юрюнг Айыы Тойона, разъяснил его этимологию, давая перевод каждого слова. Он дополнил комментарий другими примерами с Юрюнг Айыы Тойоном, толкованием его образа в других олонхо, перечислил его основные функции. В результате получилась целая статья об Юрюнг Айыы Тойоне [Там же, комментарий № 22]. Такие же отдельные статьи даны об Удагане, Старушке Симэхсин.

Н.С. Горохов поясняет по ходу развития сюжета основные причины, приведшие к отправлению богатыря в поход, каждую по отдельности. Последнее обстоятельство говорит о его глубоких познаниях как фольклориста.

Н.С. Горохов первым ввел в научный оборот олонхо «Юрюнг Уолан», записав по памяти не раз услышанное в исполнении олонхосутов Верхоянья и переведя на русский язык. Он показал свою подготовленность в области фольклористики и этнографии и свой высокий научный уровень. При этом, как отметил П.С. Троев [1980, с. 44], на него оказало сильное воздействие «наставничество» стоявшего одним из первых у истоков зарождающейся фольклористики И.А. Худякова. Под влиянием И.А. Худякова юноша Никита, сын С.В. Горохова, стал заниматься краеведением, приобрел к исследовательской работе и был даже впоследствии принят в члены Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества [Там же, с. 44].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к заключению, что из выходцев из Якутии Н.С. Горохов является первым, кто «проложил путь» в фольклористику. К сожалению, у него не было возможности полностью отдаться научной деятельности, так как он служил в конторе золотодобытчика И. Громова. Даже этот прекрасный перевод и комментарии он делал в спешке. Он пишет: «... я решительно не имел возможности, т.е. времени, обработать его хоть мало-мальски тщательно, обдумать и припомнить забытое: все это пришлось делать урывками, между делом. Примечания эти пишу прямо набело — за недостатком времени» [Горохов, 1885, комментарий №1]. Вероятно, если бы Н.С. Горохов занимался исключительно собиранием, переводом, публикацией фольклора, несомненно, он бы сделал много полезного и достиг бы заметных успехов. Даже то небольшое количество трудов, которые можно пересчитать по пальцам, свидетельствуют о его способности к науке.

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М.К. История русской фольклористики. — Л.: Учпедгиз, 1963.

Белый М. Три года в Верхоянске (воспоминания политического ссыльного // Каторга и ссылка. — 1925. — № 1. — С. 207–215.

Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым // Зап. Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии. — Т. 1, вып. 3. — Иркутск, 1890.

Горохов Н.С. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Следы шаманства у якутов // Известия ВСОИРГО / под редакцией правителя дел

Отдела Н.Н. Агапитова. — Иркутск: Типография Н.Н. Синицына, 1882. — Т. XIII, № 3. — С. 36–99.

Горохов Н.С. КИНИТТИ (отношение женщины к родным её мужа, у якутов) // Известия ВСОИРГО / под редакцией правителя дел Отдела Н.Н. Агапитова. — Иркутск: Типография Н.Н. Синицына, 1883. — Т. XIV, № 1. — С. 71–72.

Горохов Н.С. Юрюнг Уолан. Якутская сказка. Часть 1-я // Известия ВСОИРГО / под редакцией дейст. члена Отдела Н.Н. Агапитова. — Иркутск: Типография Н.Н. Синицына, 1885. — Т. 8, № 1. — С. 85–86.

Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. — Т. II. — СПб., 1896.

Казарян П.Л. Никита Семенович Горохов: Жизнь, дела, наследие. — Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. — С. 262.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. — СПб.: Изд-во имп. Рус. геогр. об-ва, 1896. — Т. 1. — С. 720.

Смирнов Ю.И. Подвижник зарождавшейся науки // И.А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Отдельные главы / сост. В.В. Илларионов. — Якутск: Бичик, 2002. — С. 3–12.

Троев П.С. Иван Худяков в Верхоянской ссылке. — Якутск: Бичик, 1980. — 96 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. — Л.: Наука, 1969.

V.V. Illarionov

N.S. Gorokhov: the first notes Olonkho and their translation into Russian (to the study of the Verkhoyansk epic tradition)

The article describes the role of Nikita Semenovitch Gorokhov as a collector and publisher of the Yakut epic. Notes the role of political exile, Russian folklorist I.A. Khudyakov, which by definition Y.I. Smirnov was behind the «emerging folklore». The article presents and analyzes the contribution of N.S. Gorokhov olonkho «Yurung Uolan». The author suggests that the N.S. Gorokhov with I.A. Khudyakov olonkho recorded, the text of which the latter translated into Russian and included in «Verkhoyansky Collection», and N.S. Gorokhov subsequently wrote it from memory and published in the journal «Izvestiya ESDIRGS» which is the first publication olonkho in Russian. Textual analysis olonkho «Yurung Uolan» recorded and published N.S. Gorokhov, shows that the text was written by the same olonkhosut, with whom he worked and I.A. Khudyakov.

Keywords: olonkhosut-storyteller, epic traditions, textual, olonkho.

УДК 784:398=512.157

A.C. Ларионова

История становления якутской музыкальной фольклористики

В статье отражена история становления и развития якутского этномузыкального знания, начиная с научной деятельности первого профессионального якутского композитора М.Н. Жиркова и кончая научными исследованиями современных национальных исследователей-музыковедов. Обозначены проблемы дальнейших исследований в области музыкальной фольклористики.

Ключевые слова: этномузыкальное знание, песенный фольклор, жанры и стили народной музыки, ладозвуковая система, тембровые особенности, мелодии якутского героического эпоса олонхо.

Наука по якутскому музыкальному фольклору очень молодая и за более, чем полувековой период, прошла путь становления и в настоящее время продолжает развиваться. Благодаря деятельности ученых-музыкантов и ученых-музыковедов — представителей национальной интеллигенции, якутский песенный фольклор сейчас изучен в достаточной мере.

Основоположником якутского музыкального знания является первый якутский композитор М.Н. Жирков, получивший образование в Московской государственной консерватории

им. П.И. Чайковского, который положил начало планомерному изучению традиционного музыкального фольклора народа саха. Он собрал огромный фактологический материал по народной музыке якутов. В 1947–1949 гг. М.Н. Жирков написал первую разностороннюю работу по якутскому музыкальному фольклору. Книга была издана лишь в 1981 г. под названием «Якутская народная музыка» [Жирков, 1981]. Она знаменательна тем, что в ней автор впервые ввел в якутское этномузыкальное знание основополагающие категории и понятия,

связанные с жанрами и стилями интонирования якутской песенности, сформулировал ведущие закономерности песенных стилей дьйэрэтии ырыа и дэгэрэн ырыа с указанием особенностей их ритмики, лада, формы и способов исполнения. М.Н. Жирков разработал также общую классификацию жанров якутской народной музыки. Он впервые в концептуальном плане поднял проблему нотировок якутского народного мелоса и ввел нотографическое отображение микроальтерационных нюансов звуковысотности, столь важных при нетемперированном характере мелодики песен народа саха.

Особая роль в развитии якутского этномузыкального знания принадлежит фундаментальным исследованиям Э.Е. Алексеева, выпускника Московской консерватории. Э.Е. Алексеевым издано большое количество научных трудов, в которых нашли отражение различные аспекты изучения якутской народной музыки. Так, благодаря ему, наиболее изученной областью в настоящее время является ладоинтонационная сфера якутской традиционной музыки, достаточно полно раскрытая в монографии Э.Е. Алексеева [1976]. Этот ученый — автор фундаментальных и серьезных исследований, развивает идеи, углубляет наблюдения и выводы своих предшественников М.Н. Жиркова и Г.А. Григоряна, рассматривая специфику якутского мелоса, принципы формообразования. Он уделял особое внимание характеру звуковысотных трансформаций в раннефольклорных напевах. Ему удалось построить модели интонирования в архаическом мелосе, учитывающие эволюционное развитие напевов. Э.Е. Алексеев воспринимает народный мелос как живой организм с большим внутренним потенциалом специфического развития, утверждая этим невозможность исторического изживания фольклора. Специальный интерес этномузыколога связан с проблемами нотной записи народной музыки, способной адекватно отобразить фольклорную мелодику. Э.Е. Алексеев глубоко изучил жанровую тематическую структуру якутского фольклора. В плане дифференциации стилей дьйэрэтии ырыа и дэгэрэн ырыа он выявил в контексте дьйэрэтии ырыа два пласта (концертный и камерный), а также ряд жанров, связанных с этим стилем. Концепции Э.Е. Алексеева о раннефольклорном интонировании и его составляющих широко применялись в изучении традиционных культур различных этносов.

Закономерности ладоинтонационной сферы традиционных песен народа саха, по Э.Е. Алек-

сееву, связаны со становлением ладовых структур и осознанием функциональности тонов. Напевы якутов характеризуются преобладанием олиготоновых структур с отчетливо выраженными опорными устоями. Они соотносятся между собой за счет определенного местоположения. Соответственно этому существуют верхние, средние и нижние опорные тоны, которые в сознании исполнителя устойчивы в достаточно равной степени. Звукоряды таких ранних форм лада характеризуются микроальтерационным изменением звуковысотности напева, как в сторону расширения, так и сужения, а также постепенной, незаметной сменой высотного уровня формулы песни по мере интонационного продвижения. Подобного рода изменения высоты, происходящие в процессе исполнения, сложно определить на слух, они происходят незаметно и зачастую не осознаются самим исполнителем.

Раннефольклорные напевы с «раскрывающимся» ладом не имеют единого ладового центра, и тоны в них функционально равноправны. «Межтоновые отношения в звукорядно неоткриссталлизовавшейся мелодике ... представляют собой подвижное равновесие противоположно направленных тенденций притяжения-отталкивания, рождающее звуковысотную инерцию и препятствующее произвольному перемещению опорно-интонационных уровней. Если под воздействием каких-либо внешних факторов стабильность подобных структур нарушается и лад начинает “раскрываться”, то расстояния между тонами напева возрастают равномерно и пропорционально по всему звукоряду, но отнюдь не одно за счет или вопреки другому. И, следовательно, общее равновесие сил притяжения-отталкивания не нарушается, межтоновые отношения не меняются, а ладовая организация напева, при всех ее звукорядных трансформациях, остается в основном прежней. То же самое мы наблюдаем, когда другие причины (например, повышение тесситуры) сжимают общий диапазон напевов в соответствии с первичными равномерно-пропорциональными нормами» [Там же, с. 148].

Что касается жанрово-стилистического аспекта якутских народных песен, то например, тип пения дьйэрэтии ырыа Э.Е. Алексеев [Там же, с. 11] дифференцирует на концертный пласт, куда включает звучащие в торжественных случаях развернутые импровизации (тойуки), праздничные песни, всевозможные пожелания, славления, напутствия (алгысы). Второй пласт — камерный: его составляют ночные пес-

ни (туул ырыата), песни-стоны (энэлгэн ырыата), прощальные и предсмертные (суланы ырыата), притупляющие боль, «заспинные песни» (көбүтүү ырыата), кликуш (мэнэрик ырыата), а также дорожные, путевые песни (суол ырыата). Помимо представленных выше стилей и жанров, в якутском фольклоре существуют пока еще не изученные исследователями манеры пения, которые Э.Е. Алексеев именует «промежуточными» жанрами и «жанрами, включающими напевы обоих стилей». Такая стилистическая гибкость свойственна многим жанрам якутского фольклора.

Э.Е. Алексеев впервые поднимает проблему связи слова и музыки. Так, в отношении вербальной составляющей традиционных песен народа саха в монографии «Проблемы формирования лада», посвященной ладозвукорядным основам якутских народных песен, утверждает неделимость песенной мелодики и словесной речи, предполагает главенствующую роль ритма слова, который влияет на вокальную музыку. «Слово-слоговой ритм — вот что в конечном счете определяет временную организацию художественной речи, независимо от того, в какой форме — в поэтически стиховой или песенно-музыкальной — последняя реализуется» [Там же, с. 23]. При этом автор выделяет три структурных уровня этой связи через ритм: 1) семантический, 2) временной и 3) уровень «дополнительной выразительности», к которому он относит интонацию, утверждая в самой общей форме, что «связи речевых и музыкальных интонаций в якутской песне являются достаточно ощутимыми и прямыми» [Там же, с. 24].

Э.Е. Алексеев внес существенный вклад в изучение выразительных средств якутской народной песни. Так, по его мнению, якутский тип пения дьизэрэтии ырыа тесно связан с горловыми призвуками — кылысахами. Основу кылысаха составляет «как бы своеобразный, украшающий “контрапункт” к звучанию главной мелодической линии, и кылысах, и мелодическая линия (Прим. наше. — А.Л.) создают эффект специфического “сольного двухголосия” — раздвоения певческого голоса на две самостоятельные по тембру мелодические линии. Этот вполне оригинальный способ пения снижал якутским народным певцам известность ничуть не меньшую, чем слава тувинских “горловиков”, исполнителей традиционного двухтембрового “хомея”, встречающегося и у некоторых других народов» [Алексеев, Николаева, 1981, с. 5].

На основе распевов, также составляющих одно из важнейших средств выразительности якутской народной песни, Э.А. Алексеев впервые начал изучать региональную стилистику якутского пения. Им было выявлено, что в якутском музыкальном фольклоре большую роль играют внутрислоговые распевы. Он констатирует, что олонхосуты приленских (центральных) улусов склонны к широкому и свободному мелодическому распеву. Отсюда и происходит наименование данного диалектного образования, названного Э.Е. Алексеевым «тардан ыллыыр» («поет, украшая каждый слог»). Вилуйские напевы, названные Э.Е. Алексеевым «этэн ыллыыр» («поет, выговаривая»), характеризуются четким, однотипным, достаточно канонизированным распевом. Олонхосуты приленских (центральных) улусов склонны к широкому и свободному мелодическому распеву. Э.Е. Алексеев называет такого рода распевы слогостопными, так как «определяющим структурным признаком тойуков и, следовательно, всей этой сферы образов является более или менее систематический внутрислоговый распев с постоянной (как на Вилуе) или постоянно обновляющейся (как в приленских улусах) ритмоинтонационной формулой. Этот способ пения фактически превращает каждый слог в единообразную или свободно варьируемую, нерегулярную метрическую стопу и в связи с этим может быть назван слогостопным» [Якутский героический эпос..., 1996, с. 48]. Метроритмическая же структура напевов другого стиля якутского традиционного пения — дэгэрэн ырыа — «регламентируется жесткой семисложной и восьмидольной метроритмической схемой, которая благодаря неослабевающей популярности осуокая утвердилась во многих других жанрах бытовой песни, в том числе и не связанных с танцевальным движением» [Алексеев, 1976, с. 13–14]. Таким образом, он также поднимает вопросы метроритмики якутской традиционной песенности.

Э.Е. Алексеев [1986] в монографии «Раннефольклорное интонирование. Звуковысотный аспект» сформулировал принципы создания моделей звуковысотной организации архаических напевов:

- 1) контрастно-регистровая α -мелодика основана на сопоставлении тембров;
- 2) в β -напевах мелодика основана на глissандировании;
- 3) в напевах с γ -мелодикой происходит становление ладозвукорядов.

Он утверждает, что «классификационные возможности приведенной методики могут быть распространены и на иные стороны музыкальной речи <...>. Сходная методика классификации (помимо звуковысотной и временной организации мелодики) может быть распространена и на такие сложные взаимоотношения, как взаимодействие стиха и напева» [Там же, с. 180–181].

Проблема нотных расшифровок якутских традиционных песен, поднятая М.Н. Жирковым, также была развита Э.Е. Алексеевым в его монографии «Нотная запись народной музыки: теория и практика». Э.Е. Алексеев дает представление об условности каждой нотации музыки устной традиции. При этом автор утверждает, что все нотные расшифровки песен отличаются субъективным слышанием нотировщика. В связи с этим он предлагает найти в различных вариантах нотной записи одного напева некий «инвариантный образ песни», «его типологическую структурную модель, отбросив в ней односторонности каждого отдельного подхода и, напротив, соединив в целое их сильные стороны. Однако процедура подобного аналитико-синтезирующего действия чрезвычайно сложна и трудоемка и даже в отдельных деталях не разработана. И тем не менее, именно этой процедуре, скорректированной достижениями наступающего машинного этапа нотной расшифровки фольклорно-музыкальных текстов, принадлежит будущее» [Алексеев, 1990, с. 94]. Интерес Э.Е. Алексеева к нотной записи отразился в сборнике «Образцы якутского песенного фольклора» [1981], а позже послужили основой нотировок в издании 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В 70–80-е годы научную деятельность начинают Н.Н. Николаева и Г.Г. Алексеева. Н.Н. Николаева, выпускница Московского института (академии) им. Гнесиных, в монографии «Эпос олонхо и якутская опера» [1993] рассматривает особенности музыки олонхо как основы для зарождения якутской национальной оперы. Ею исследованы ладовзукорядные особенности напевов якутского героического эпоса, в них Н.Н. Николаева выделяет «модулирующий» лад. Данный термин введен ею в научный оборот впервые. Автор трактует этот лад следующим образом: «В песнях олонхо стиля *дэгэрэн* намечается еще одна разновидность ладовзукорядной организации. Речь пойдет о предпосылках зарождения ладовой модуляции, вызванного естественным процессом формо-

бразования песни ... Приведенные интонационные схемы крайних частей эпических песен *дэгэрэн* отчетливо обнаруживают зачатки формирования пентатоники ... Таким образом, ладовзукорядная организация последних песен раскрывает смену ладов, намечает ладовую модуляцию внутри песен, призванную подчеркивать контуры музыкально-поэтической формы песни» [Там же, с. 42].

В своей монографии Н.Н. Николаева уделяет внимание также ритмической основе мелодий якутских традиционных песен, отведя данной проблематике целый раздел во второй главе. Исследователем устанавливается, что метроритмическая структура напевов опирается и прямо зависит от слогового ритма текста. Эти связи более подробно изучаются на примере эпического стихосложения в сравнении с ритмикой их напевов. Н.Н. Николаева рассматривает связь ритмики текста и мелодии в *олонхо* в двух главенствующих стилях якутской песенности — *дьиэрэтии ырыа* и *дэгэрэн ырыа*. На основании проведенного анализа она делает следующие выводы в отношении эпического песенного исполнительства в манере *дьиэрэтии ырыа*:

«... • соразмерность мелодико-текстового ритма — общая основа ритмического движения *дьиэрэтии ырыа*;

• систематический распев слога по заданной ритмической модели является следствием единой ритмической основы *дьиэрэтии*;

• периодичность подачи слога служит средством ритмизации поэтического текста;

• высокая степень ритмической организации в *дьиэрэтии* сочетается с метрической свободой, вызванной действием свободного течения текста. В итоге — частая смена музыкального размера» [Там же, с. 53]. Таким образом, автор исходит в своем исследовании взаимосвязей слова и музыки из приоритетности слогового ритма текста.

Н.Н. Николаевой [2006] также изучена музыкальная составляющая эвенкийского шаманского камлания. В ее монографии «Песенное творчество М.П. Кульбертиновой» в 10-м томе «Эвенки» серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» исследованы раннестадийные проявления фольклорных напевов в песенном творчестве известной эвенкийской шаманки. Ею впервые описаны камлания М.П. Кульбертиновой. Большую роль в этих камланиях играет шаманский бубен, который, по утверждению Н.Н. Николаевой, «выполняет также функцию “транспорта”».

Под гулкие звуки бубна шаманка отправляется в Верхний мир Угу Буга. Только умелые удары в бубен, по ее (М.П. Кульбертиновой. — А.Л.) словам, помогают ей достичь пределов Верхнего мира, а если помощник шаманки играет на бубне вяло, неумело, то с мучением добирается она до Верхнего мира [Там же, с. 63]. Проведенный автором труда анализ «позволил проследить эволюцию жанра фольклорной песни, а также выявить локальные стилистические особенности песенной культуры эвенков Южной Якутии» [Там же, с. 36].

Г.Г. Алексеева, выпускница Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, занималась изучением творческого пути первого якутского композитора М.Н. Жиркова. Она исследовала многогранную деятельность композитора, его фольклористическую работу. Ею проанализирована опера-олонхо М.Н. Жиркова и Г.И. Литинского «Нюргун Ботур» [Алексеева, 1994а]. Но наибольший вклад ею сделан в изучение долганского музыкального фольклора. Выделяется ее монография «Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган» [Алексеева, 2005], в которой описан жанровый состав долганского музыкального фольклора, принципы ритмических моделей долганских песен, звуковысотные, ладоинтонационные, тембровые и композиционные основы организации традиционных долганских напевов. Ею впервые изучены музыкальные особенности долганских *олонго*: «Сын неба» И.А. Антонова—Иникена, «Сын лошади Аталами-богатырь» И.А. Еремина—Сюютюк. Помимо *олонго*, дан подробный анализ звукоподражаний с точки зрения звуковысотной и ритмической направленности. В статьях Г.Г. Алексеевой «Стилистические особенности долганского музыкального фольклора» [1994б] и «Музыкальный фольклор долган» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [2000] автором выделены 9 типов интонационных ячеек звукоподражаний. Она сформулировала следующую гипотезу: звукоподражания являются основой возникновения и становления песенных жанров с их спецификой интонирования и музыкальной стилистикой. Выявленные исследователем интонационные ячейки отражают звуковысотные варианты, на базе которых утверждается ладозвукорядное и мелодическое своеобразие долганских песен.

В 90-е годы научные изыскания начинают проводить А.С. Ларионова, В.С. Никифорова и Т.В. Павлова, выпускницы Новосибирской го-

сударственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки. Т.В. Павлова [2001] изучает эвенский музыкальный фольклор. В ее монографии «Обрядовый фольклор эвенков Якутии» впервые исследована традиционная музыкальная культура эвенков Якутии. В.С. Никифорова изучает локальную стилистику напевов якутского героического эпоса олонхо в исполнении Д.А. Томской (верхоянская традиция). По ее мнению, «различия в музыкальной стилистике являются, по-видимому, следствием возникновения эпических “диалектов”, возникших из одного источника в результате миграционных волн якутских племен» [Никифорова, 1995, с. 17–18]. Ее музыковедческая статья, в которой описана верхоянская исполнительская традиция олонхо, предваряет двуязычное издание олонхо Д.А. Томской «Ючюгэй Юёдьюгэйэн, Кусаган Ходжугур» [2011].

Автор настоящей статьи А.С. Ларионова под руководством Э.Е. Алексеева написала кандидатскую диссертацию на тему «Жанрово-тематическая классификация песен стиля дэгэрэн ырыа», на основе которой в 2000 г. в Новосибирске вышла ее монография «Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов» [Ларионова, 2000]. В монографии отражено комплексное изучение песенной лирики народа саха и дана ее жанрово-тематическая классификация. Изучена связь дэгэрэн ырыа с якутскими обрядами и рассмотрена региональная стилистика песенной культуры якутов. В 2005 г. А.С. Ларионова защитила докторскую диссертацию на тему «Проблемы взаимодействия музыки и слова в якутском дьэирэтии ырыа», в основу которой легла ее монография «Вербальное и музыкальное в якутском дьэирэтии ырыа», изданная в Новосибирске в 2004 г. В ней обсуждается проблема взаимодействия слова и музыки в якутском дьэирэтии ырыа, определяется место дьэирэтии ырыа в системе жанров якутской традиционной песенности. Дьэирэтии ырыа представлен почти во всех обрядовых и необрядовых жанрах якутского фольклора. Излагаются особенности средств выразительности дьэирэтии ырыа: звукоподражания, кылысахи и распевы. Кроме того, выявляется региональная стилистика песен этого стиля.

В Новосибирске вышла музыковедческая статья А.С. Ларионовой в томе «Якутские народные сказки» 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [2008], в которой отражены музыкальные особенности поющих разделов якутских сказок. Также ею составлен компакт-диск, кото-

рый иллюстрирует исследование живым звучанием образцов. Хочется отметить, что работа над томом сказок началась в 1986 г. совместно с Э.Е. Алексеевым и Л.Г. Ильиной-Голдштейн. В тот период была проведена нотная расшифровка сказок, записанных в экспедиции 1986 г. известными фольклористами В.В. Илларионовым и П.Н. Дмитриевым.

Таким образом, национальные композиторы и музыковеды внесли весомый вклад в становление и развитие якутского этномузыкального знания. Ими намечены перспективы дальнейшего изучения музыкального фольклора народа саха. Решение поставленных и сформулированных ими задач ждет будущих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Г.Г.* От фольклора до профессиональной музыки. — Якутск: Бичик, 1994а. — 160 с.
- Алексеева Г.Г.* Стилистические особенности долганского музыкального фольклора // Языки, культура и будущее народов Арктики: Матер. междунар. конф. Якутск. 17–21 июня 1993 г. — Якутск, 1994б. — С. 89–94.
- Алексеева Г.Г.* Музыкальный фольклор долган // Фольклор долган. — Новосибирск, 2000. — 448 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 19).
- Алексеева Г.Г.* Народно-песенное творчество в системе традиционной музыкальной культуры долган. — Якутск, 2005. — 438 с.
- Алексеев Э.Е.* Проблемы формирования лада. На материале якутской народной песни. — М., 1976. — 288 с.
- Алексеев Э.Е.* Раннефольклорное интонирование. Звуковысотный аспект. — М.: Сов. композитор, 1986. — 240 с.
- Алексеев Э.Е.* Нотная запись народной музыки: теория и практика. — М., 1990. — 168 с.
- Алексеев Э., Николаева Н.* Образцы якутского песенного фольклора. — Якутск, 1981. — 100 с.
- Жирков М.Н.* Якутская народная музыка. — Якутск, 1981. — 176 с.
- Ларионова А.С.* Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. — Новосибирск, 2000. — 152 с.
- Ларионова А.С.* Вербальное и музыкальное в якутском дьэирэтии ырыа. — Новосибирск, 2004. — 324 с.
- Ларионова А.С.* Музыка якутских сказок // Якутские народные сказки. — Новосибирск, 2008. — 462 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27).
- Николаева Н.Н.* Эпос олонхо и якутская опера. — Якутск, 1993. — 187 с.
- Николаева Н.Н.* Песенное творчество М.П. Кульбериновой / Н.Н. Николаева. — Новосибирск, 2006. — 96 с. — (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).
- Никифорова В.С.* Локальные традиции в музыке олонхо: автореф. дис... канд.искусствовед. — СПб., 1995. — 18 с.
- Павлова Т.В.* Обрядовый фольклор эвенов Якутии (музыкально-этнографический аспект). — СПб., 2001. — 263 с.
- Ючюгэй Юёдьюгэйэн, Кусаган Ходжугур / Д.А. Томская. — Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2011. — 376 с.
- Якутский героический эпос «Могучий Эр Сого-тох». — Новосибирск, 1996. — 440 с. — (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).

A.S. Larionova

History of the formation of the Yakut musical folklore

The article considers the history of the formation and development of the Yakut Ethnic music knowledge, starting with the scientific activities of the first professional composer Yakut M.N. Zhirkov and ending with modern scientific research of national researchers, musicologists. The problems for further research in the field of musical folklore.

Keywords: Ethnic music knowledge, folk songs, genres, and styles of folk music, harmony the sound line, tonal characteristics, the melodies of the Yakut heroic epos olonkho.

Л.Ю. Мазай

Музыкально-поэтический язык тахпах*

Поэтическая традиция пронизывает мировидение хакасов, памятники народного творчества. Музыкально-поэтическое единство свойственно художественному наследию хакасского народа. Характерные языковые особенности тахпах (строгая выдержанная поэтика с устойчивыми строфическими образованиями, двучленное построение тахпах, образование поэтической рифмы, аллитерация, разделение строки цезурой на две ритмические группы) находят отражение в музыкальном языке.

Ключевые слова: язык, речь, поэтика, звук, музыка, хакасский эпос, тахпах.

В большинстве исследований, посвящённых вопросам национального языка, поэтики хакасского героического эпоса, музыкального наследия народа, в том числе песенного, учёные освещают вопросы поэтики и музыкознания в отрыве друг от друга.

Современные отечественные исследователи обратились к проблеме взаимодействия слова и музыки (Б. Асафьев, В. Медушевский, А. Михайлов, Р. Насонов, О. Соколов, Л. Гервер, Л. Кириллина, Л. Астрова, Г. Лыжов, Е. Чигарева и др.). Учёные рассматривают многие вопросы: сущность «языка» и «речи»; синтез музыкальных и поэтических средств; формы реализации художественного слова; «музыкальность» литературы и её элементы; законы музыкальной композиции в прозаическом тексте; функции ритма в музыке и литературе и др. Именно эти вопросы стали ключевыми при исследовании музыкально-поэтического языка тахпах.

Прежде обратимся к таким понятиям, как «язык», «речь», «поэтика», «звук-музыка». «Язык» рассматривается как «система знаков, служащих для выражения мыслей и чувств», «речь» — вид реализации этой системы. Язык художественной литературы, часто именуемый «художественным словом», изучается наукой «поэтикой» [Астрова, 2008, с. 109].

Если понятие «поэтика» в широком смысле тождественно теории литературы, то в узком следует понимать под ним поэтический язык, или художественную речь. Поэтика изучает структуру литературного произведения и систему художественных средств, характерных для художника, направления, эпохи, культуры.

Огромная роль в познании и преобразовании окружающего мира отводится музыке. В

работе понятие «музыка» не сводится к одному из видов искусства. В музыке видится особый тип познания, особая духовная деятельность, «связанная с упорядоченным восприятием и созданием звуковых образов [Каратыгина, 2008, с. 38]. PaxSonoris («Звучащий мир» как целостность) стал предметом современного музыкознания (М. Каратыгина, И. Мацеевский, В. Юнусова, И. Ю. и А. Ю. Куликовы, Е. Хаздан, Л. Вишневская, М. Хрущева и др.).

Музыка выражает определённые смыслы, поскольку является миром идей. Природа музыки как некой целостности и её проявления в различных культурах мира изучалась московским композитором и учёным Московской консерватории Дж. Михайловым. Его последователь М. И. Каратыгина рассматривает звук как «... самодостаточное явление, воплощающее в себе весь макрокосм бытия» [Там же, с. 41]. Звук вмещает в себя вечный Абсолют и вступает в коммуникацию с обществом и отдельной личностью. Триада «звук — музыка — культура», парность «звук / музыка» в данном исследовании объединены в понятие «музыка».

В целом поэтическая традиция пронизывает мировидение хакасов, памятники народного творчества. Присутствие певцов и музыкантов обеспечивало успех любого мероприятия (охоты, свадьбы и пр.). Человек, обладающий даром поэтически, ритмически организовывать речь, пользовался в коллективе авторитетом и уважением, занимал особое положение. Такой дар владения словом и музыкальной интонацией человек получал благодаря откровению божества, по наущению духа-предка, исповеди умершего богатыря, что указывает на получение извне вдохновенного слова и способности музицировать [Традиционное..., 1990].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №13-13-19003).

Особое место в жанровой системе фольклора хакасов, несомненно, принадлежит эпосу. Об этом свидетельствуют многие исследователи, посетившие Хакасию в прошлые столетия. Так, В.В. Радлов пишет, что полное господство эпоса он нашёл только у двух народов тюркского происхождения, живущих совершенно отдельно друг от друга: у абаканских (или минусинских) татар в верховьях Енисея (у хакасов) и кара-киргизов (киргизов Тянь-Шаня). Учёный делает вывод о том, что «...склонность к эпической поэзии была уже свойственна хакасам и сохранилась до настоящего времени у всех их потомков... в одинаковой силе, хотя и эти два племени уже более девяти столетий живут совершенно отдельно друг от друга».

Музыка и поэтическое слово опосредовали контакты и с мифическим миром. И.В. Октябрьская и А.М. Сагалаев указывают на интересный факт: под аккомпанемент музыкального инструмента или вокализа фольклорные персонажи нередко совершали путешествия в иной мир. Исследователи отмечают, что при этом акт музыкального исполнения фактически совпадает с перемещением в пространстве и происходит в бессознательном состоянии, что несколько сближает его с кульминацией камлания, когда шаман поёт в «беспамятстве». Путешествие, предпринятое с целью оживления героя, повторяет (с определёнными коррективами) путешествие шамана за душой больного человека. При этом сказители отчётливо помнят о границах своего путешествия и о возвращении в реальность, что указывает на аналогию приёма описания своих действий шаманами [Там же, с. 181].

Общеизвестно, что сказители могли быть советниками ханов и защитниками истории культуры, старейшинами, играющими определённую роль в процессе формирования этнической идентификации. Безусловно, многодневное исполнение героических сказаний требовало от исполнителя мастерства импровизации, владения словом и музыкальным инструментом. Это зависело от специальной подготовки и высокого профессионализма хайджи (нымахчи — исполнителя сказаний), в мастерстве которых воплощён синкретизм: единство певца, инструменталиста, поэта, рассказчика, психолога (хайджи считался мудрецом — «изептиг», знатоком человеческой души).

Анализ сюжетов, формы построения, а также музыки *алыптыгынамаха* с привлечением имеющейся научной литературы позволил выделить основные характеристики данного жан-

ра: единство вокального интонирования с инструментальным, четыре ведущих формы интонирования, трёхчастность построения героических сказаний, соотношение стихотворно-музыкальной речи с прозаической (зависимость ритмических особенностей *алыптыгынамаха* от структуры хакасского языка).

Хакасский фольклор, наряду с эпосом, состоит ещё из двух социальных и художественных течений: народной песни и импровизационных композиций.

Народная музыка, обращённая к обыденному сознанию, включает ритуальные песни — *сыт*, которые исполнялись на похоронах, и застольные свадебные песни.

Например, свадебные песни раскрывали поэтапность свадьбы и в соответствии с ней эмоциональные переживания: жалобы невесты, прощание и пр.

Похоронные песни разделялись на песни, предвещающие смерть, песни-соболезнования, жалобные песни (исполняемые в течение всего ритуала и последующих поминок).

Такие песни можно назвать обрядово-бытовыми, наличие которых наблюдается в обновлённом кип-чоохе, для которого характерно сплетение с жанром песни (в кип-чоохе появляются песни-плачи, связанные с исторической действительностью, многочисленными войнами). В древних плачах (*сыт*), как отмечает А.А. Асиновская, обращение к умершему представляет собой монолог, что сохраняется и позже. Исследователь приводит примеры плачей об Очен Пице, Чанар Хусе, подвергает анализу особенности музыкально-выразительных средств, используемых в плачах. Так, музыковедом выделены следующие стилистические характеристики: усложнённый ритм, появление пунктира, синкоп, расширение диапазона (до септимы), а также отсутствие в мелодических линиях пауз, фермат, глиссандо (скольжение голоса), мелизмов (украшений), которые могли бы более ярко изобразить рыдание. Более того, получившие ладовую и ритмическую основу мелодические обороты могут рассматриваться как ранние прообразы тахпахов и ыр.

Песня живёт в природе и как отдельный жанр. Это лирические песни — *тахпах* (короткая песня) и *ыр* (сагайское и шорское — *сарын*) — длинная песня.

Наиболее популярен в Хакасии *тахпах* — восьмистрочная лирическая песня (может вплетаться в героические сказания, кип-чоохи). Заметим, образы, как правило, реалистичны, что является существенным отличием от образ-

ного строя эпоса. Тематика тахпахов весьма разнообразна: историческая, патриотическая, любовная, философско-нравственная, трудовая, обрядовая. Данный вид музыкально-поэтического творчества отражает все стороны жизни хакасов.

Собирали хакаские тахпахи с дореволюционного периода учёные В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов, позже — д-р филос. н. Л.С. Шептаев (совместно с хакасскими филологами Д.Ф. Патачаковой, А.П. Быотовым, Е.А. Абдиной), М.А. Унгвицкая, В.Е. Майногашева и др. В научных трудах этих учёных дан анализ тематики песен, а также принципы построения тахпаха. Музыковедческий анализ впервые дан композитором А. Кенелем, затем А. Стояновым, в дальнейшем Н. Барановой, О. Капсаргиной.

Тахпах часто именуется как песня-экспромт, песня-импровизация. В основе импровизации лежит умение рассказчика говорить, соотнося «вербальную» битву в форме диалога между двумя или более поэтами-певцами, умение на определённый мотив наложить поэтический текст с долей юмора. Такое соревнование могло длиться весь день, до ночи. В Республике Хакасия ежегодно проводится национальный фестиваль «Айтыс», на котором соревнуются тахпахчи и хайджи. Возраст исполнителей различен: от школьного до пенсионного. На фестивале-конкурсе представлены фактически все районы республики. В сольном и ансамблевом исполнении звучит большое количество тахпахов, которые, по традиции, импровизировались, при этом на ходу сочинённые тексты ложились на один интонационный мотив. Более того, намечен рост частоты исполнения женщинами элементов хая. Возможно, это продиктовано изменением положения женщины в культуре, в обществе. Активность, продвижение по работе, стабильность, прагматизм характеризуют современную хакасскую женщину. Результатом таких психологических изменений стало отторжение страхов и запретов исполнения горлового пения женщинами.

Несмотря на импровизационность, тахпах имеет свои каноны формообразования, что требует от певца определённых умений.

П.А. Трояков [1964, с. 26–43] выделил характерные языковые особенности тахпаха, которые мы сопоставили с музыкальным звучанием:

1. Строгая выдержанная поэтика с устойчивыми строфическими образованиями. При этом часто певец-импровизатор не думает о смысловом значении каждого слова, заботясь о красоте фразы.

2. Двучленное построение тахпаха, повторение одной смысловой вариации в различных смысловых поэтических оттенках. В соответствии с таким параллелизмом, по мнению хакасского филолога, наблюдается строго симметричное построение полустроф. При этом каждая строка второй строфы параллельна той же строке первого четверостишия.

3. Сопоставление ряда синонимических значений (золото—серебро, мать—отец, солнце—луна и пр.) создаёт вариации одного поэтического понятия.

4. Композиция четверостишия определяется принципом образного сопоставления. Исполнитель сравнивает образы с картинами и явлениями природы, что позволяет говорить о наличии в тахпахе двойного параллелизма.

5. Особенностью хакасского стиха, как, впрочем, и вообще тюркского, является образование поэтической рифмы, связанной с наличием сходных грамматических форм в строках. На конце строчки могли быть идентичные слова или тождественные морфологические формы слов. Например, *пызанда — хастада* (обстоятельство места), *иртедир — öзедир* (глаголы настоящего времени). Филологи приходят к выводу, что принцип рифмовки в тахпахах одинаков, несмотря на разное строение песен (двухстрочных, четырёхстрочных и т.д.). П.А. Трояков приводит в пример расшифрованные надгробные эпитафии, в которых наблюдается наличие простейших поэтических созвучий, определяющихся характером древнетюркского языка. Западные тюркские народы (узбеки, туркмены, азербайджанцы), как отмечает учёный, в силу исторических условий подверглись влиянию более высокой арабско-персидской культуры, что привело к изменениям в языке. Алтайская же группа тюркских племён и народностей не подверглась этому влиянию, что позволило сохранить в устных образцах (эпосе, песнях) древние особенности поэтических конструкций, в том числе и рифмы.

В хакасской музыке, как правило, одинаковы ритмические и интонационные окончания с присущим им отсутствием ладового, тонального тяготения, ритмической свободы. Такие особенности музыкального изложения дают ощущение непрерывности и бесконечности музыкально-поэтического повествования. По сути, речь идет о цикличном музыкальном времени.

6. Поэтике хакасов свойственна аллитерация, понимаемая как:

- созвучие начальных слов,
- созвучие рядом стоящих в одной строке

звучков, т.е. межсловесная горизонтальная аллитерация. Начальные гласные фонемы придают стиху определённую звучность, определяют его музыкальный тон.

7. Строка в народной песне разделялась цезурой на две ритмические группы: первая имела восходящую интонацию, вторая — нисходящую. Такое сочетание звуковысотности прослеживается и в мелодической линии.

Музыка в тахпахе, как отмечает А.А. Асиновская, подчёркивает границы синтаксических построений, соответствующих друг другу пар строк, цезуру между полустихиями. Рифма, если она выдерживается певцом, отмечается динамическими, ритмическими, звуковысотными средствами, она способствует симметрии мелодического рисунка [Асиновская, 1997, с. 334–335]. Однако следует обратить внимание на то, что мелодический рисунок не всегда симметричен, поскольку, он, во-первых, варьируется, во-вторых, полностью зависит от прозаической речи, пропеваемой в зависимости от произношения специфических гласных и согласных хакасского языка и соответствующего ударения. Возможно применение симметрии:

— к форме построения в виде вопроса-ответа, что приводит к членению куплета на две части в соответствии со строением стиха,

— к выбору формы существительного или предлога, но не мелодической линии.

Песни, называемые *ыр* (длинные песни), близки к тахпахам по строению, сохраняют двухчленную структуру, характер повторов и пр. Данному виду песен свойственно четырёхстрочное построение с наличием следующих художественных приёмов: противопоставления, синтаксического параллелизма, рифмы. Последнее качество характерно для стихосложения середины XX в., что указывает на то, что песня (ыр) является наиболее молодым жанром.

В целом, в песне продолжают развиваться стилистические черты музыкального искусства хакасов. Песня чутко реагирует на происходящие изменения в психологии народа, что находит отражение и в интонационной песенной сфере.

В заключение сформулируем основные положения работы:

1) музыкально-поэтическое единство свойственно художественному наследию хакасского народа;

2) различное произношение гласных и специфика ударений объясняет неквадратность строения музыкальных интонаций, смещение сильных долей, переменность размера, отсутствие тактовой организации, присущих хакасской музыке в целом;

3) характерные языковые особенности тахпаха (строгая выдержанная поэтика с устойчивыми строфическими образованиями, двучленное построение тахпаха, образование поэтической рифмы, аллитерация, разделение строки цезурой на две ритмические группы) находят отражение в музыкальном языке данного жанра;

4) сохранение и развитие традиционного музыкально-поэтического языка позволят народу сберечь песенную культуру как основу его духовной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Асиновская А.А. Хакасы // Музыкальная культура Сибири: в 3 т. — Т. 1, кн.1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. — Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки, 1997. — С. 317–345.

Астрова Л. Вокальная речь как синтез слова и музыки // Слово и музыка: материалы научных конференций памяти А.В. Михайлова. — Вып. 2. — М.: Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского, 2008. — С. 109–129.

Каратыгина М. PaxSonoris как предмет современного музыкознания // PaxSonoris: история и современность. — Вып. 3. — Астрахань, 2008. — С. 38–44.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. — Новосибирск: Наука, 1990. — 209 с.

Трояков П.А. К вопросу о хакасском стихосложении // Учён. записки ХННН. — Вып. 10. Серия филологическая. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1964. — С. 26–43.

L. Yu. Mazai

Musical and poetic language takhpakha

Poetic tradition permeates the world view Khakas, monuments of folk art. Musical and poetic unity peculiar artistic heritage Khakassian people. The characteristic features of the language takhpakha (strictly consistent with sustainable poetic stanza formations, the two-term construction takhpakha, education poetic rhyme, alliteration, the division line caesura into two rhythmic groups) are reflected in the musical language.

Keywords: language, speech, poetics, sound, music, Khakassian epic, takhpakh.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

УДК 398(571.56–17)

В.Е. Васильев

Петроглиф близ перевала Бакиркичан и его интерпретация в свете этнографических сведений о «шайтанах»

Автор сообщает о новом петроглифе, обнаруженном в горах Момского улуса, и условно называет его «шайтаном». Мифы и легенды о «шайтанах» позволяют более широко рассматривать северный шаманизм, который тесно связан с сакральными местами, где древние аборигены приносили жертвоприношения.

Ключевые слова: шаманизм, культ предков, фетиши, наскальный рисунок, мифы, легенды, ритуалы, юкагиры, эвены, долганы, саха.

12 августа 2012 г. со стоянки Тунгундья я пешком направился на перевал Бакиркичан («Скользкий»), чтобы оставить на священном камне подарок – старый сломанный будильник оленеводческого стада «Бэркичэх». Путь до вершины горы должен был занять час, где-то в середине пути вверх по речке Тургундья справа существует поворот на перевал – безымянная каменистая речка, текущая с вершины гор. Эта речка на месте слияния с Тургундья окаймлена с двух сторон каменными глыбами, образующими «ворота» на Бакиркичан. Южная стена правой скалы имеет лицевую часть из чёрного камня, а левая скала за речкой щетинится плитами из красноватых горных пород.

Проходя мимо, я издали увидел на тёмном фоне гладкого камня две белые линии в виде буквы «Л». Свернув с тропинки на несколько метров, я несказанно обрадовался: это был петроглиф в виде антропоморфной фигуры человека с поднятыми руками. Как потом выяснилось, о существовании этого рисунка не помнили даже эвены-оленьеводы, годами кочующие по этому маршруту. Его не заметил и путешественник-экстремал Е.П. Макаров, который вслед за мною проехал на лошадях по той же тропинке.

Петроглиф в виде человечка нанесен на уровне роста человека. Общая высота рисунка 75 см, ширина сверху – 70 см, а снизу – 55 см. Верхняя часть напоминает букву W, а нижняя – букву А. Голова четко не прочерчена, и фигура кажется остроголовой. Руки направлены вверх, они выше средней части, где должна быть го-

лова. Крайние две палочки рук раздвинуты в стороны и имеют длину до 35–40 см. Средние линии, образующие острую голову и опускающиеся до локтей – 30 см.

Высота от уровня талии до вершины головы равна 25 см, а ширина корпуса в области «плеч» – 10 см. Расстояние между локтями и нижней частью талии соответствует 5 см. Две палки ног имеют длину до 55 см, ширина между ними также 55 см. Л-образные ноги соединены линией на уровне 30 см ниже талии. Длина поперечной линии равна 25 см.

Таким образом, остроголовая фигура человека стоит в позе адорации с широко расставленными конечностями. Нижнюю часть в области подола вертикально прорезает естественная расщелина скалы, что создаёт впечатление о наличии здесь символа женского начала. Техника нанесения рисунка архаичная: в качестве карандаша неизвестный художник мог использовать бруски камня шириной до 3–4 см, с помощью которых прочерчивал белые полосы на чёрном фоне. Прямые черты линий сохранили следы сколов мелких частиц плитняка, ширина линий колеблется от 3 до 5 см. Образцы брусков для рисования тут же рассыпаны под скалой.

Судя по знаку женского начала в виде тёмной расщелины, изображение могло отражать образ хозяйки горного перевала. Согласно мифу эвенов Момского улуса, в старину здесь жила красивая девушка с тремя оленями, которая каждый день уходила в горы. Однажды она снесла своих оленей и уехала навсегда.

Братья слышали в горах хлопок, похожий на звук капкана. Так, девушка превратилась в духа горы. В старину эту местность называли «Могилой девушки», а сегодня она известна как гора «Ю Хайа» [Федоров, 1994, с. 87–88].

По информации М.Г. Корякиной (1949 г.р., эвенка), на вершине перевала Бакиркичан окаменел олень девушки, а сама она — в Дьолутките (с эвен. дёл 'камень'). Саха называют эту местность Кыыс Үрүйэтэ («Девичья речка»). Дорожные сумы *матаҕа* окаменели в м. Айынҕы. В Дьолутките стоит большой валун, который в середине имел расщелину. Раньше она была широкая, и люди через эту щель могли разглядеть внутри валуна место, в середине которого находился камень, похожий на сидящую девушку, занятую шитьём. На камне четко обозначались голова и плечи. Под валуном люди оставляют в подарок духу горы белые камешки. Возможно, под грудой этих камней находится могила той девушки.

По легендам Верхоянья, дух горы Ыыннаах (Киһилээх) была раньше дочерью богатого саха. Достигнув 40-летнего возраста, она превратилась в медведицу и ушла в горы, оставляя на снегу следы получеловека-полумедведя. Каждой весной она возвращалась домой и доила своих коров. Однажды её берлогу обнаружили охотники. Медведица просила их не убивать её и протягивала свои серебряные украшения. Эвены закололи её косяным копьем, но после этого случая все вымерли [Фольклор Верхоянья, 2006, с. 136]. Позже в горах Ыыннааха (Кисилыха) медведица иногда показывалась русским, что приводило к смерти последних.

Мифы и легенды Момы и Верхоянья звучны в том отношении, что у эвенов и саха медведь почитается как священное животное. Чистая дева превращалась в камень (фетиш) или медведя (тотем), но в любом виде она выступала в образе прародительницы и хозяйки земли. При этом мужчины в матрилокальном обществе считались чужеродцами, что указывает на глубокую архаичность образа девы. Культы тотема и фетиша наводят на мысль, что момский петроглиф был связан с «шайтанами» — местами и предметами поклонения аборигенов северной Евразии.

Тема «шайтанов» в Якутии представляет собой одну из самых интересных и в то же время малоизученных проблем этнографии. Между тем она может пролить свет на многие вопросы: существовал ли культ предков у народов Сибири, какую роль этот культ играл в шаман-

стве, и в каких формах проявлялся в разных уголках северо-востока Азии? Как известно, историк С.А. Токарев [1990, с. 228, 242–265] отрицал возможность существования культа предков почти у всех этносов этого региона, объясняя свое предположение патологическим страхом аборигенов перед духами умерших.

Взгляды С.А. Токарева были развернуты Б.П. Шишло на материале народа саха. По его мнению, основными причинами отсутствия культа предков у саха являлись: 1) неумолимое разрушение родового строя и потеря вождями своей власти не только на земле, но и на небе; 2) «перестройка» всей социально-экономической структуры якутского общества после прихода русских на Лену. Эти причины привели к быстрому исчезновению культа предков у якутов [Шишло, 1971, с. 134–140].

Однако последние исследования в области верований коренных этносов Якутии позволяют считать эту гипотезу ошибочной и, более того, связать культ предков с шаманством автохтонов северо-восточной Азии. Иными словами, культ предков в различных формах лежал в основе шаманизма, и *само существование шаманства немыслимо без культа предков*. Отрицание этого факта ставило в тупик советских историков и религиоведов, изучавших истоки традиционных верований.

В архиве ЯНЦ СО РАН этнограф А.А. Саввин оставил пять рассказов о тунгусских *сайтаанах*, записанных им в Абыйском и Верхоянском районах в 1939–1940 гг. Согласно этим рассказам, в старину тунгусы из трупов или отрезанных голов великих шаманов и шаманок изготавливали мумии. Они возили эти фетиши на священных оленях, молились им и просили у духов предков защиты. Некоторые старики утверждали, что они своими глазами видели *сайтаанов*. Они также сообщали, что тунгусы переняли этот обычай у юкагиров [Васильев, 2004, с. 194–196].

В мае 2001 г. эта тема была нами продолжена в Санкт-Петербурге: в отделе Сибири Кунсткамеры я познакомился с В.П. Дьяконовой, которая в день моего приезда освобождала письменный стол от старых документов. Узнав о том, что я принёс доклад о тунгусских «шайтанах», она задумчиво произнесла: «Может, это вам пригодится?» и... подняла с пола пожелтевшие листы. Это оказалась рукопись А.А. Попова «Долганские сайтааны». Так, благодаря В.П. Дьяконовой, уехавшей вскоре в Америку, рукопись избежала печальной участи и была нами опубликована [Попов, 2010].

По материалам А.А. Попова, долганы почитали *сайтаанов*, поклонялись им и приносили жертвы. В качестве фетишей служили скалы, камни и деревья необычной формы, шаманские атрибуты и редкие вещи (напр., русский котелок). В рамках нашего сообщения интересен миф о принесении в жертву духу Земли красивой девушки. Взамен за это дух обещал вернуть людям охотничью удачу, которую унесла с собою Оспа. Девушку снарядили как невесту на свадьбе и с *аргышем* навьюченных оленей подняли в гору навстречу солнцу. Там, на вершине горы, девушка и все олени с приданным превратились в камни. Их окаменевшие образы долганы стали почитать в качестве *сайтаанов*.

Аналогичный миф о превращении девушки в скалу существует в сказке юкагиров, записанной В.И. Иохельсоном. Сюжет сказки таков: жил-был старик, который имел трех дочерей. В пылу экстаза он бросил старшую дочь в воду, которая превратилась в шаманку. Позже эта шаманка во время камлания подарила младшую сестру каменной женщине, которая заключила эту девушку внутри скалы.

Сюжет сказки исследователь объяснял тем, что в древности юкагиры дарили богам не только собак, но и девушек. Относительно «шайтанов» автор писал, что они хранили кости шаманов, заворачивая их в одежду. Череп насаживали на ствол дерева. Для идола шили два кафтана и две шапки. Фетиш помещали в переднем углу дома и перед едой окуривали его дымом. В конце XIX в. юкагиры относились к своим «шайтанам» весьма скептически [Иохельсон, 2005, с. 236–237, 337–240, 388–389].

Перед вылетом в Якутск мне удалось записать ценную информацию от М.П. Федотовой (1946 г.р., эвенка). Её мать Христина Петровна Голикова (умерла в 1988 г. в 95 л.) в своём сундуке хранила *хайтаана* – маленького человечка из горного хрусталя, одетого в нежную шкуру оленёнка из чрева важенки. В углу сундука была просверлена дырка, чтобы дух *хайтаан* мог свободно выходить и заходить. Этот идол был ростом с рукоятку ножа, имел один черный глаз, а второй был вроде закрыт, а еще одна нога была длиннее. После смерти матери Мария Прокопьевна сдала её шаманский костюм в музей, а идола в сундуке не нашла. Он исчез. Видно, старая шаманка не захотела оставлять его. Дочь предполагает, что идол *хайтаан* мог достаться Х.П. Голиковой от её матери.

Возможно исчезнувший «шайтан» передавался в роду по линии женщин-шаманок, что

сближает его с каменной девушкой Бакиркича-на. Сравнение данных разных народов доказывает, что петроглиф относится к категории «шайтанов». Датировка петроглифа остается открытой, так как техника нанесения рисунка способом черчения камнем на камне могла существовать от эпохи неолита до позднего средневековья.

В селе Хонуу меня пригласила писательница Евдокия Николаевна Бокова (1933 г.р.) и рассказала местные легенды о шаманах. Например, такую. В начале 1930-х гг. арестовали и отправили в Якутск шамана Василия Никулина. Вместе с ним в тюрьме сидели шаманы К. Чирков и П. Неустроев (Кыстарович). Когда их выпустили на свободу, они приняли облик рыб и по Лене приплыли на север. Шаманы по вкусу воды узнали Ледовитый океан и далее полетели вверх по Индигирке, превратившись в чаек. Позднее Василий исчез, но, говорят, его видели на Колыме.

На могилах шаманов эвены, по её словам, оставляют щепотки чая и табака, иногда кладут зажжённые папиросы. Отец Евдокии Николаевны мог управлять облаками. Когда умер её дед, для него способом удушения умертвили ездового и вьючного оленей. Бабушка Евдокия Николаевна говорила, что душа деда поедет на них очень далеко. На крест могилы повесили иконку. Духи предков всегда оберегают и «кормят» своих потомков.

В конце беседы Е.Н. Бокова поведала свою гипотезу о происхождении термина шаман и заявила: «Мы называем шамана *хааман*, что означает “знающий” (по-якутски – *билээччи-көрөөччү*)». Моё сомнение по этому поводу могло обидеть собеседницу, поэтому я обратился к М.Г. Корякиной, живущей тогда в селе Буор Сыһыы. Она рассказала следующее: «Мы различаем три диалекта эвенского языка. Магаданские эвены говорят на букву «с», а наши заречные и догдолорцы – на букву «h». Например, *хаавай* ‘знатный’ (як. *билиилээх*), *хаадай* ‘знать’, *хаарым* ‘знаю’ (як. *билэбин*), *хаалын* ‘толковый’ (як. *билээччи, билигэс киһи*), *хаачын* ‘знакомство’ (як. *билсии*) и др. Близость этих терминов со словом *хамаан* может быть чистым совпадением».

Как нам кажется, известная писательница могла почерпнуть знания из научной литературы, в которой есть версия о том, что нанайское слово *самаан* этимологически связано с корнем *са-* ‘знать, узнавать, постигать’ [Киле, 1976, с. 199]. Наши полевые материалы говорят о том, что по вопросу происхождения этого

термина среди эвенков нет единого мнения. Бесспорно, что в приведённых выше примерах ударение всегда падает на первый слог, а шаман на языке тунгусоманьчжуров звучит как *самаан*, с ударением в конце, что показывает сомнительность этимологии слова *хааман*.

Надежда найти в Момском улусе настоящего «шайтана» не оправдалась. Однако эта тема заставила автора углубиться в архаичный пласт фольклора, и это позволило связать петроглиф с шаманским культом. Мы можем твёрдо утверждать, что культ каменной девушки и сам петроглиф проявляют яркую связь с солярным культом. На это указывает южная ориентация камня с фигурой женщины, поднявшей к солнцу свои руки. Этот факт опровергает мнение некоторых учёных о том, что верования арктических народов относились преимущественно к «чёрному» шаманству.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Васильев В.Е. Сайтаан // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы V Сибирских чтений. — СПб.: МАЭ РАН, 2004. — Ч. 2. — С. 194–197.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. — Новосибирск: Наука, 2005. — 675 с.

Киле Н.Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). — Л.: Наука, 1976. — С. 189–202.

Попов А.А. Долганские сайтааны // Во имя возрождения, сохранения и развития культуры народов Сибири: русская этнографическая традиция: Мат. Всерос. науч.-полевого семинара, посвящ. 100-летию А.А. Попова и 125-летию В.Н. Васильева (2003 г.) и Всерос. науч. конф. «И.В. Попов — основоположник изобразительного искусства Якутии: исследователь, просветитель, гуманист», посвящ. 130-летию И.В. Попова (2004 г.). — Новосибирск: Наука, 2010. — С. 112–119.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. — М.: Политиздат, 1990. — 662 с.

Федотов Г.М. Фольклор Момы. — Ч. I. — Якутск: ЧИФ «Ситим», 1994. — 112 с.

Фольклор Верхоянья (былины и легенды). — Багдай: Верхоянское управление культуры, 2006. — 175 с.

Шишло Б.П. К вопросу о взаимоотношениях социально-родовых отношений и дохристианских верований якутов // Вопросы науки в трудах молодых ученых Якутии. — Якутск, 1971. — С. 134–140.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

1. Бокова (Слепцова) Евдокия Николаевна (1933 г.р., эвенка).

2. Голиков Михаил Николаевич (1938 г.р., эвен, оленевод).

3. Корякина Мария Гаврильевна (1949 г.р., эвенка).

4. Федотов Григорий Михайлович (1945 г.р., вил. саха, фольклорист).

5. Федотова Мария Прокопьевна (1946 г.р., эвенка).

V.E. Vasiliev

Petroglyph near the pass Bakirkoy and its interpretation in the light of ethnographic information about the «shaitans»

The author reports a new petroglyph, found in the mountains of Minsky ulus, and conventionally calls its «Shaitan». Myths and legends about the «shaitan» allow more widely consider the northern shamanism, which is closely deal with the sacred place where the ancient natives brought sacrifices.

Keywords: shamanism, ancestor worship, fetishes, rock drawings, myths, legends, rituals, Yukagirs Evens, Dolgans, Sakha.

УДК 39 (571.151)

В.В. Ушницкий

Поездки в тюркские республики Южной Сибири: впечатления этнографа

Статья посвящена впечатлениям от поездок на научные конференции по Южной Сибири: Тыве, Хакасии и Горному Алтаю. Такие поездки дополняют портфель исследователя новыми материалами, позволяют

увидеть объект исследования собственными глазами, свободно ориентироваться в географии района и познакомиться с местными учеными. Посещение музеев, богатых археологическими артефактами и памятниками рунической письменности, а также возможность увидеть археологические памятники в поле позволяют окунуться в глубь веков и ощутить непрерывную связь времен.

Ключевые слова: этнография, конференции, Южная Сибирь, тюркология, рунические памятники, туризм, шаманизм.

Республики Хакасия, Тыва и Горный Алтай, как и Республика Саха (Якутия), расположены в стороне от основных транспортных магистралей. Посещение этой неизвестной мне ранее Сибири с ее многочисленными, самобытными малыми народами оставило неизгладимое впечатление.

Абакан, столица Республики Хакасия, — очень красивый, утопающий в зелени город. На этой гостеприимной земле нам удалось побывать дважды: в 2008 г. — на конференции, посвященной 110-летию расшифровке древнетюркской письменности В. Томсеном и В.В. Радловым, летом 2010 г. — на международной научно-практической конференции по чатхану. Предки хакасов — енисейские кыргызы, были воинственным и культурным народом. Самоназвание хакасов — тадар. В дореволюционное время их знали как минусинских татар. В советское время, в 20-е годы XX в., хакасская интеллигенция выступила с предложением о принятии имени кыргыз в качестве самоназвания. Поскольку в Тянь-Шане уже существовал народ под именем кыргыз, то сошлись на названии хакас, которое было взято из китайских источников. На самом деле, это лишь одно из прочтений иероглифа, отражающего этноним кыргыз. Енисейские кыргызы в течение почти ста лет воевали с русскими отрядами, высылаемыми против них из всех сибирских городов, и в свою очередь сами осаждали гг. Томск, Кузнецк, Красноярский острог. Одновременно они сопротивлялись агрессии монгольских ханов и джунгарского контайши. В результате их национальный герой Иренак, множество раз разбивавший отряды русских стрельцов и казаков, осаждавший русские остроги и города, пал около Телецкого озера в неравном бою против монголов.

Когда кыргызы жили на Енисее, у них были многочисленные подвластные роды — так называемые кыштымы, которых кыргызы облагали ясаком. Среди них упоминаются сагайцы, качинцы — население Среднего Енисея, бельтиры и кызыльцы. Названные племена вполне могли быть потомками других тюркоязычных племен, находившихся в зависимости от кыргызов Енисея, например, курыкан или алатов.

В этой связи интересно, что в хакасском фольклоре сохранилось самоназвание населения Минусинской котловины — хонгорой. Версию, в которой термин хонгорой выступает в качестве самоназвания хакасов, выдвинул профессор Виктор Яковлевич Бутанаев. Он автор многочисленных монографий по топонимике, степному праву, истории, религиозным основам бурханизма и традиционного хакасского шаманизма, по родовому составу, а также историко-культурного словаря хакасского народа.

Хакасы — народ не только с древней письменностью, но и с древней музыкальной культурой. Об этом свидетельствует сохранившийся струнный инструмент — чатхан. Хакасы составляют только 10% населения многонациональной республики. Поэтому, когда проходит какое-либо чисто хакасское мероприятие, вся хакасская интеллигенция, молодежь и простые люди собираются в парке, одевшись в национальную одежду. Этой сплоченностью и неподдельной радостью на лицах они напоминают Якутск советских времен, когда в конце 80-х начинали проводиться первые осуохаи, выступления ученых и писателей, городские ысыахи, собиравшие огромную аудиторию.

На конференции по чатхану в 2010 г. принимали участие исследователи из Германии, Испании, Японии, Горного Алтая и т.д. Они исполняли мелодии на чатхане в юрте, в театре, в Национальном парке им. Кадышева. Гостеприимство хакасов проявилось в том, что для участников конференции они организовали широкую культурную программу, в которую входил показ музеев, известных археологических памятников и этнографических комплексов. В благодатной Минусинской котловине еще в глубокой древности существовал один из очагов человеческой цивилизации. Окуневцы возводили каменные изваяния, в которых отражали свои мифологические представления, удивительным образом совпадающие с сюжетами олонхо, — противостояние сил добра и зла, в символической форме борьба с фантастическими животными, разделение Вселенной на три мира, первые навыки скотоводства. Это можно увидеть в памятниках, возведенных еще

4 тысячи лет назад первыми людьми, ступившими из каменного века в эпоху металлов. О почитании хакасами каменных статуй с таинственными ликами свидетельствует поклонение Улуг Куртуях Тас — богине деторождения. Побывали мы и в Барсучьем Логе — памятнике, изучение которого совместной германо-русской экспедицией вызвало оживленные дискуссии в прессе.

Во время конференции, посвященной прочтению древнетюркской руники, мы, гости, посетили Минусинский музей, во дворе которого увидели множество стел с руническими знаками. Их начали собирать еще в 20-х гг. XX в., что спасло многие памятники от уничтожения в советское время. Окуневские стелы покрыты загадочными знаками и нарисованными ликами. Многие из них стерты. Салбыкский курган, камни, стоящие вокруг, оказывают ошеломляющее впечатление. Курган был построен как место усыпальницы тагарского царя. Можно себе представить, какой властью обладал он в Минусинской котловине! Плавание на теплоходе по Енисею и далее по искусственному Красноярскому морю к писанице в дни проведения симпозиума по чатхану тоже было увлекательным. Восхождение на гору, на вершине которой можно было запечатлеть старинные рисунки, нанесенные человеком, отняло много сил. Наградой после спуска были традиционный шашлык и баня на теплоходе.

Горы в Хакасии — это нечто! Они не такие высокие, как на Алтае, поэтому на них при желании можно взобраться. Во время первого посещения Хакасии, в 2008 г., вместе с сотрудниками ХакНИИЯЛИ я взобрался на гору Шишка, возвышающуюся над Минусинском. Там находится укрепление, возведенное человеком, — шиве. Исследователи спорят о его предназначении.

Летом 2012 г. мы побывали еще раз в Хакасии на национальном празднике Тун Айран. Обычно у них проводится Тун Пайрам под патронажем правительства Республики Хакасия. Поскольку это праздник административный, то он давно перерос рамки народного гуляния. Поэтому передовые хакасы, озабоченные сохранением родного языка и культуры, решили проводить свой национальный праздник «первого молока» рядом с озером Шира в Аскизской степи. Два дня над сопкой веял на ветру хакасский флаг. Сначала милиционеров было больше, чем организаторов и помощников. Они, по указанию районного начальства, вся-

чески препятствовали проведению народного праздника, не вошедшего в перечень республиканских мероприятий. В этом смысле накаленная обстановка вокруг проведения Тун Айрана напоминала ситуацию конца 80-х гг. в Якутске, когда вдруг стали проводиться позабытые национальные Ысыахи. Всю ночь в расположившихся на сопке юртах звучали песни, исполняемые на топшуре. Борцы, прибывшие из окрестных сел, участвовали в национальной борьбе на поясах, отличающейся динамичным характером.

В Красноярском крае на поляне около знаменитого села Шушенское проводится ежегодный международный фестиваль этнической музыки «Саянские огни». На нем почти каждый год своей музыкой и костюмом производит фурор группа Айырхаан, возглавляемая Альбиной Дегтяревой. В 2010 г. в фестивале принимал участие Саарын. Активное участие принимают и тувинские исполнители горлового пения. Когда якутская труппа организовала ночную дискотеку, играя на хомусе для 10–20-тысячной славянской молодежной аудитории, от восторга захватывало дух.

Из Абакана в Республику Тыва ехали на автомобиле. Вид высоких перевалов с заснеженными вершинами завораживал. Семь часов на такси — по шоссе, по горным перевалам и степи, рядом с горными речушками — и ты на территории Тывы. Тыва еще в XIX в. обрела независимость от Цинской империи Китая и на картах фигурировала под названием Урянхайский край. После СССР и Монголии под названием Танну-Тувинская народная республика стала третьей социалистической страной в мире. В 1944 г. она была аннексирована СССР.

В начале 90-х гг. произошли сильные национальные волнения и из республики начался отъезд русскоязычного населения. Волнения прекратились только тогда, когда в степные районы вошла дивизия ВДВ.

В настоящее время строится железная дорога Новосибирск — Кызыл. В связи с этим у местного населения имеются большие опасения, т.к. она должна пройти по местам расположения древних курганов. Тыва скоро может стать археологической Меккой. В национальном музее имени Маадыра открылся Золотой Зал, где выставлены редчайшие золотые сокровища из кургана Аржан. Второй Аржанский курган был открыт и изучен российско-германской экспедицией, но правительство Тывы добилося передачи обнаруженных артефактов в собственность республики.

Обычно тувинскую молодежь считают агрессивной и маловоспитанной ввиду их гордого и воинственного нрава. Прочитав и написав рецензию на монографию отставного генерала Российской армии Вячеслава Даржаа «Мужские занятия тувинцев», мы разгадали этот феномен. Тувинцы сохранили традиции и быт степняков Центральной Азии, где принято убивать волка кнутом на полном скаку, выходить на медведя и волка с одним ножом, совершать рейды в соседние регионы с целью кражи лошадей, сутками находясь внутри табуна, не выдавая своего присутствия табунщикам. Надеюсь, что когда-нибудь и у нас появится подобный труд, повествующий о якутских коневодах, оленеводах, охотниках и рыбаках, об особенностях якутской охоты на утку и горного барана — чубуку, волка и медведя.

Территория Тывы состоит из совершенно разных географических районов. Есть и тундровая зона — это район Тоджи, здесь живут тувинцы-тоджинцы, получившие недавно статус малочисленной северной народности РФ. Средство их передвижения — олени, способ существования — охота и рыболовство. По труднодоступной горной тайге Саяна и Алтая тувинские этнические группы мигрировали в соседние регионы — в Бурятию и Монголию. В Монголии в труднодоступной горной зоне есть малочисленный народ цаатаны, в Бурятии — тофалары, или карагасы, — все они часть тувинского народа.

В Тыву мы отправились после Хакасии, 6–7 июля 2010 г. 1–4 июля одновременно с мероприятиями в Хакасии там состоялась международная конференция, посвященная 80-летию тувинской письменности. У всех тюркских народов, кроме сибирских, были собственные системы письменности, связанные с принятием буддийской, исламской, иудейской веры.

Горный Алтай справедливо называют Российской Швейцарией. Величественные горные пейзажи сочетаются с бурными реками (Катунь, Бия, Чулышман). Горные, ледникового происхождения, чистейшие озера: Телецкое — одно из самых глубоководных в мире, Мультинское и Тайменье — в Усть-Коксинском районе, восхищают туристов своей красотой. В июле 2010 г. мы приняли участие в работе ежегодной научной конференции, посвященной юбилею великого русского художника Г.Е. Чорос-Гуркина, запечатлевшего на своих картинах виды Алтая и быт алтайских народов в начале XX в. Национальный лидер алтайско-

го народа, председатель правительства Республики Горный Алтай, он в годы Гражданской войны и в первые десятилетия советской власти пережил все тяготы, связанные с бурными событиями и преследованиями. Его картины, выставленные в Барнаульском музее, куда мы приехали на научную конференцию «Этнография Алтая и сопредельных районов», потрясли нас изображением быта алтайских скотоводов и охотников, горных пейзажей Великого Алтая. Думаю, что знакомство с картинами и творчеством Г.Е. Чорос-Гуркина стало бы огромным событием в культурной жизни якутской общности. На Алтае хорошо знают нашего министра культуры и театрального режиссера А.С. Борисова, поставившего спектакль о Чорос-Гуркине.

Сразу после Аноских чтений в музее-усадьбе Г.Е. Чорос-Гуркина в Аносе начался национальный праздник Эль Ойун, проводящийся в местности Эло Онгудайского района. На этот праздник съезжаются участники и зрители со всех районов Республики Горный Алтай. Лучшие артисты и мастера национальных ремесел, спортсмены прибывают сюда, чтобы помериться силами. Праздник обычно начинается с театрализованного представления, отражающего различные эпизоды из истории алтайского народа. На этот раз он был посвящен жизни Г.Е. Чорос-Гуркина в годы Гражданской войны, его скитаниям по Монголии.

Алтайцы придерживаются родовой принадлежности. Название каждого рода (сеока) уходит в глубокую древность. Есть потомки кыпчаков, меркитов, найман (майма), сойонов. Каждый род имеет своего покровителя, почитаемого в качестве тотема, и родовую гору.

Ключевыми в празднике Эль Ойун являются соревнования по национальным видам спорта. В них участвуют команды районов, представляющие своих лучших спортсменов. Есть конные скачки, есть соревнования по курешу — поясной борьбе. Есть турнир по кок-пар — козлодранию, когда две команды всадников стараются забросить тушу козла в колодец. Соревнуются по метанию бревна, по подбрасыванию носком сапога свинцовой кругляшки, по подниманию гири и камней, по сбиванию кнутом выставленных фигурок. Особый раздел составляет быстрое взбирание на кедр и сбивание шишек с дерева. Вечером выступления артистов на специальной площадке собирают максимальное количество зрителей, расположившихся на трибунах.

В селе Курота Онгудайского района проживал кам* Аржаан Кузереков. Он гадает с помощью арчына — можжевельника и лечит, играя на топшуре кай**. Каждое утро около его юрты толпится народ, прибывший на лечение. Рядом с деревней расположен эколого-туристический комплекс Уч-Энмек. Там имеется сотни юрт, в которых отдыхают туристы, прибывающие из центральных городов. В основном это группы по интересам: йоги, кришнаиты, индейцы и люди, интересующиеся танцами народов мира. И вдруг, только в их лагере, поднялся пыльный столб, крутясь, он вмиг сорвал покрытия с юрт. Напуганное торнадо начальство лагеря пригласило Аржаана, чтобы он своим благословением защитил лагерь. Отправляясь в путь, Аржаан многозначительно произнес: «Я знал, что так будет». Горный Алтай славится подобными шаманами.

Рядом с поселком много археологических памятников. Так, в Караколе при строительстве памятника во дворе школы было обнаружено захоронение времен неолита. Неподалеку стоят знаменитые курганы Туэкта, Башадыр, относящиеся к пазырыкской культуре. За деревней Кулада есть нетронутые археологами величественные курганы, которые местное население тщательно охраняет от посторонних глаз. За Караколом в сторону Кулады находится Бичикту боом, т.е. Писаная скала, с огромным количеством наскальных рисунков разных эпох и рунических надписей. Летом 2010 г. там работала археологическая экспедиция Кемеровского госуниверситета под руководством А.И. Мартынова, мы принимали участие в её работе.

Далеко за перевалом, на пути к высокогорным Кош-Агачскому и Улаганскому районам есть знаменитая горная местность Калбак-таш, где обнаружены тысячи наскальных рисунков и множество рунических надписей. Там строится новая автострада, при сооружении которой были выявлены новые курганы эпохи средневековья и туда срочно привлекли археологов.

В Горном Алтае очень активно развивается туризм. Из Новосибирска, Бийска, Барнаула курсируют прямые рейсы в наиболее оживленные туристические места. Телецкое озеро, расположенное в Турочакском районе, — постоянное место отдыха российских туристов. Местные жители для туристов сдают свои дома, организуют конные экскурсии и катания

на моторных лодках и теплоходе по Телецкому озеру. Озеро — вулканического происхождения, питается подземными водами, поэтому поражает чрезвычайной глубиной, из него вытекает р. Бия. Вокруг озера проживают тубалары — малочисленная тюркоязычная народность. В районе богатые кедровые леса, едва не вырубленные в советское время леспромпхозами. Рядом с Горно-Алтайском есть знаменитый Манжерок, озеро Айа, Бирюзовая Катунь и т.д., обетованные места для туристов.

Многих туристов привлекает далекий Усть-Коксинский район. Прежде всего это гора Белуха, 4,5 тыс. м высотой. Туристы, альпинисты, экстремалы, рериховцы, мулдашевцы — все стремятся к ней, чтобы прикоснуться к ней или увидеть её хотя бы издали, впитать её энергию. С Белухи стекают ледниковые воды, превращающиеся в красивейшие Мультиинские, Кучерлинские озера и р. Ак-Кем. Конный поход на Белуху занимает 4 дня, на Мультиинские озера можно попасть через 4 часа езды на автомобиле «Урал» по бездорожью, наверх в горы. Озеро поражает невероятной красотой, вокруг него, вплоть до водопада Шумы, можно увидеть палатки и встретить пеших туристов с рюкзаками. Сплав по Бие и Катунь — очень занимательная экскурсия для интересующихся экстримом, резиновая лодка «Раф» тяжело продлевает подводные течения; можно натолкнуться на камни.

Кош-Агачский район закрыт для туристов, туда можно попасть только получив визу в пограничном пункте. В этом районе живет кочующее казахское и алтайское население, проживающее в монгольских юртах. Там, на красивом, труднодоступном плато есть местность Укок, именно здесь обнаружили т.н. *Алтайскую леди*. По мнению алтайцев, после её обнаружения в Горном Алтае начались частые землетрясения. По настоянию алтайской общественности работа археологической экспедиции под руководством Н.В. Полосьмак была прекращена. Вообще отношение к археологам в Горном Алтае, можно сказать, враждебно-подозрительное, т.к. жители считают, что, раскапывая могилы их предков, они тем самым тревожат местных духов. Урочище Пазырык находится в Улаганском районе рядом с деревней Балыкча. Коренное население еще с советских времен знаменито своим агрессивным нравом. Согласно интернет-публикации, там в 80-е гг. спецназ

* Кам — шаман. — В.У.

** Кай — горловое пение. — В.У.

КГБ подавил бунт местных, отказавшихся признать советскую власть. Насчет этнической принадлежности пазырыкской культуры есть самые разные мнения. Н.В. Полосьмак считает что сокровища, найденные в Пазырыкском кургане (ковры, гобелены, украшения, оружие), принадлежат мигрантам из Средней Азии — согдийцам, Л.Н. Марсодолов связывает их с перекочевавшими из Малой Азии киммерийцами, Улла Йохансен древнеалтайские орнаменты связывает с якутскими орнаментами, изученными ею в музейных коллекциях Западной Европы. В.И. Молодин на основе исследований участвовавших в его проекте генетиков выводит из пазырыкцев предков самодийских народов. А.И. Гоголев исходя из многочисленных этнокультурных параллелей считает пазырыкскую культуру стартовой при формировании якутской этнокультуры.

В Улаганском районе проживают теленгиты, занесенные в список коренных малочисленных этносов Сибири и Крайнего Севера. Вообще с этнической идентичностью в Горно-алтайской республике существует большая проблема. Дело в том, что алтайцы — сравнительно молодой этнос. Он образовался в XIX в. из остатков населения Джунгарского ханства, спасавшегося от маньчжурской армии под защитой русских крепостей. Основой этноса алтай-кижи являются теленгиты, в XVII в. имевшие свое ханство, включавшее огромную территорию современного Алтайского края с частью Новосибирской, Томской, Кемеровской и Омской областей. В советское время существовала единая алтайская народность с литературным языком. Только в XXI в. из состава алтайцев выделились малочисленные народы: кумандинцы, челканцы, теленгиты и тубалары. Их предки упоминаются в качестве «черневых» татар еще в XVII в. В.В. Радлов и Г.Н. Потанин, Н.Г. Ядринцев и другие исследователи конца XIX и начала XX вв. знали кумандинцев

как «лебединских» татар, челканцев — как «йыш кизи», тубаларов — как «черневых». Сейчас, с одной стороны, существует интеграция алтайских этносов в единую алтайскую народность, с другой — идет процесс выделения самостоятельных малых народностей из состава алтайцев. Так, теперь представители сеоков толос, майма, кузен и т.д. все чаще заявляют о том, что они имеют такое же право на самостоятельность, как и вышеобозначенные новые народности.

По Телецкому озеру в селах Артыбаш и Иогач живут челканцы и тубалары — малочисленные тюркоязычные народы. Раньше они существовали за счет охоты на марала и пушных зверей, во время охоты ночевали под кедром, разжигая костер. У них имелся обычай воровства невесты.

Таким образом, нам посчастливилось четыре раза побывать в Республике Горный Алтай: летом 2010 г. и летом 2011 г., когда мы приняли трудное трехдневное путешествие на конях к подножью горы Белуха; летом 2012 г., когда приняли участие в юбилейной конференции Института алтаистики имени Суразакова и на национальном празднике Эль Ойын, и осенью 2012 г., когда снова в составе этнографической экспедиции съездили на Телецкое озеро в район проживания челканцев и тубаларов. В Республике Хакасия побывали трижды: осенью 2008 г. на конференции по рунической письменности в честь юбилея В. Томсена, летом 2010 г. — на конференции по чатхану, и летом 2011 г. — в составе этнографической экспедиции в Аскизский район.

Экспедиционные поездки в труднодоступные горные районы Южной Сибири, несмотря на утомительный путь, заряжают путешественника-этнографа энергией и нужными этнографическими наблюдениями: «Лучше один раз увидеть воочию, чем сто раз услышать».

V.V. Ushnitskiy

Trips to the South Siberia: the experience of the ethnographer

The article is devoted to the impressions from trips to conferences in the republics of the South Siberia to Tuva, Khakassia and Altai Mountains. Such trips complement the portfolio of researchers with new materials, enabling you to see the object of study for yourself, freely navigate the geography of the area and meet with local scientists. Visits to local museums, rich in archaeological artifacts and monuments of runic writing, as well as the chance to see archaeological sites directly in the field allow to plunge into the past and experience the continuous connection time.

Keywords: Ethnography, conference, Southern Siberia, turkology, runic monuments, tourism, shamanism.

ИНФОРМАЦИЯ

А.А. Кузьмина

Всероссийская научно-практическая конференция «Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра: фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности»

В рамках Дней Олонхо Республики Саха (Якутия) 9–10 декабря 2013 г. в г. Якутске была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра: фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности», посвященная 80-летию со дня рождения известного якутского фольклориста, переводчика, общественного деятеля П.Е. Ефремова. Конференция была организована Институтом гуманитарных исследований и проблем мало-

численных народов Севера СО РАН при содействии Министерства культуры и духовного развития РС(Я), Научно-исследовательского института национальных школ РС(Я), Арктического государственного института искусств и культуры, Агентства реализации креативных технологий и инноваций культуры Арктики, Ассоциации коренных малочисленных народов Севера РС(Я), «Дома народного творчества» Таймырского (Долгано-Ненецкого) МР Красноярского края, администрации МО «Вилуй-

Участники конференции

Показ долганской одежды, выполненной А.Н. Зверевой

ский улус (район)» РС(Я), администрации МО «Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)» РС(Я) с участием представителей из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Казани, Красноярского края.

На конференции обсуждались вопросы сохранения фольклорного наследия, языка народов Северо-Западной Якутии и Таймыра (долган, якутов, эвенков), их этнокультурной идентичности и взаимодействия, а также архивации, издания и перевода фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Ученые: В.В. Илларионов (СВФУ), П.А. Слепцов (ИГИИПМНС СО РАН), С.Д. Мухомлева (ИГИИПМНС СО РАН), А.А. Барболина (Таймырский Дом народного творчества) — осветили большой вклад П.Е. Ефремова в научное изучение фольклора коренных народов Якутии. В.И. Дьяченко (МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), В.И. Шадрин (ИГИИПМНС СО РАН), А.Е. Захарова (АГИИК), Н.И. Филиппова (ФГБНУ «НИИ национальных школ РС(Я)'), А.Н. Данилова (ИГИИПМНС СО РАН), Г.Н. Варавина (ИГИИПМНС СО РАН), А.П. Решетникова (Музей музыки и фольклора народов Якутии), М.П. Яковлева (ИГИИПМНС СО РАН), Н.А. Оросина (ИГИИПМНС СО РАН), Н.В. Пав-

лова (ИГИИПМНС СО РАН), Н.Н. Тобуроков (СВФУ), Н.Н. Ефремов (ИГИИПМНС СО РАН), В.С. Никифорова (АГИИК) и др. выступили по проблемам изучения языка и фольклора коренных народов Северо-Западной Якутии и Таймыра.

На секции, посвященной этнокультурному взаимодействию и этничности, выступили д. соц.н. Г.Ф. Габдрахманова (Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан) с докладом «Гражданская идентичность: теории и подходы (на примере русских и татар Республики Татарстан)», Д.Г. Брагина (АН РС(Я)) с докладом «К проблеме этнической и этнокультурной идентичности у якутов на рубеже веков (конец XX в. — начало XXI в.)», А.П. Чемчиева (Институт археологии и этнографии СО РАН) — «Критерии определения коренных народов: Дискуссионные вопросы», А.И. Саввинов (ИГИИПМНС СО РАН) — «Якутия — Таймыр: научное пространство, время, судьбы (к истории этнокультурного изучения региона)».

В рамках конференции выступили исполнители фольклорных произведений из Таймырского МР Красноярского края, Анабарского и Вилюйского улусов РС(Я) и состоялся по-

каз долганской одежды, выполненной народной мастерицей А.Н. Зверевой.

Участники конференции отметили, что за последние десятилетия ученые Сибири и Таймыра достигли определенных успехов в сравнительно-историческом и сравнительно-типологическом изучении устного народного творчества и письменной литературы. Вместе с тем выявлен широкий спектр проблем, требующих новых теоретико-методологических подходов к исследованию, сохранению, развитию и пропаганде фольклора народов Северо-Западной Якутии и Таймыра.

На конференции было принято решение:

1) целенаправленно проводить научное исследование языка и фольклора малочисленных народов Северо-Запада Якутии и Таймыра;

2) учитывая уникальность социолингвистической ситуации в Анабарском улусе РС(Я), продолжить исследование специфики функционирования государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия), проблем билингвизма и многоязычия, а также межкультурного взаимодействия;

3) организовать научные экспедиции в Анабарский улус и Таймырский МР Красноярского края для изучения фольклора и проблем этнокультурной идентичности проживающих в них народов;

4) содействовать изданию монографий, сборников статей и фольклорных текстов северо-западных этносов Якутии.

Следует отметить, что конференция была организована при финансовой поддержке РФФИ. С помощью средств гранта был издан сборник материалов конференции «Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра: фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного якутского фольклориста, переводчика, общественного деятеля П.Е. Ефремова. Якутск, 9–10 декабря 2013 г.)» (сост. А.Н. Данилова, А.А. Кузьмина; редкол.: А.С. Ларионова (отв. ред.) и др. — Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2013. — 267 с.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверина Юлия Николаевна – аспирант Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, rsgilab@rambler.ru

Винокуров Василий Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии СВФУ им. М.К. Аммосова, u_vvv@mail.ru

Васильев Валерий Егорович – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, valera_305@mail.ru

Волкова Наталья Викторовна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики предпринимательства Бийского технологического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (БТИ Алт ГТУ), bandula@rambler.ru

Захарова Тамара Викторовна – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, ztv2001@mail.ru

Илларионов Василий Васильевич – докт. филол. наук, проф., завкафедрой фольклора и культуры СВФУ им. М.К. Аммосова, 445325 mail.ru

Кириллина Мария Афанасьевна – канд. филол. наук, н.с. сектора литературоведения ИГИИПМНС СО РАН, litved@mail.ru

Кузьмина Айтилина Ахметовна – канд. филол. наук, н.с. сектора якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, aitasakha@mail.ru

Ларионова Анна Семеновна – докт. искусствоведения, доцент, завсектором якутского фольклора ИГИИПМНС СО РАН, degerenan@mail.ru

Мазай Лариса Юрьевна – канд. культурологии, доцент кафедры музыки и музыкального образования Института искусств ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», malari23@mail.ru

Николаева Альбина Михайловна – канд. филол. наук, н.с. сектора лексикологии ИГИИПМНС СО РАН, aliasams@rambler.ru

Николаева Тамара Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкой филологии Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова, tnikolaeva184@mail.ru

Павлов Афанасий Афанасьевич – канд. ист. наук, н.с. сектора истории Якутии, ИГИИПМНС СО РАН, ykt_history@mail.ru

Позднякова Татьяна Валерьевна – канд. экон. наук, ст. преподаватель Бийского технологического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова» (БТИ АлтГТУ), Ptv-bti@mail.ru

Стыров Максим Михайлович – канд. экон. наук, н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, styrovmm@mail.ru

Сулейманов Александр Альбертович – канд. ист. наук, н.с. сектора арктических исследований ИГИИПМНС СО РАН, alexas_1306@mail.ru

Терентьева Мария Алексеевна – м.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар, iesp@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич – канд. ист. наук, с.н.с. сектора этнографии народов Северо-Востока России ИГИИПМНС СО РАН, boma@mail.ru

Федоров Василий Игнатьевич – докт. ист. наук, в.н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, vif_1933@mail.ru

Шамина Людмила Алексеевна – докт. филол. наук, г.н.с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, сл. тел. 8(383)330-84-69

Юрганова Инна Игоревна – канд. ист. наук, с.н.с. сектора истории Якутии ИГИИПМНС СО РАН, inna.yurganova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Averina Yuliya Nikolaevna – Postgraduate Student, Institute of Complex Analysis of Regional Problems FEB RAS, rsgilab@rambles.ru

Vinokurov Vasilii Vasilevich – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy NEFU, u_vvv@mail.ru

Vasiliev Valeriy Egorovich – PhD in History, Senior Researcher, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department (Group) IHRISN SB RAS, valera_305@mail.ru

Volkova Natalia Viktorovna – PhD in Economy, Department of economy and Enterprise, Baikal Institute of Technology (branch), Federal State Educational Institution of Higher Professional Education, bandula@rambler.ru

Zakharova Tamara Viktorovna – PhD in History, Research Fellow, History of Yakutia Department (Group), IHRISN SB RAS, ztv2001@mail.ru

Illarionov Vasily Vasilevich – Professor, PhD in Philology, D.Sc. Head of the Department of Folklore and Culture, Institute of Languages and Culture of Peoples of the North-East, NEFU named after M.K. Ammosov, 445325@mail.ru

Kirillina Maria Afanasievna – PhD in Philology, Research Fellow, Study of Literature Department (Group) IHRISN SB RAS, litved@mail.ru

Larionova Anna Semenovna – PhD in Arts, D.Sc., Associate Professor, Head of Yakut Folklore Department (Group) IHRISN SB RAS, degerenan@mail.ru

Mazay Larisa Urevna – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Music and Musical Education, Institute of Art FSEI HPE «Khakass State University named after N.F. Katanov», malari23@mail.ru

Nikolaeva Albina Mikhailovna – PhD in Philology, Research Fellow, Lexicology of Yakut Language Department (group) IHRISN SB RAS

Nikolaeva Tamara Nikolaevna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Germany Philology, Institute of Foreign Languages and Regional Studies, NEFU named after M.K. Ammosov, tnikolaeva184@mail.ru

Pavlov Afanasiy Afanasievich – PhD in History, Research Fellow, History of Yakutia Department (group) IHRISN SB RAS, ykt_history@mail.ru

Pozdnyakova Tatyana Valerevna – PhD in Economy, Senior Lecture, chair «Business Economy», Polzunov Altai State Technical University (branch - Biysk institute of technology), Ptv-bti@mail.ru

Styrov Maksim Mikhailovich – PhD in Economy, Research Fellow, Institute for socio-economic and energy problems of the North, Komi science centre, Ural branch RAS, Syktyvkar, styrov@iespn.komisc.ru

Suleymanov Alexandr Albertovich – PhD in History, Research Fellow, Arctic Researches Department (Group) IHRISN SB RAS, alexas_1306@mail.ru

Terentieva Mariya Alexeevna – Junior Research Fellow, Institute for socio-economic and energy problems of the North, Komi science centre, Ural branch RAS, iesp@mail.ru

Ushnitskiy Vasilii Vasilevich – PD in History, Research Fellow, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department (Group) IHRISN SB RAS, boma@mail.ru

Fedorov Vasilii Ignatevich – PhD in History, D.Sc., Senior Researcher, History of Yakutia Department (Group) IHRISN SB RAS, vif_1933@mail.ru

Shamina Ludmila Alexeevna – PhD in Philology, D.Sc., Senior Researcher, Language of Siberian people Department, Institute of Philology SB RAS, tel. 8 (383) 330-84-69

Yurganova Inna Igorevna – PhD in History, Research Fellow, History of Yakutia Department (Group) IHRISN SB RAS, inna.yurganova@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А 4 через 1,5 интервала (шрифт Times Sakha или Times New Roman, размер — 14) с полями: снизу, сверху и слева — не менее 2 см, справа — не менее 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 10—12 страниц, краткие сообщения — 3—6, хроника — 1—2 страницы. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Принимаются к печати статьи, содержащие не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения, а также статьи методического и хроникального характера, рецензии и др. в печатном и электронном виде. Обзорные статьи и материалы по истории наук к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Могут быть приняты к рассмотрению статьи, опубликованные ранее в виде материалов научной конференции (обычно в форме тезисов).

Аннотация статьи на английском и русском языках (2 экземпляра). В конце аннотации — ключевые слова (не менее 10). Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать главные моменты работы, а не говорить просто о чем статья, т.е. быть краткой, но содержательной. На английском языке то же. Статьи в разделы «Хроника» и «Рецензии» предоставляются без аннотаций. В заголовке «Аннотации» сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подписи под рисунками не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках **на название работы** или **на фамилию автора и год издания** с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторы после текста обязаны указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция имеет право вносить редакционные изменения, не искажающие содержание статьи.

Электронный вариант статьи представляется на диске, флешке стандартного формата, на которые заносятся текстовые файлы редактора Word (95, 98, 2000). Дать файлу понятное название, указать на наклейке диска формат и название файла, а также информацию о программном обеспечении.

Перед названием статьи обязательно **указать УДК**.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи в печатном и электронном виде направляются по адресу: 677000, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 412. Тел. 35-43-40.

Электронный адрес редакции: igi@ysn.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–50537
06 июля 2012 г.

Адрес редколлегии:

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
каб. 412 (тел. 35-43-40). Электронный адрес редколлегии: igi@ysn.ru

Подписано в печать 30.04.2014.
Формат 60х90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л. 15,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦНТИ ИГиИПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 35-68-69.
